

1800

секунд

ДЖЕССИКА
ПАРК

18+

Annotation

Сколько нужно секунд, чтобы перевернуть твою вселенную? Невозможно трогательный роман для тех, кто верит в любовь и романтику, от автора бестселлеров New York Times! Эта книга разобьет вам сердце, а затем поможет исцелить его вновь!

Элисон – ученица колледжа и сирота, которую недавно удочерили. Она умеет быть невидимкой, не сближаться с людьми и не заводить друзей.

Эсбен – знаменитый блогер и звезда интернета. Используя свою популярность, он помогает людям и приходит на выручку в, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Когда волею случая они встречаются на социальном эксперименте, призванном доказать, что если смотреть в глаза незнакомцу на протяжении лишь 180 секунд, то это может многое изменить в жизни, их миры сталкиваются самым непредсказуемым образом.

Сможет ли теперь Элисон открыться и пустить за воздвигнутые ею стены нового человека, а вместе с ним и любовь?

180 секунд достаточно, чтобы чужой человек стал самым родным. 180 секунд достаточно, чтобы навсегда изменить мир. 180 секунд достаточно, чтобы исцелить разбитое сердце.

- [Джессика Парк](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Джессика Парк

180 секунд

Jessica Park
180 SECONDS

Text copyright © 2017 Jessica Park All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Сергеева В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Маленькая птичка

Я перешла на третий курс, а значит, до полной свободы осталось два года. Каждый день служит новым напоминанием о том, как сильно я отличаюсь от своих ровесников. Я постоянно ощущаю собственную неспособность быть общительной, веселой, эмоционально раскованной. Это нелегкое испытание – заточить себя здесь, – но я стараюсь по мере сил.

Саймон двадцать минут кружит по кампусу Эндрюс-колледж, прежде чем находит место для парковки. В первый день всегда жуткий хаос. Студенты вылезают из машин с полными руками сумок и коробок, машины стоят в два ряда по всей улице, родители, со слезами на глазах, бродят повсюду и теснятся на тротуарах. Поездка из Бостона на север штата Мэн заняла почти пять часов, и этот сентябрьский день больше похож на июньский. Добро пожаловать в Новую Англию. Кондиционер у нас слабый; я вспотела и теперь, выйдя из машины и наслаждаясь легким ветерком, пытаюсь незаметно высушить футболку.

– Извини, – виноватым тоном говорит Саймон. – Машина старенькая, но еще ничего.

Он стоит снаружи, напротив водительского места, смотрит поверх машины на меня и слегка улыбается, похлопывая по капоту. Вид у него удивительно свежий, невзирая на жару.

– Признаю, она не в лучшей форме для появления на публике. Но давай считать это чем-то вроде сеанса в сауне. Наверняка любая «Вольво» одобрила бы.

Я улыбаюсь и киваю:

– Конечно. Предпоследний курс должен начаться с ритуала очищения.

– То есть ты согласна? Прежде чем ты примешься проделывать тут всё, что положено в колледже, и загрязнишь свой организм. Ну, вечеринки, обеды в столовой... – Он машет рукой.

Я знаю: Саймон надеется, что я тоже пошучу.

Он старается изо всех сил, но обычно у меня не получается подыграть. Я знаю это, но ничего не могу поделать. Саймон не виноват – виновата я. Он очень хороший человек. Возможно, даже слишком хороший. Слишком понимающий, слишком щедрый.

«Саймон еще и мой отец», – мысленно напоминаю я себе.

Удивительно, как часто мне приходится вспоминать об этом. А ведь я же видела документы об удочерении. Господи помилуй, да я была там, когда они подписали бумаги и я официально – наконец-то – вышла из-под государственной опеки в зрелом возрасте шестнадцати с половиной лет.

Я замечаю свое отражение в окне машины. Длинные темные волосы собраны в хвост, который висит на спине свинцовой гирей, густая, мокрая от пота челка облепила лоб, щеки покраснелись.

Впрочем, это не от жары. Просто я волнуюсь. Мне надо попить.

Придется не только познакомиться с новой соседкой по комнате, но и расстаться с Саймоном. Я страшно не хочу устраивать неловкую церемонию прощания, но тем не менее решаю подбодриться и сделать всё, что в моих силах. Из меня получилась не очень хорошая дочь, однако я должна хотя бы попытаться. Саймон мне дорог, а я до сих пор не знаю, как сказать ему об этом.

Я вымученно улыбаюсь и обхожу машину.

– Думаешь, справимся за один раз? Если да, угощу тебя обедом.

– В вашей гнусной студенческой столовой? Не очень соблазнительно звучит, – отвечает Саймон, вытаскивая из багажника коробку.

Он улыбается, хоть и пытается это скрыть.

– Я буду переносить твои туфли по одной, лишь бы спастись от обеда в столовой.

– Вообще-то я имела в виду греческое кафе вон там, – заявляю я.

Чемодан, который я достаю из машины, совсем не тяжел. Я минималист и путешествую налегке.

Саймон выпрямляется, наклоняет голову набок и поднимает бровь, не в силах больше скрывать радость.

– Греческое кафе? Гирос? Хумус?

Я киваю:

– И баба гануш.

Саймон упирает коробку в бедро, чтобы освободить руку, и повышает голос.

– Хватай что можно и беги! Бери только самое необходимое! Лети быстрее ветра!

Он вытаскивает из машины небольшую сумку и устремляется к тротуару, выкрикивая через плечо:

– Скорее, Элисон! Нельзя тратить ни минуты!

Я смеюсь, забираю оставшиеся вещи из багажника и захопываю крышку. Саймон шутит, потому что на самом деле багажа больше нет. Мой приемный отец старается находить светлую сторону в том, что я

неспособна всерьез к чему-то привязаться – и что взяла с собой ничтожную долю тех вещей, которыми другие студенты доверху набьют свои маленькие комнатки. Я вспоминаю, какой он добрый и понимающий, когда речь заходит о моих недостатках. В то время как большинство студентов тратят несколько часов на разгрузку машины и на то, чтобы забрать свои вещи из комнаты хранения, мы справились за пять секунд.

Мне не сразу удастся догнать Саймона – он убежал так далеко вперед, что я успеваю расстроиться от невозможности с ним поравняться. Мой чемодан хлопает по ступенькам и волочится по лужайке, когда я срезаю путь между университетскими постройками, чтобы добраться до корпуса, в котором буду жить.

Запахавшись, я дохожу до Кирк-Холла. Саймон сидит на коробке, такой небрежный и спокойный.

– Саймон, но как? – с трудом переводя дух, спрашиваю я. – Откуда... откуда ты знаешь, куда идти?

– На прошлой неделе я изучил карту кампуса. И вчера тоже на нее глянул. И сегодня утром, перед тем как ехать.

Саймон умудряется выглядеть всё так же небрежно и изящно, как обычно, и на его красной льняной рубашке нет ни единого пятнышка пота. Волосы, которые всегда стильно зачесаны назад со лба, ничуть не растрепались. Его безыскусное умение сохранять спокойствие, даже когда этого не требуется, достойно восхищения.

Большие солнечные очки поворачиваются ко мне.

– Я был здесь всего несколько раз. Но не могу же я вести себя как заурядный неуклюжий родитель, который слепо идет за своим отпрыском. Я должен хотя бы выглядеть так, как будто знаю, что делаю.

Мне становится стыдно, что я редко приглашала его в гости за последние два года. Может быть, в этом году будет по-другому. Может быть, мы станем чуть ближе. Хорошо бы.

Сердце перестает бешено колотиться, но я обливаюсь потом.

– Значит, ты думал, что тебе придется, как сумасшедшему, нестись по кампусу?

Саймон ухмыляется:

– Да! Ну что, давай посмотрим твою комнату.

Прошлой весной я очень надеялась вытянуть удачный номер и получить одноместную комнату, о которой так мечтала, но – что неудивительно – мой номер оказался на самом дне. Я прождала несколько часов в очереди, чтобы выбрать себе комнату на скверно нарисованной схеме – и в результате обнаружила, что все одноместки уже заняты.

Неужели жилье в общежитии нельзя распределить онлайн! Я последними словами ругала допотопную систему, пока изучала оставшиеся варианты. Дежурный несколько раз спрашивал, есть ли у меня подруга, с которой я могла бы поселиться, и я сначала пыталась от него отмахнуться, а потом буквально рывкнула:

– Нет! Понятно?! Нет, мне не с кем поселиться! Вот почему мне нужна одноместка!

Кто-нибудь сказал бы, что незачем было устраивать сцену, но я слишком переволновалась, чтобы об этом думать. Наконец я выбрала место в номере на двоих. По крайней мере, мне полагалась отдельная спальня. Входить и выходить предстояло через маленькую общую гостиную, но я подумала, что, наверно, без особых усилий смогу уединиться. В минуты просветления я даже смела надеяться, что мы с моей загадочной соседкой поладим.

Чудеса иногда случаются. И все-таки сегодня я боюсь встречи с ней.

Чтобы расписаться внизу и взять ключ, уходит лишь две минуты. И вот я с осязаемым трепетом вхожу в свое обиталище на первом этаже.

Саймон смеется, услышав мой громкий вздох.

– Радуешься, что никого пока нет?

Я вкатываю чемодан в одну из пустых спален и плюхаюсь на твердую, как камень, чудовищную оранжевую кушетку в гостиной. Саймон приносит из моей комнаты крутящийся стул, ставит его передо мной и садится.

– Почему ты так волнуешься?

Сложив руки на груди, я оглядываю бетонные стены.

– Я не волнуюсь. Она, наверное, хороший человек. Мы обязательно станем лучшими подругами, и она будет заплетать мне волосы, и мы, почти голые, будем драться подушками, а потом у нас начнется серьезный лесбийский роман...

Прищурившись, я смотрю на паутину в углу и подозреваю, что из яиц вот-вот вылупятся паучата и заполонят всю комнату.

– Элисон? – Саймон ждет, когда я повернусь к нему. – Это исключено. Ты не имеешь права стать лесбиянкой.

– Почему?

– Потому что тогда все скажут, что твой приемный отец-гей волшебным образом изменил твою ориентацию, начнутся пересуды, нам придется слушать рассуждения про природу и воспитание, и это будет о-о-очень скучно.

– Ты прав, – отвечаю я и жду, когда паучьи яйца посыплются с неба. – Значит, лучше предположить, что моя соседка просто нормальный

приятный человек, с которым я не захочу вступать в сексуальные отношения.

– О да, – подтверждает Саймон. – Не сомневаюсь, она окажется славной девушкой. Сильные гуманитарные колледжи привлекают хороших студентов. Здесь отличные ребята.

Он пытается успокоить меня, но получается плохо.

– Конечно, – отвечаю я.

Мои пальцы касаются узловатой оранжевой ткани, которой обтянута кушетка, набитая, судя по всему, булыжниками.

– Саймон...

– Что, Элисон?

Я несколько раз перевожу дух, теребя нитки на этой ужасной кушетке.

– У нее, наверное, рога.

Он жмет плечами.

– Вряд ли.

Саймон делает паузу.

– Хотя...

– Хотя – что? – в ужасе спрашиваю я.

Долгое молчание, от которого я начинаю волноваться. Наконец Саймон медленно произносит:

– А вдруг у нее один рог.

Я вскидываю голову и смотрю на него.

Саймон всплескивает руками, явно пытаясь меня развеселить.

– Как у единорога! Боже мой! Твоя соседка может оказаться единорогом!

– Или носорогом, – замечаю я. – Жутким кровожадным зверем.

– Ты права, – подтверждает Саймон.

Я вздыхаю.

– С другой стороны, если мне вдруг захочется почесать спинку, вся кушетка к моим услугам. – Я прижимаюсь к грубой ткани и вскидываю руки, прежде чем Саймон успеваает возразить. – Да, знаю. Я просто воплощенный позитив.

– Для меня это не новости. – Синие глаза Саймона встречаются с моими.

Лицо у него загорелое и обветренное (он целое лето провел под парусом, в море, у побережья Массачусетса), каштановые волосы выгорели в тех местах, где еще не сменились сединой. Нужно ездить с ним чаще. В следующем году, наверно в следующем году...

– По-моему, чесалка для спины – это настоящая роскошь, которую

предоставляет тебе Эндриус-колледж, – говорит он. – Наслаждайся.

Обводя взглядом бетонные стены, я принимаю решение дать неизвестной соседке шанс. Я заставлю себя быть открытой и дружелюбной. Вдруг мы окажемся похожи. Конечно, нет нужды превращать наше случайное знакомство в настоящую, всеобъемлющую дружбу, потому что у меня уже есть лучшая подруга, Стеффи, и в моем сердце больше ни для кого не хватит места. Но хорошие отношения с соседкой по комнате – это и правда может быть очень приятно.

Ну, не будем торопить события. Меня устроит и вариант «терпимо».

В дверь громко стучат, и она распаивается. В комнату заглядывает рослый парень с растрепанной бородкой и рядами бус на шее.

– Привет, ты Элисон?

Я киваю:

Он сияет.

– Круто! Приятно познакомиться. Я Брайан, староста корпуса. Короче, добро пожаловать. Мы рады, что ты живешь в Кирк-Холле. Год будет клевый.

Он тычет кулаком в воздух, и я стараюсь не морщиться.

– Слушай, подружка, один нюанс. Твоя соседка. С ней небольшая неувязка.

– В каком смысле? – спрашиваю я.

– Ну, типа, она в этом году не вернется в колледж. Какая-то там экспедиция в Антарктиду к морским леопардам. – Он корчит рожу. – По-моему, это какие-то мерзкие твари. Но, типа, несколько месяцев она будет сидеть в лаборатории и изучать их теоретически, а потом поедет, чтобы познакомиться с ними лично.

Саймон морщит лоб.

– Морские леопарды?

– Ну да. – Парень в бусах щиплет себя за переносицу. – Наверно, воняют. Так что в этом году ты, птичка, видимо, будешь летать одна.

Вдруг он широко улыбается.

– Кстати! Сегодня отмечаем начало учебного года! В холле на третьем этаже! Ну, пока.

Он тычет в меня пальцем и исчезает, хлопнув дверью.

Саймон, кажется, потрясен исчезновением моей соседки, зато я приободряюсь.

Я маленькая птичка, которая в этом году будет летать одна!

– Ну что, пошли есть пахлаву, – говорю я с преувеличенным энтузиазмом.

– Элисон...

– Что? А. – Я заставляю себя принять унылый вид и не показывать, что вообще-то нынешний поворот событий меня устраивает. – В смысле, да, было бы очень приятно жить вместе с кем-то, но... всё нормально. Не сомневаюсь, у этой девушки будет необыкновенный год. Я рада за нее. А ты знал, что морских леопардов также называют леопардовыми тюленями? По-моему, это гораздо лучше звучит.

Саймон воздевает руки.

– Нет, не знал.

Он явно подбирает слова.

– Слушай, я в курсе, что ты не любишь людей, но это не значит, что надо радоваться, если...

– Если кто-то предпочел провести год в ледяной тундре, изучая опасных и злобных животных, вместо того чтобы жить в одной комнате со мной?

Саймон грустнеет.

– Да. Но дело же не в том, что она знала тебя... и отвергла. Она просто воплощает свою мечту, ну или что-нибудь такое.

Мы сидим молча, и наконец мне становится так неудобно на твердой кушетке, что я встаю и подхожу к двери комнаты, где могла бы жить моя соседка. Я прислоняюсь головой к косяку и принимаюсь рассматривать пол.

– Жаль, что я не люблю людей. И, наверно, не стоит искренне радоваться, что я буду жить одна.

– Всё нормально, я понимаю, – мягко отзывается Саймон.

– И мне жаль, что я такая пессимистка.

– Это я тоже понимаю.

– И что... – Я не могу подобрать слова. – Короче, мне просто жаль. Я думаю, что ты совершил ошибку. Со мной.

Я впервые говорю вслух то, о чем думала несколько лет. Не знаю, почему это вырвалось именно сейчас, но, честно говоря, я много чего не знаю.

Краем глаза я вижу, что Саймон встает и поворачивается ко мне. Мягко, но очень уверенно он произносит:

– Нет. Я совершенно точно не ошибся.

Поскольку он хорошо меня знает, он не ожидает объятий или иных эмоциональных проявлений. Я доверяю Саймону, в том числе потому, что он уважает мои границы. Он в курсе, что пылкая сердечная привязанность – это не мое.

И люди.

И доверие.

– Но в чем лично я уверен, – продолжает Саймон, – так это в том, что ты обещала мне обед.

И мы идем в маленькое греческое кафе, расположенное в одном квартале от кампуса, и заказываем какое-то дикое количество еды. Я почти всё время ем и мало говорю, но Саймон умудряется сделать молчание не таким уж неловким.

– Интересно, какая она, – бормочу я в промежутках между глотками.

Я пытаюсь представить впечатления нормальной студентки – замечательную, шикарную соседку и себя, которой искренне нравится то, что происходит. Я два года прожила в общежитии и, что неудивительно, ни с кем не подружилась. Разумеется, это моя вина.

– Может, она клевая. Может, мы бы сошлись.

Саймон откашливается. Он-то знает, сколько у меня тараканов.

– Но, – спокойно продолжаю я, – самая большая любовь ее жизни – это, очевидно, леопардовые тюлени. А поскольку меня они приводят в ужас, мы бы, вероятно, всё равно не сумели подружиться. Так что это к лучшему.

Мне становится грустно, и я сосредоточенно принимаюсь доливать в бокал минералку.

– А что ты вообще знаешь про леопардовых тюленей? – прерывает Саймон мое навязчивое утоление жажды. – Я о них почти не в курсе.

Найти в Интернете картинку нетрудно. Я поворачиваю к Саймону экран телефона.

– Зубы. У них не зубы, а настоящие копыя.

Саймон явно терпит поражение.

– Да. Ты права. Неприятный зверь. Возможно, эта девушка была бы не лучшей соседкой.

С чувством огромного удовлетворения я откидываюсь на спинку и чувствую, как голова перестает болеть.

Глава 2

Мы нашли

В девять часов вечера я уже лежу в постели, разгладив хрустящие простыни и убедившись, что идеальная складка у меня на груди сохраняет форму. Небольшой настольный вентилятор разгоняет воздух, ровно настолько, чтобы я не задохнулась от жары. Отчего-то при радостных воплях – где-то наверху студенты празднуют начало учебного года – в моем животе всё стягивается в узел, поэтому я не решаюсь открыть окно. Гудение вентилятора не заглушает звуки пьяного веселья целиком, но, по крайней мере, немного облегчает жизнь.

Внезапный стук в дверь пугает меня; потратив несколько секунд, чтобы справиться с паникой, я осторожно открываю.

– Элисон, привет! Как прошло лето? Пойдешь наверх?

Передо мной – миниатюрная девушка с пластмассовым стаканчиком в руке. Ее крашенные светлые волосы стоят на голове торчком. В прошлом году мы были в одной группе. Бекки? Белла? Брук? Что-то на Б.

Она замолкает, заметив, что я в пижаме.

– А. Видимо, нет.

Я широко улыбаюсь.

– О-о! Как приятно тебя видеть! Ничего себе! Ты шикарно выглядишь. А какой загар!

Я стараюсь говорить с энтузиазмом и сама удивляюсь визгливым ноткам в собственном голосе.

– Честное слово, я страшно утомилась от летних вечеринок. – Я многозначительно смотрю на нее, как бы намекая, что последние несколько недель провела так безумно и скандально, что просто не в силах пережить еще одну тусовку. Я притворяюсь, что зеваю.

Девушка, которую зовут на Б, понимающе воздевает стакан и энергично кивает, так что прядь волос у нее окунается в пиво.

– Понятно. Ну ладно, отдыхай. В другой раз.

Мысль, что предстоит провести здесь еще два года, постоянно отбиваясь от социальных взаимодействий, пугает меня. Если бы я могла надеть шапку-невидимку и посещать занятия в таком виде, я бы это обязательно сделала.

– Конечно... – И я совершаю большую ошибку: делаю паузу, давая

понять, что не помню ее имя.

– Кармен, – с легким раздражением отвечает девушка. – Кармен. В прошлом году мы жили в соседних комнатах и вместе занимались литературой и историей Британии.

– Конечно, я помню, как тебя зовут!

Я отчаянно пытаюсь придумать что-нибудь еще. Я не хочу ходить на вечеринки, но в то же время не желаю и обижать ее. В такие минуты мне отчаянно хочется быть менее странной и неуклюжей. В попытке казаться дружелюбной, я выпаливаю:

– Я... я просто заметила твои сережки и задумалась. Очень клевые. Такие оригинальные.

Она подносит руку к уху.

– Обычные серебряные сережки.

– Э... ну, я не имела в виду, что они прямо уникальные. Они... ну, такие, как надо. Не слишком маленькие, не слишком большие... идеальные. Понимаешь?

Кармен скептически смотрит на меня.

– Да, наверно.

– Очень красивые. Я бы тоже такие хотела.

– Их мне купила мама. Могу спросить у нее, где.

Я улыбаюсь.

– Вот это здорово. Спасибо!

Я понимаю, что говорю чересчур бодро, а потому сбавляю обороты и снова зеваю.

– В общем, мне жаль, что я сегодня такая дохлая. Выпей там за меня, ладно?

– Ладно. Сейчас и начну. – Кармен делает большой глоток и шагает по коридору.

Через несколько шагов она оборачивается.

– Приятно было повидаться, Элисон.

– И мне, Кармен!

Я запираю дверь и выключаю свет. Дверь, ведущая во вторую спальню, открыта, и я задумываюсь. Оставить ее так или закрыть? Не знаю. Если закрыть, будет казаться, что там кто-то есть. Спит, читает, целуется, хочет покоя... Как будто в соседней комнате находится человек, с которым меня действительно хоть что-то связывает.

Открытая дверь будет напоминать, что там никого нет.

Честно говоря, я понятия не имею, что делать. Время идет.

Я срываюсь с места, хватаюсь за ручку и захлопываю дверь. Этой

комнаты не существует. Потом я быстро закрываю входную дверь и поскорее возвращаюсь в постель.

Я лихорадочно натягиваю одеяло до подбородка, чувствуя нечто вроде панической атаки. Почему Кармен прошла именно здесь? Это необъяснимо. Пальцы у меня на ногах шевелятся, и я соединяю ступни, чтобы успокоиться. Затем обмахиваюсь простыней, прежде чем снова разгладить ее и убедиться, что складки лежат идеально. Саймон настоял на том, чтобы купить мне новое белье, хотя один комплект у меня уже был. Он всё выстирал и даже выгладил. И страшно расстроился, когда я попыталась отказаться от новых простыней.

– Нельзя же обходиться одним комплектом белья! Ну пожалуйста! Ради меня! Всего один год – пусть у тебя будет второй комплект! – умолял он. – Он такой плотный, просто прелесть!

Теперь у меня есть набор постельного белья повышенной плотности.

Тяжелый хлопок на ощупь менее привычен, чем дешевые жесткие простыни, на которых я частенько спала в детстве, поэтому мне слегка неудобно и хочется достать из шкафа старое белье и перестелить постель. Но, чтобы порадовать Саймона, я терплю. Он несколько лет пытался дать мне нормальную жизнь.

Жаль, что я не позволяю ему этого. Но он не в состоянии решить мои проблемы, их слишком много.

Уже в десять лет я перестала надеяться на какую-либо стабильность. Я была готова смотреть в будущее с надеждой, но к десяти годам стало очевидно, что никто меня не удочерит. Никому не нужна застенчивая, неинтересная, упрямая девочка, уже давно миновавшая стадию очаровательной малышки.

Я закрываю глаза и глажу одеяло, пытаюсь справиться с тревогой, которая всегда накатывает, когда я вспоминаю прошлое.

Помню очень добрую женщину – социального работника, которая забрала меня из одной семьи, когда мне было лет восемь. Это было на Новый год, сугробы размывал дождь, и она не меньше десяти раз в минуту нервно поправляла свой розовый шерстяной шарф. Какая депрессивная профессия. Я до сих пор вижу улыбающиеся лица взрослых и двух детей, которые обнимали меня на прощанье, желали всего лучшего и благодарили за то, что я пожила у них. Они говорили мне спасибо, как будто я просто приехала в гости по обмену, чтобы познакомиться с жизнью состоятельной массачусетской семьи. Как будто они принимали меня только ради развлечения. Но, по крайней мере, я хорошо ела, ходила в хорошую школу и полгода занималась балетом. Балет, впрочем, не стоил той боли, которую

я ощутила, когда мне сообщили, что пора уезжать.

Мое детство представляло собой постоянную смену школ, комнат, домов, районов, семей. Я даже не помню, сколько у меня было новых учителей и одноклассников, сколько раз приходилось начинать сначала.

Были дни рожденья. Их либо праздновали с чрезмерной помпой, либо полностью игнорировали.

Я начинаю учащенно дышать и вцепляюсь пальцами в одеяло, напоминая себе, что получила даже больше, чем ожидала. Надо успокоиться. У меня есть Саймон. Он пообещал, что никуда не денется. Я его дочь. Он подписал бумаги. Теоретически он и не может никуда деться.

Не может избавиться от меня.

В атмосферу паники врывается телефонный звонок.

Стеффи. Единственный человек в мире, с которым я сейчас готова говорить. Я вытираю лицо и откашливаюсь.

– Привет.

– Привет! – радостно вопит Стеффи, и мне сразу становится спокойней.

Стеффи – единственное исключение в ряду доказательств, что мир ненадежен и нестабилен. С первой же минуты знакомства, в четырнадцать лет, мы принялись выживать вместе. В течение трех месяцев мы жили в одной приемной семье, где, кроме нас, было еще четверо детей, и этого времени хватило, чтобы скрепить нашу дружбу навеки.

– Ну, как Калифорния? – спрашиваю я.

– Солнечная и шикарная. Прямо как я. – Стеффи хрипло смеется, и я буквально вижу, как она отбрасывает назад свои длинные светлые волосы. – Я буквально создана для Лос-Анджелеса. И ты. Сама увидишь, когда закончишь колледж и приедешь.

Я улыбаюсь.

– Да.

Музыка на заднем фоне становится то тише, то громче. Гремят вешалки в шкафу.

– Ты куда-то собираешься?

– Ага. Сейчас включу громкую связь и буду собираться, ладно? Ну, как там у тебя дела? Попрощались с папой?

– Да. Всё нормально. Мы сходили в кафе.

– Саймон все такой же красавчик?

– Стеффи, фу!

Но я не в силах сдержать смех.

– Ну, он же не мой папа, – говорит Стеффи самым сексуальным своим тоном, так, что даже жуть берет. – Если бы я захотела, то стала бы миссис Саймон Деннис. Я была бы твоей мамочкой!

– Замолкни! Какие глупости. И потом, он гей, – напоминаю я. – Ты не в его вкусе. Слава богу.

– В том-то и дело. – Стеффи драматически вздыхает. – Блин. Он всё еще носит те свои шикарные очки? Не надо, не отвечай. Почему любовь так жестока?

Я закатываю глаза.

– Думаю, ты как-нибудь переживешь, если Саймон не ответит тебе взаимностью.

– Да всё нормально, я утоплю печаль в водке с содовой, а окончательно меня утешит какой-нибудь горячий чувак. А ты? Сегодня вечером тебя ждут красавчики студенты?

Я едва удерживаюсь, чтобы не фыркнуть.

– Завтра лекции. Я сегодня... просто отдыхаю.

Почему-то я выговариваю это с трудом – и Стеффи сразу понимает, что дело нечисто.

– Что у тебя там творится, Элисон? – мягко спрашивает она.

– Всё в порядке.

– Трудный вечер?

Бесполезно ей врать.

– Да. Немножко. Не знаю, почему.

Музыка на заднем плане смолкает. Нравится мне это или нет, но Стеффи теперь полностью переключилась на меня.

– Хочешь поговорить? – спрашивает она.

Я молчу. Однако она достаточно хорошо меня знает, чтобы понять, что я киваю.

Стеффи начинает говорить вещи, которые давно мне известны, – но о них слишком часто приходится напоминать.

– Мы не статистические единицы. Мы победили систему. Много лет мы никому не были нужны? Ну и плевать. Мы взорвали систему. Выросли без семьи, всеми отвергнутые, никому не нужные. К черту. Мы закончили школу, обе поступили в колледж. Не попали в тюрьму. Не колемся. Мы даже никогда не убегали и не шлялись по улицам. Мы не попали в статистику, – повторяет она с ударением. – Мы жили в плохих семьях. Жили и в неплохих. Неважно. Ты меня слышишь? Подробности роли не играют. Я не хочу жить в прошлом. И ты не хочешь. Мы туда не вернемся, всё закончилось. Мы, блин, не статистические единицы и никогда ими не

будем. Мы – исключения. Мы исключительны. Тебе ясно?

Я вновь киваю:

– Да.

Пока не появилась Стеффи и не вытащила меня на свет, хотя бы в минимальной степени, я была не девочкой, а улиткой.

– Ну, что еще? – спрашивает она. – Что мы делаем? Каждый божий день?

Я перекатываюсь на бок и протягиваю руку, чтобы выключить маленькую настольную лампу, которая меня слепит.

– Думаем о будущем и не оглядываемся назад.

– О большом будущем, – повторяет Стеффи. – А почему нас ждет большое будущее? – спрашивает она.

– Потому что ты заставила нас учиться. Ты знала, что образование очень важно. Что это нас спасет.

Стеффи вовсе не хвастает, когда принуждает меня повторять это; просто мне не помешает лишний раз оценить то, что проделали мы обе. И Стеффи имеет право ставить наши достижения себе в заслугу, поскольку она угрозами, ласками и подкупом добивалась моих контактных данных при каждом переезде. Она постоянно поддерживала со мной связь, даже когда нас разлучали. Стеффи – единственная причина, по которой я принялась за учебу: она сумела внушить мне, что это необходимо для выживания.

– И ты поступила в колледж. Хороший колледж.

– А ты получила стипендию в Университете Калифорнии. Никому это не удастся. Никому, – подчеркиваю я, как бы желая напомнить себе, чего добилась Стеффи.

Упорный труд и яростная решимость вполне окупилась. Стеффи в гораздо большей мере, чем я, может служить статистическим исключением.

– Мы добились всего этого, – продолжает она, – потому что не забывали о своей цели.

Я смотрю в потолок.

– И потому что ты обо мне заботилась.

– Мы заботились друг о друге... – Стеффи делает паузу. – Помнишь, как ты меня выручила?

– Я не хочу об этом говорить.

Она ненадолго замолкает.

– Ладно. Но ты тоже обо мне заботилась.

– Почему ты сейчас этого не позволяешь?

– Потому что я крепкий орешек.

Я невольно смеюсь.

– О да. Но я просто хочу, чтоб ты знала, что я всегда готова помочь. Я для тебя что угодно сделаю.

– Конечно! Я не сомневаюсь. Слушай, Элисон...

– Да?

– Тебе в конце концов повезло, учти. У тебя есть Саймон. Не забывай этого. Когда мы решили, что все сроки прошли, когда казалось, что нам уже не нужна никакая семья, ты вдруг нашла отца. У тебя есть место, которое ты называешь домом и куда можешь ездить на каникулы. Пусть даже Саймон появился в твоей жизни поздно, не думай, что это ничего не значит. Ты побила все рекорды – тебя удочерили аж в шестнадцать.

– Но это нечестно.

Я не могу удержаться, когда Стеффи так говорит: меня начинает мучить совесть. Я зажимаю рот рукой, чтобы подавить рыдания, грозящие прорваться. Мне не сразу удается успокоиться. Я жду, пока мой голос не начинает звучать ровно. Бесстрастно.

– А тебя не удочерили.

– Я в этом и не нуждалась. Я ведь болела, Элисон. Кому нужен ребенок, больной раком? А потом, через много лет, когда я поправилась, я перестала нуждаться в них.

«В них» – значит, в Джоан и Кэле Канторах. Стеффи переехала к ним примерно в то же время, когда Саймон забрал меня. Но Джоан и Кэл не удочерили Стеффи. Они просто дождались, когда ей стукнет восемнадцать, и отпустили ее на все четыре стороны. Ни поддержки, ни семьи, ни безопасной гавани.

Даже закаленная и независимая Стеффи была потрясена, когда Джоан и Кэл вежливо дали ей понять, что их обязанности в качестве приемных родителей закончены. Вот такой подарок на выпускной.

Я этого им никогда не прощу.

Даже не знаю, что сказать о Джоан и Кэле. Как отнестись к тому, что они отказались от самой замечательной девочки на свете. От девочки, которая могла стать их дочерью.

Как всегда, Стеффи заполняет тишину.

– Слушай, Элисон, я была как бомба замедленного действия. Ты же знаешь. Большой риск. И вообще, зачем мне добрая семья с тремя собаками, если есть ты? Слышишь?

– Да.

И все-таки я сомневаюсь.

– Эй! Перестань! – резко говорит Стеффи. – Не раскисай там! Что я

всегда говорю?

У меня голова идет кругом.

– Не знаю...

– Держись за друзей. Помнишь? У меня есть ты, у тебя есть я. Если тебе повезло и ты нашла в этом жестоком мире одного – хотя бы одного – человека, ради которого стоит бороться, который тебя любит, доверяет тебе, который ради твоего благополучия убьет любого, тогда держись за него крепко, потому что, может быть, это всё, что у тебя есть в жизни. Так вот, нам повезло, – уверенно говорит Стеффи.

– Да.

– Будет больно. А потом перестанет.

– Да.

– Повтори.

– Будет больно, а потом перестанет, – повторяю я, хотя и сомневаюсь, что верю в это.

Я не такая сильная, как Стеффи, и мне по-прежнему обидно думать о прошлом. Пусть даже худшее позади, я до сих пор ощущаю неумолимую, всепоглощающую боль, с которой не могу справиться.

Возможно, я просто сломалась.

– Стеффи? Ты никакая не бомба. Для многих потенциальных родителей ты была просто слишком хороша. Вот и всё.

Глава 3

Мотивация

На первой же неделе я выясняю кое-что неприятное: трудно найти такие предметы, на которые записывалась бы целая толпа студентов. Я предпочитаю большие лекционные залы и аудитории, которые позволяют любому человеку быть просто лицом в толпе. Хотя я в целом избегаю людей, иногда толпа, как ни странно, мне на руку.

Утром в пятницу я провожу тридцать пять минут в кабинете секретаря, перебирая разные варианты и одновременно прикидывая, где лучше всего удастся смешаться с толпой. Я решаю не бросать курс «Сто названий снега: язык и природа», поскольку речь там идет о том, как язык влияет на нашу картину мира, и это очень интересно. Кроме того, мы в основном слушаем, почти не принимая участия в разговоре. Меня это полностью устраивает. Напротив, от «Культур неолиберализма» я отказываюсь, потому что занятия проходят в конференц-зале в библиотеке, и я не желаю обсуждать «автономию экономических сфер» в присутствии шести других студентов и преподавателя. Вместо этого я выбираю популярную «Социальную психологию». А еще? «Еда, медиа и развлечения в потребительской культуре США» и «Вероятность и математическая статистика». Идеальный баланс между минимумом интерактива и действительно интересными предметами, которые мне нравятся.

Как только я разбираюсь с расписанием, следующие несколько недель проходят гладко. Я погружаюсь в приятную рутину – занятия, походы в библиотеку, чтение за едой в кафе. Наверное, я произвожу впечатление тихой девочки-зубрилки, но в Эндрюс-колледж это не такое уж необычное зрелище.

Однажды вечером в пятницу, в конце сентября, в удивительно хорошем настроении, я пробираюсь через толпу в студенческом клубе и выхожу во двор. Сегодня осталась только лекция по психологии, а предстоящие выходные не требуют взаимодействия с людьми. В клубном кафе подают отличный кофе со льдом, и я, потягивая его через соломинку, шагаю по солнечной лужайке к огромному дубу, под которым и устраиваюсь. До лекции еще полчаса. Поэтому я прислоняюсь к узловатому стволу и достаю из рюкзака книжку.

Я, наверно, единственный человек здесь, который предпочитает

бумажные книги электронным. В общем и целом, я не большой фанат новых технологий. Конечно, я пользуюсь мэйлом и Интернетом, чтобы искать информацию и читать новости, и у меня есть мобильник – но и всё. Стеффи годами уговаривала меня завести аккаунты в Фейсбуке и на Твиттере, но при одной мысли об этом мне становится дурно. Как человек, буквально питающийся сплетнями о знаменитостях, Стеффи не понимает моего желания держаться подальше от социальных сетей. Хотя у нее нет особенно близких друзей в Лос-Анджелесе, Стеффи уже завела кучу приятелей в Калифорнийском университете и постоянно где-то тусит с компаниями, с которыми познакомилась на студенческих вечеринках.

Мой кофе идеально крепкий и сладкий, и я делаю очередной большой глоток, сидя под деревом, чтобы убить время до начала лекции. Становится немного прохладнее. Наконец-то и здесь наступает осень. Я поднимаю голову и вижу, как дубовые листья трепещут на ветерке. На моем лице играют блики солнца и пятна тени. Здесь так мирно. Так тихо.

Я смотрю по сторонам и, как всегда, люблю старинными каменными зданиями. У Эндрюс-колледжа классический университетский облик; даже новые постройки спроектированы таким образом, чтобы не выбиваться из ансамбля. Деревья и кусты, мощеные дорожки, железные фонарные столбы лишь усиливают общую атмосферу. Вдохновленная прекрасным днем, я решаю проводить больше времени на воздухе, пока не настала свирепая зима. Постоянно торчать в комнате – это неразумно, а сидя под деревом, я, по крайней мере, могу наблюдать течение жизни, даже если не участвую в ней. Я понимаю, что если обращать капельку внимания на происходящее вокруг, можно многое услышать – как перекрикиваются игроки в фрисби, как болтают студенты, шагающие по дорожке, как наигрывает на гитаре музыкант, устроившийся под соседним деревом... просто удивительно, сколько звуков я обычно игнорирую. Потрясающе. Еще один признак, что у меня не идеальное психическое здоровье.

Я наблюдаю за гитаристом. Он аккуратно одет, у него короткие, безупречно подстриженные волосы и клетчатая рубашка, заправленная в джинсы. Пристроив гитару на коленях, он перебирает струны и что-то напевает, обращаясь к девушке, которая лежит на боку и смотрит на него. Этот тип не похож на обычного музыканта. Больше всего он напоминает студента экономического факультета, который взял гитару, чтобы нравиться девушкам. Видимо, это работает, поскольку девушка, которую он развлекает, просто зачарована.

Это очень приятное зрелище, но я чувствую, как настроение у меня начинает портиться. На мгновение я ощущаю зависть. Не могу даже

представить, что однажды какой-нибудь парень будет петь мне, не говоря уже о том, чтобы смотреть на меня так, как на эту девушку. Но завидовать не стоит, потому что скорее всего ничего хорошего у них не получится. Такова жизнь.

Они понятия не имеют, как это наивно – верить и доверять.

Я стараюсь не морщиться, когда он откладывает гитару, подползает к девушке, со смехом опрокидывает ее на спину и лезет целоваться. Господи, я и правда завидую. И мне грустно. Грустно, потому что со мной никогда такого не будет.

Я бросаю книжку в рюкзак и с силой застегиваю молнию, а затем шагаю к мусорному баку, чтобы выбросить кофе, который вдруг утратил вкус. Я кидаю стакан в бак, но он отскакивает, и на дорожке разливается кофейная лужа со льдом.

– Трехочковый, – хамски замечает кто-то, проходя мимо.

– Спасибо большое, – говорю я ему в спину.

И вздыхаю, глядя на разлитый кофе. Нельзя просто так оставить кубики льда валяться на дорожке, поэтому я приседаю и начинаю собирать их, тихонько ругаясь, потому что они постоянно выскользывают из ладони.

– Скользкие, а?

Рядом со мной останавливаются две ноги. Краем глаза я замечаю рваные джинсы и красные кеды.

Ничего не говоря и не глядя на незнакомца, я продолжаю отчаянные попытки навести порядок. Нахожу в рюкзаке салфетки и стараюсь вытереть лужу.

Стоящий рядом человек наклоняется, и я вижу, как он ловко подбирает эти дурацкие кубики льда, которые проскользнули у меня между пальцев, и аккуратно бросает их в стакан, который я держу в руке. Предплечья у него смуглые и сильные, на запястьях – кожаные шнурки и тонкие веревочные браслеты. Мальчик косит под супергероя. Наверно, думает, что может отражать пули.

Я слегка поворачиваю голову и замечаю бицепс, выглядывающий из-под рукава белой футболки. Я быстро отворачиваюсь. Зачем он тут остановился?

И почему у меня сразу появились какие-то непристойные мысли?

И почему от него так пахнет печеньем и любовью?

Он собирает последние кубики, и я ухитряюсь успешно забросить стакан в мусорный бак, ничего больше не натворив.

– Спасибо. Девять миллионов муравьев скоро сползутся сюда на великий Праздник сахара, – мямлю я.

Парень, от которого пахнет печеньем и любовью, аккуратно льет воду из металлической канистры и моет дорожку.

– Не беспокойся.

Становится очевидно, что я должна посмотреть на человека, который проявляет такую чрезмерную любезность. Это нелегкая задача, и мне стыдно, но все-таки я изображаю улыбку, поворачиваюсь к нему и гляжу снизу вверх, потому что он выше сантиметров на пятнадцать (а во мне всего метр шестьдесят два).

Он смотрит на меня. Пристально. Я слегка сдвигаюсь вбок, чтобы избежать прямого зрительного контакта; мне хотелось бы вообще отвернуться, но его мягкие темно-каштановые волосы так красиво обрамляют лицо, что я удерживаюсь. Волосы длинноваты – передние пряди висят вдоль щек, а задние, беззаботно заправленные за уши, почти касаются плеч. Видимо, в последний раз он брился пару дней назад, но щетина ему идет. И мне приходится собрать волю в кулак, чтобы не засмотреться на необычные янтарные глаза незнакомца, которые словно пронизывают меня насквозь. Я чувствую сильнейшее смущение. Но все-таки... смотрю. Недолго. Несколько секунд. Я позволяю себе обвести взглядом черты чужого лица, полные щеки, подбородок, который вселяет желание намекнуть его обладателю, чтобы он побрился – тогда я смогу рассмотреть получше...

С ума сойти. Я спятила. Меня временно накрыл какой-то ненормальный прилив гормонов, и я сейчас же выкину из головы эту ерунду. Сейчас, я сказала. Немедленно.

Наконец я отвожу глаза и выбрасываю мокрую салфетку.

– Спасибо еще раз. Мне пора на лекцию.

Он собирается что-то сказать, поэтому я разворачиваюсь и вливаюсь в толпу студентов, которая спешит на другой конец кампуса. Как будто я и без того недостаточно выбита из колеи, мимо проходит Кармен. Она машет, и я вежливо машу в ответ, но ничего не говорю, хотя на самом деле мне хочется завопить. Какая я, оказывается, горячая штучка: пролила кофе, и тут же какой-то неизвестный красавчик бросился на помощь.

Лекция по психологии проходит в одной из самых больших аудиторий. Пусть даже студентов много, в зале остается масса свободных мест. Я сажусь, как обычно, с краю в среднем ряду, сразу же достаю тетрадь и делаю вид, что усиленно изучаю записи с прошлого раза. Большинство студентов ведут конспекты на ноутбуке, но Стеффи сказала, что, когда записываешь вручную, лучше усваиваешь материал. Она где-то это вычитала. Я надеваю наушники и включаю белый шум – чтобы меня не

отвлекали.

Аудитория постепенно заполняется. Кто-то похлопывает меня по плечу, и я подпрыгиваю. Это всего лишь какая-то девушка, которая хочет пройти мимо, чтобы сесть. Я киваю и встаю – и вдруг слышу голоса, которые перекрывают белый шум в наушниках. Подняв голову, я вижу, как в аудиторию входит парень, который помогал мне собирать лед. В животе у меня что-то обрывается. Он стоит на лестнице, ведущей к верхним рядам, окруженный студентками, которые воодушевленно болтают и, разумеется, строят ему глазки.

Не успев ни о чем подумать, я выключаю белый шум и медленно откидываюсь на спинку сиденья.

Парень улыбается, когда кто-то приветственно хлопает его по спине, и скидывает голову, услышав восторженные аплодисменты кучки студентов.

Да кто же он такой?

Студенты начинают скандировать:

– Эсбен! Эсбен! Эсбен! Только вперед! Только вперед!

Значит, его зовут Эсбен. Этого подбирателя ледяных кубиков зовут Эсбен. Хм. Какая, впрочем, разница.

Я хмурюсь и сильнее вжимаюсь в спинку. Понятия не имею, что происходит, но почему-то я страшно волнуюсь. Этот тип, Эсбен, смеется и отмахивается. Девушка в третьем ряду окликает его, так громко, что слышно сквозь нарастающее скандирование, и жестом предлагает сесть на свободное место рядом с ней. Очевидно, Эсбен – какой-то суперпопулярный в кампусе человек.

Я буду просто его игнорировать. Это нетрудно. У нас нет ничего общего.

Тем не менее я ловлю себя на том, что в течение полутора часов разглядываю затылок Эсбена. Приходится прилагать массу усилий, чтобы не забывать о конспекте. Почти против воли, я чувствую интерес к этому человеку, когда профессор, заговорив о харизматических лидерах, указывает на Эсбена, и вся аудитория смеется и хлопает. К концу занятия сердце у меня бешено колотится, и я буквально вскакиваю с места, как только преподаватель заканчивает диктовать список литературы. За считанные секунды я добегаю до двери и проталкиваюсь сквозь толпу студентов, чтобы поскорее выбраться наружу.

Дышать. Мне нужен воздух.

Ускорив шаг, я отделяюсь от толпы и в рекордное время добегаю до своей комнаты. Бросаю рюкзак на кушетку в гостиной и смотрю в зеркало, пытаюсь успокоиться. Челка лежит неплохо, длинный хвост не растрепался,

макияж не поплыл, тушь не превратилась в отвратительные комки. Я вдыхаю и выдыхаю, пока не прихожу в норму.

И тогда замечаю довольно крупное пятно от кофе на своей желтой футболке.

Блин.

Дрожа, я стаскиваю футболку через голову и бросаюсь к шкафу за чистой. Моя реакция на самое обыкновенное пятно, конечно, преувеличена, но я знаю, что на то есть свои причины.

В одиннадцать лет мне досталось настоящее чудовище в качестве приемной матери. Она буквально сходила с ума, если я пачкалась. Крохотного пятна грязи на обуви было достаточно для скандала, поэтому, чтобы не запачкать свои белые кеды, я стала ходить странным образом, задирая ноги. Любое пятнышко на блузке вгоняло меня в панику; я научилась постоянно быть начеку, отслеживая всё, что могло исключить меня из списка на усыновление. Эта женщина постоянно указывала на едва заметные пятнышки на моей одежде, морщилась и советовала мне пойти переодеться. И теперь я не могу избавиться от убеждения, что она вернула меня в приют, потому что я оказалась не в состоянии ходить в безупречно чистой одежде.

Поэтому я судорожно роюсь в шкафу, ища самую чистую футболку. Пусть даже я прекрасно понимаю, откуда эта паника, легче мне не становится. Моя безумная реакция – одна из миллиона проблем, которые развились у меня с годами.

Блин, я неисправима.

Я отношу испачканную футболку в ванную дальше по коридору. Держа ее под краном, я замечаю с изнанки что-то темное и издаю стон. Господи, а это что такое?

Мои пальцы лезут под ткань, и я нащупываю нечто пластмассовое. Озадачившись, я выворачиваю футболку наизнанку и вижу на боковом шве пуговицу – светло-синюю, с белыми буквами.

«Не получишь то, что впереди, пока не отпустишь то, что позади».

Я недоуменно смотрю на нее. Каким образом на моей одежде оказалась пуговка с девизом?

«Не получишь то, что впереди, пока не отпустишь то, что позади».

Какая чушь. Некоторые люди просто не в состоянии избавиться от своих проблем.

«Не получишь то, что впереди, пока не отпустишь то, что позади».

Пуговка буквально бросает мне вызов. И я невольно улыбаюсь.

Очень странно. Какая-то глупая пуговка, оказавшаяся у меня на

футболке. Внезапно. Но, надо признать, в этом есть элемент чуда.
Наверное, не стоит так сразу отмахиваться.

Пуговка, возможно, умнее, чем я.

Глава 4

Белый шум

Я решаю провести выходные как настоящая затворница. Буду выходить из комнаты только для того, чтобы заплатить за доставку пиццы и принять душ. Впрочем, в пятницу вечером заснуть почти невозможно: меня терзают звуки пьяного веселья, разносящиеся по коридорам. Ворочаясь и крутясь в постели, я понимаю, что вариантов два. Либо я сопьюсь за компанию, либо куплю беруши.

Лучше беруши.

Впрочем, ко мне никто не ломится, и это хорошо.

Сплю я беспокойно, и меня мучают дурные сны – сны, в которых я сижу за рулем машины, потерявшей управление, или бегу по аэропорту, без багажа и без билета, не в состоянии найти нужный выход, или стою перед бесконечной вереницей запертых дверей, от которых нет ключа.

Совершенно измученная, я просыпаюсь в субботу в восемь утра. Я не переживу этот день без кофе, а значит, все мои надежды на уединение пошли прахом. Впрочем, проснуться утром в выходной приятно: в кампусе царит полная тишина. По пути в студенческое кафе я встречаю лишь двух-трех человек. Воздух свеж, листья начинают желтеть, и я радуюсь неизбежному наступлению настоящей осени. Кампус Эндрюс-колледжа всегда красив, но сегодня утром особенно. Повсюду благословенное безлюдье, и мой недосып кажется не таким уж страшным.

Но все-таки мне нужен кофе.

Учитывая мою любовь к тишине, мне, наверное, нужно в следующем году, после выпуска, уехать куда-нибудь в глушь. Можно жить, заказывая всё необходимое онлайн. Совсем необязательно выходить из дома. Мысль, конечно, очень притягательная, однако я пообещала Стеффи приехать к ней в Лос-Анджелес. Таким изначально был наш план, хотя я сомневаюсь, что выживу в густонаселенном городе. Но, разумеется, мы будем вместе, и с ее помощью я как-нибудь разберусь во всем. Стеффи – моя опора, и она не позволит мне пасть духом.

В кафе пусто, и угрюмый студент, который сегодня работает, сразу же принимает мой заказ. Вид у него сердитый и еще более утомленный, чем у меня; он надвигает на лицо бейсболку, прежде чем взять деньги и нажать кнопку на кассе. «Вот, – с удовлетворением думаю я, – вот человек,

который мне нравится». В отличие от Эсбена. Беззаботный, счастливый, открытый людям. Эсбен – загадка. Сама не знаю, впрочем, отчего я о нем думаю. В моей жизни он не играет никакой роли.

Впору обнять этого мрачного парня за кассой, так мне нравится его неприкрытое недовольство миром.

Я беру четверной капучино и проверяю почтовый ящик. Оказывается, я пропустила одно извещение.

Саймон прислал еще одну посылку. Уже пятую с начала года. Не то чтобы мне это было неприятно – я просто не знаю, чем ответить на его щедрость. Я забираю коробку и несу ее под мышкой, подумав, что меня, как ни странно, радует зрелище обыкновенной белой обертки и написанного от руки адреса.

Идти с коробкой и кофе довольно неловко. Приходится поставить посылку наземь, чтобы достать ключ от входной двери. Когда я наклоняюсь, тяжелая металлическая дверь вдруг распаивается и бьет меня по правому плечу. Потеряв равновесие, я приземляюсь на бетон и сама не знаю, что хуже – боль от удара или ожог от горячего капучино.

Парочка, которая секунду назад держалась за руки и хихикала, теперь ахает и искренне извиняется. От них густо пахнет спиртным и сексом. Я поспешно встаю, подбираю коробку и захожу, прося их не беспокоиться.

Я захожу в комнату и сердито гляжу на свой стакан – наполовину пустой. Нечего удивляться, я уже поняла, что не в состоянии получить дозу кофеина без катастрофы. Я очень осторожно, как кубок с расплавленным золотом, ставлю стакан на столик и приказываю ему:

– Не падай!

Я открываю дверь в пустую спальню и кладу посылку поверх четырех других коробок. Я знаю, что поступаю неправильно, но не могу заставить себя открыть посылки. Если я увижу, что в них, и пойму, как вдумчиво Саймон собирал все эти вещи, то почувствую себя еще более виноватой, чем если просто их не открою. Впрочем, что-то привлекает мой взгляд. Обратный адрес выглядит капельку необычно. Я наклоняюсь и прищуриваюсь. Вместо привычного пиона на марке, над фамилией отправителя, я вижу морского леопарда. У Саймона странное чувство юмора, но мне оно нравится. И все-таки я оставляю коробку неоткрытой.

За моей спиной захлопывается дверь, и я смеюсь: мои соседи по комнате – посылки от Саймона.

Плечо сильно болит, рука тоже, рукав мокрый от кофе. Я стягиваю толстовку, ворчливо сетуя на то, что это уже становится однообразным, и надеваю просторную футболку. Стирая толстовку, я невольно прощупываю

ее. Разумеется, здесь нет никаких дурацких пуговок-мотиваторов, но я все-таки проверяю. На всякий случай. Сегодня я бы порадовалась им. Меня охватывает разочарование, когда я ничего не нахожу, но я продолжаю перебирать пальцами ткань, просто чтобы убедиться, что ничего не пропустила. Зачем? А вдруг за мной наблюдает какой-то ангел, специализирующийся на пуговках с позитивными девизами. Так?

Нет.

Я схожу с ума.

Я достирываю толстовку, забираю остатки кофе и усаживаюсь на кровать. Пишу вежливое спасибо Саймону и не знаю, чем заняться дальше. В комнате до смешного чисто, как всегда. Честно говоря, даже слишком. Шкаф лишь наполовину полон и давно приведен в порядок; верхняя одежда развешана по цвету, белье аккуратно сложено на высокой полке, поэтому нет причин устраивать субботнюю уборку. Гостиная пуста, не считая мебели, которая всегда здесь стоит, поэтому тут тоже делать нечего. Можно приложить к плечу холодный компресс, хотя трудно назвать это делом. Впрочем, учитывая мои опции, вариант неплохой. Я достаю из маленького холодильника, который стоит рядом с кроватью, пакет мороженых овощей и пятнадцать минут разглядываю стенку, пока холод не пересиливает боль от ушиба.

Часы буквально кричат, что еще рано. Впереди целый день, который предстоит пережить.

Ну, в конце концов, всегда можно позаниматься.

В течение нескольких часов я читаю и перечитываю учебники и конспекты, затем выполняю задания на следующую неделю. Статистика, к счастью, суха и не вызывает никаких эмоций, и я сижу, погрузившись в цифры и графики, пока в животе не начинает урчать. Больше уже невозможно торчать в комнате, не отрывая глаз от страницы. Надо что-нибудь заказать, но... стены буквально давят на меня. Это совсем не в моем духе – чувствовать себя неуютно в собственной комнате, но так и есть. Мне тревожно здесь. Пугающее ощущение.

Короткая прогулка, которую я проделала утром, была достаточно приятна. Она убедила меня, что я в состоянии выйти на улицу. Сегодня какой-то другой воздух. Но бродить по кампусу я не желаю. Лучше погулять по Лэндону – это, конечно, не мегаполис, но довольно большой город.

В квартале от колледжа я покупаю в органическом кафе вегетарианский сэндвич и ем на ходу. Сама не знаю, куда иду – во всяком случае, движусь в сторону центра. Покончив с едой, я звоню Стеффи, но

она не отвечает. Наверное, еще спит после вчерашних развлечений. Готова поклясться, что она танцевала до трех часов ночи, окруженная восхищенными парнями, которые весь вечер ее поили. Не исключаю, что один из них сейчас с ней, и потом я захочу подробностей.

Надев наушники, я включаю свой обычный белый шум. Я позволяю кружащемуся звуку заполнить мое сознание и иду, ни о чем не думая. Я несколько часов беспокоилась и волновалась, не в состоянии впасть в привычный ритм, и мне это надоело. Нужно, как раньше, получать удовлетворение только от занятий. Учеба и Стеффи – вот мои опоры. Именно они удерживают меня.

Прогуляв значительно дольше, чем рассчитывала, я оказываюсь в пригороде Лэндона, на широкой улице, застроенной маленькими магазинчиками, ресторанами и барами. Это старая часть города, с мощеными улицами, с фонарными столбами, которые стоят через равные промежутки, с уймой вывесок в стиле ретро. Очень мило. Но я сразу же задумываюсь, что мне тут, собственно, делать. Я не хочу заходить в магазины, сидеть в кафе и общаться с местными. Однако после часовой прогулки я устала и натерла пятки, так что надо несколько минут отдохнуть, прежде чем отправиться обратно. В конце улицы виднеется парк; и я устремляюсь туда, опустив голову и обходя прохожих, пока все магазины не остаются позади.

Действительно, парк. А кроме того, огромное озеро. Я хмурюсь. Почему я не знала, что тут есть озеро? Господи, я ничего вокруг не замечаю.

Я сажусь на одну из многочисленных скамеек и смотрю на воду.

Солнце стоит высоко, и лучи отражаются от легкой ряби на воде. Я делаю погромче шум в наушниках и люблюсь белыми бликами, которые трепещут передо мной. Озеро такое большое, что дома на противоположной стороне едва различимы. Темно-синяя вода заманчиво плещет всего в шаге от моих ног. Она намного соблазнительней, чем растущая на берегу тонкая трава. Озеро обладает спокойствием, которого недостает мне. «Интересно, оно глубокое? Тут можно плавать? А исчезнуть? Утонуть?»

Но я ничего не делаю – только смотрю. Ни о чем не думаю. Ничего не помню.

Не строю планов.

Я опустошаю свой мозг, пока не выкидываю из него всё. Пока не перестаню чувствовать себя – собой. Пока не перестаню чувствовать себя кем-либо.

Я просто существую. Еле-еле.

Закрыв глаза, я погружаюсь глубже в себя. Пусть это и не покой, но, во всяком случае, стабильность, и я сижу, не желая никуда идти, хотя руки у меня начинают мерзнуть. Впрочем, свет, пробивающийся сквозь опущенные веки, постепенно меркнет, меркнет, и я невольно возвращаюсь к действительности.

Открыв глаза, я понимаю, что солнце клонится к закату. Похоже, я несколько часов просидела на этой скамейке. Но неважно. Тени сгущаются над водой, превратив синий цвет в почти черный. Я отворачиваюсь, когда мое зрение начинает вновь привыкать к реальному миру.

Жаль, что я недостаточно его люблю. Жаль, что я не способна радоваться жизни. Я о многом жалею – и сама не знаю, могу ли исцелиться. Наверно, надо пытаться, но я понятия не имею, с чего начать.

Я качаю головой и перестаю грезить. Было глупо уходить так далеко. Теперь мне предстоит часовой путь до кампуса при неприятно низкой температуре. Я скрещиваю руки, чтобы согреться, и возвращаюсь на главную улицу. Я забыла, что транспорт не допускают сюда после пяти часов, поэтому люди спокойно бродят по проезжей части. Вокруг полно студентов, которые выбрались в город, чтобы провести вечер в баре, и я иду, не поднимая головы. Надо миновать это место побыстрее. Несколько раз я с кем-то сталкиваюсь, но не реагирую, даже когда какой-то дюжий парень врзается мне в ушибленное плечо. Я ничего не чувствую. Наверное, это странно.

Я уже прошла полдороги и по-прежнему не отрываю взгляда от бульжников, когда вдруг кто-то хватает меня за руку и тащит на тротуар.

– Можешь помочь? Нам не хватает одного человека. Всего пара минут, не больше! Это мой брат. Честное слово, он очень клевый!

Голос девушки звучит дружелюбно и весело, но я поднимаю голову с огромной неохотой.

– Что? – невнятно спрашиваю я и мельком гляжу на нее.

Ее короткие светлые волосы заправлены за уши, одна прядка выбилась. Она буквально пританцовывает передо мной, продолжая тянуть меня за руку.

– Ну же. Ничего страшного. На, подпиши. Ничего особенного, это просто твое согласие.

Я едва слышу ее слова, потому что слишком занята: я пытаюсь не запутаться в собственных ногах. А еще думаю, как бы сбежать. Через несколько шагов девушка останавливается и достает из сумки блокнот.

– Как зовут?

– Меня? О...

Я понятия не имею, что происходит. Видимо, сбор подписей для какой-то петиции.

– Элисон Деннис.

Она заставляет меня подписаться. Надеюсь, я не вступила в группу поддержки китовой охоты или поголовного перехода на соевое питание.

– Всё, что тебе нужно – это сесть на стул и удерживать зрительный контакт в течение ста восьмидесяти секунд, – говорит девушка. – Не говорить, не издавать никаких звуков, не отводить глаза, ничего не трогать. Просто удерживать зрительный контакт.

Я встряхиваюсь.

– Что?

Вокруг стоит слишком много людей, и больше всего я хочу убежать, но, боюсь, эта девица вполне способна за мной погнаться. Лучше уж выполнить ее просьбу, а потом уйти.

– Это просто социальный эксперимент. Ничего страшного. Меня зовут Керри. Я буду снимать.

Она широко улыбается.

– Ну, садись. Давай, пока еще не стемнело.

Керри направляет меня к стулу, стоящему возле маленького складного столика.

– Снимать видео? Подождите, нет! Я не хочу участвовать ни в каких экспери... – начинаю я, но Керри буквально силой заставляет меня сесть.

Напротив стоит пустой стул, и я стискиваю руки, чувствуя, как нарастает тревога. Очевидно, речь не о петиции. Как там она сказала? Сто восемьдесят секунд? Я буду должна на кого-то смотреть? Супер. Но это всего три минуты. Через три минуты кошмар закончится. Я вернусь к себе, заберусь в постель и снова исчезну. Я очень хочу вернуться туда, где была несколько минут назад. В место, которого нет.

Я сжимаю и разжимаю пальцы, сосредоточенно крутя кольцо, которое ношу на правой руке, в то время как мои ноги сами собой выстукивают дробь.

Кто-то садится напротив, и я осторожно поднимаю голову.

Там сидит Эсбен.

У меня всё сжимается внутри от прилива адреналина и от ощущения опасности. Мое тело напрягается и как будто готовится. Не знаю, к чему.

На лице Эсбена мелькает узнавание. Он запомнил меня вчера, и от этого я начинаю волноваться еще больше. Мы впервые оказались лицом к лицу, и его присутствие одновременно отталкивает и манит. Мне тут же

становится дико стыдно, потому что отчасти я хочу подбежать к нему, а отчасти оттолкнуть – так, чтобы он свалился со стула, чтобы никакого эксперимента не пришлось проводить. Но вместо этого я пытаюсь совладать с холодом, который струится в моих жилах. Эсбен ерзает, чтобы усесться поудобнее, и небрежно проводит рукой по спутанным кудрям. Он отводит волосы от лица, и я могу убедиться, как он потрясающе красив. Я хмурюсь. Он совершенно спокоен и сидит, откинувшись на спинку, как будто эти странные приготовления – самая естественная вещь в мире.

Мое желание сорваться и бежать усиливается втрое. Я могу уйти. Я не обязана сидеть здесь.

Пугающие обстоятельства не лишили меня воли. Но все-таки я не ухожу. Как ни странно, я словно привязана к этому стулу.

Я поворачиваюсь и ищу Керри, но она уже стоит наготове с камерой. Вокруг собралась затихшая, очень большая толпа зрителей. Как будто я и без того не чувствую себя совершенно выбитой из колеи. Выжидающая тишина, которая охватывает всех, еще больше меня нервирует.

Эсбен негромко спрашивает – необыкновенно ласковым, ободряющим тоном:

– Ты готова? Сто восемьдесят секунд.

Глава 5

Сто восемьдесят секунд

Сто восемьдесят. Это немного. Просто ерунда.

Я медленно обвожу его взглядом. Начинаю с кистей, которые спокойно лежат на столе, затем рассматриваю браслеты. Чуть-чуть скашиваю глаза вправо – там ярко-синяя футболка. Наконец я слегка приподнимаю подбородок и вижу небритые щеки и легкую улыбку.

«Прекрасно, – говорю я себе. – Это просто парень. За три минуты он ничего со мной не сделает».

Мы встречаемся взглядами. В закатном свете его янтарные глаза кажутся еще ярче. Он поднимает брови, словно спрашивая: «Готова?»

Я смотрю на него и киваю, как будто он предлагает мне сойтись с ним в бою не на жизнь, а на смерть. Как будто я стану сильнее, чем есть, если переживу следующие три минуты.

– Сто восемьдесят секунд, – напоминаю я.

И он вдруг слегка колеблется. Но тут же одаряет меня одобрительной улыбкой, которую я не в состоянии отнести лично к себе. Он, вероятно, проделывал это бесчисленное множество раз. Я всего лишь очередная участница эксперимента.

Эсбен подает сигнал Керри, и та говорит:

– Время пошло.

Десять секунд. Его глаза буквально пронизывают меня. Эсбен не тратит времени впустую. Он, можно сказать, вкладывает в это дело душу, когда наши взгляды встречаются. Я крепче стискиваю руки. Хоть мне и неприятно то, что происходит, хоть заставляя себя не отводить взгляда – это ужасно, я сохраняю невозмутимое выражение лица. И держусь. Не знаю, хватит ли сил. Эсбен еще усугубляет ситуацию, поскольку смотрит на меня спокойно и без всякого смущения. Но я не сдамся.

«Всё очень просто, – напоминаю я себе. – Просто смотри на него, оставайся серьезной и несгибаемой. Ничего не надо чувствовать, потому что для этого нет никаких причин».

Двадцать пять секунд. Мне мало что известно про сидящего напротив человека, но я знаю наверняка, что мы совершенно не похожи. У него есть всё то, чего нет у меня. А главное, я понимаю, какое это идиотское занятие – смотреть на малознакомого парня. Еще несколько секунд – и я

начинаю злиться. Меня бесит всё. Потому что, сидя под пристальным взглядом Эсбена, я догадываюсь, что он видит нечто большее, чем мое лицо. И от этого я нервничаю. Чувствую себя уязвимой. Злюсь. Он каким-то образом пробил мою броню, и в отместку я закрываюсь еще сильнее.

Тридцать три секунды. Я не в силах подавить растущую ярость. Как он посмел поставить меня в такое положение? Именно меня! Он – живое воплощение свободы, щедрости, открытости. И сейчас я его ненавижу. Видимо, Эсбен это чувствует, потому что слегка откидывает голову.

Пятьдесят секунд. Я стараюсь, как могу, но силы на исходе. Ненавидеть Эсбена не так уж легко. Он смотрит добродушно, даже нежно, а я ощущаю усталость: не столько выражение лица, сколько сам факт его присутствия начинает меня изматывать. Нельзя отрицать, что, как бы я ни хотела ненавидеть Эсбена, он источает какую-то спокойную энергию, которая берет надо мной верх. Кожа у него вокруг глаз слегка движется, как будто он хочет улыбнуться, но сдерживается. Почему-то он чувствует себя хорошо: этот эксперимент словно окрыляет Эсбена. Пытаюсь шевелиться как можно меньше, я делаю глубокий вдох, чтобы показать, что на меня его чары не действуют, и медленно выдыхаю в щелочку между губ. Я не могу ненавидеть его. Просто не могу, как бы мне ни хотелось. Стыдно ненавидеть чужое счастье. Или радость. Ведь всё дело в этом. Эсбен умеет радоваться.

Возможно, я завидую, что у него есть то, чего нет у меня. Я пытаюсь побороть свою неприязнь. Семьдесят три секунды. Вопреки желанию, я невольно втягиваюсь в процесс. В него. Наверняка зрители шумят, но я не слышу ничего, кроме собственного мерного дыхания. Незнакомое ощущение покоя и расслабленности охватывает меня, и я его не гоню. Оно приходит так редко, особенно когда кто-то рядом. Да, я знаю, что такое безмятежность, но моя версия безмятежности – это, скорее, пустота. Ничто. Отсутствие боли. То, что я испытываю сейчас – совсем другое. Я погрузилась в этот новый вариант спокойствия, и у меня есть партнер. Эсбен, несомненно, участвует в происходящем вместе со мной.

Девяносто четыре секунды. Эсбен слегка наклоняет голову, как будто он что-то во мне разглядел. Но как?

Понятно. Нравится мне это или нет, он рассматривает меня по частям, точно так же, как я рассматриваю его. Не говоря ни слова, я изучаю сидящего передо мной человека. Впитываю то, как он выглядит.

Хм. Эсбен не видит во мне что-то; он что-то ищет.

Он, несомненно, чувствует, как высоки мои стены, и я одновременно стыжусь и радуюсь, что мой секрет раскрыт. Меня охватывает нечто вроде

смущенного облегчения. Впервые я верю, что кто-то хочет узнать, какая я на самом деле. Оценить.

Сто восемь секунд. Он так открыт, он хочет жить здесь и сейчас, чем-то обмениваться с другими людьми... Всё это сильнее, чем я. Но Эсбен понятия не имеет, чего просит от меня и что найдет. И мое настроение сразу меняется. «Хочешь поиграть? – подзадориваю я. – Хочешь использовать меня для какого-то проекта по психологии? Давай. Тони вместе со мной. Я выхожу из-за стен».

Впервые я смотрю на него, не притворяясь. Отдаю ему себя. Заново переживаю всё, что делаю каждый день, и переправляю свои мысли Эсбену. Посмотрим, выдержит ли он. Без единого слова, я могу убить его собственной болью и гневом. И именно этого я хочу. Победить Эсбена, яростно растоптать. Проходит лишь несколько секунд, и огонек в его глазах меркнет. На мгновение кажется, что он растерялся. Я узнаю это выражение, потому что сама чувствовала себя так много раз. Теперь он стал серьезнее и внимательнее. словно желая наказать Эсбена, отвлечь, я принимаюсь думать о том, как ненавижу себя. О том, что я неспособна даже хотя бы приблизительно быть такой, как он. Я мысленно перебираю все дома, в которых жила, все школы, все семьи, которые так и не стали моими. Моя жизнь, от начала до конца, представляет собой разрозненные фрагменты головоломки, которые невозможно сложить.

Я хочу, чтобы Эсбен почувствовал мою постоянную боль.

Сто двадцать девять секунд. То, что он делает, невозможно игнорировать. Даже я этого не могу. Ни на одну секунду он не оставляет меня. Несмотря на весь тот ужас, который я обрушиваю на него, Эсбен не позволяет нам разлететься в разные стороны. Он словно дает мне невысказанное обещание не исчезать. Травмы, которые напоминают о себе каждый день, каждый час, каждую минуту, уходят, и я едва ощущаю их присутствие.

По какой-то непонятной причине я теряюсь в нем. Чувствую себя под защитой. Прямо сейчас у меня нет прошлого, которое я ненавижу. Прямо сейчас – я здесь, с ним.

Сто сорок семь секунд. Даже не отрывая глаз от лица Эсбена, я вижу, как от дыхания у него поднимаются и опускаются плечи. Помимо доброты и искренности, есть и еще что-то. Отчаяние? Желание победить? Я вдруг понимаю, что он не так пугающе совершенен.

У Эсбена имеются свои слабые места. Очевидно, у нас все-таки есть нечто общее.

Сто шестьдесят секунд. Наша связь так интимна, что это пугает меня

до чертиков. Как будто на мою грудь давит тяжесть, которую нельзя сбросить. Никогда раньше я не испытывала такого ужаса.

И никогда не казалась себе такой цельной, исполненной надежды, не одинокой.

Мое тело начинает дрожать. Я молюсь, чтоб это ощущение продолжалось, и одновременно – чтобы его не было. Я не хочу всё время бояться; не хочу ждать, что земля вот-вот разверзнется под ногами. Я хочу быть счастливой, по-настоящему счастливой.

Если бы я только могла укрыться от надежды, которая пробивает бреши в моей обороне. Я чувствую приближение слез и стискиваю зубы, чтобы подавить рыдания. Эсбен слегка приподнимает голову и шевелит губами. В его лице смесь тревоги, сочувствия, обещания и... Господи, желания... и я знаю, что не ошиблась. В глазах Эсбена вновь появляется огонек. Он с силой втягивает воздух, словно пытаюсь сосредоточиться, и этот рваный звук пронизывает мое тело.

Он, как и я, с чем-то борется. Мы сражаемся вместе.

Сто семьдесят три секунды. Чувства вот-вот поглотят нас целиком. Я больше не выдержу этого напряжения. Умру от боли, которая охватила мое сердце. Я знаю, что так и произойдет. Я покорюсь этой силе, этому зову – и никакой победы не будет.

Становится трудно дышать: во мне пробуждается паника. Я сейчас упаду. Потому что я, черт возьми, живая, но до сих пор почти не чувствовала жизни.

До него.

Доносится негромкий голос Керри:

– Время.

Мы оба встаем. Эсбен отталкивает стул и переворачивает столик, а я борюсь со слезами. Мы бросаемся друг к другу. Эсбен движется быстро, как молния – он буквально врезается в меня и отрывает от земли, обвив мою талию руками, как будто мы ждали этого целую вечность, как будто невозможно больше откладывать наше воссоединение. Я обхватываю его за шею и прижимаю к себе крепче, чем кого-либо за всю жизнь. Прошло уже очень много времени с тех пор, как у меня был с кем-то столь близкий контакт, и я буквально тону в этом ощущении. Я прижимаюсь к Эсбену со слепой, иррациональной верой, повинуюсь только инстинкту. Не разжимая рук, он ставит меня наземь, и я сплетаю пальцы, чтобы наши объятия не распались. Он дрожит, может быть, даже сильнее, чем я.

Я утыкаюсь лицом ему в грудь. Кажется, я могла бы вечно так прятаться. Или это не значит прятаться. Может быть, это значит жить.

Может быть.

Может быть...

Нет. Исключено.

Но мои руки невольно скользят по плечам Эсбена, пока я не упираюсь ладонями ему в грудь. Я буквально вижу, как выглядит мое прикосновение, как мои ладони повторяют форму его тела, как морщится ткань футболки, когда я притягиваю Эсбена ближе. Он наклоняет голову, а я запрокидываю лицо, так что мы прижимаемся щеками. Он продолжает меня обнимать. Мне нравится грубое прикосновение его щетины, звук неровного дыхания, надежная хватка. Более того, мне нравится жар его рта и та нежность, с которой он касается губами моей щеки.

Потому что я сама не своя, у меня не хватает здравого смысла остановиться, когда я подставляю Эсбену лицо. Его губы устремляются ко мне, как будто ждали этого. Как будто он знал, что так и будет. Мы самым естественным образом сливаемся в поцелуе, который не назовешь медленным и бережным. Он полон необъяснимого отчаяния, поисков спасения, исцеления, возможности покориться...

Господи, я ни о чем думать не могу. Ничего не могу делать, кроме как раствориться во вкусе его губ. Руки Эсбена касаются моей щеки в том месте, где он недавно прошелся губами, а движения языка продолжают рассылать по моему телу волны жара. Я всё никак не в состоянии насытиться, голод сводит меня с ума и заставляет схватить его обеими руками за голову, чтобы он точно не оторвался...

Если Эсбен прекратит, всё закончится. Всё. Я вернусь к жизни, к которой не готова.

Больше ничего я прямо сейчас не способна осмыслить и понять. Значит, наш поцелуй должен продолжаться.

Большими пальцами Эсбен касается моих щек, потом глаз, и я чувствую, как он стирает с них слезы. Одной рукой он приглаживает мне волосы. Поцелуй становится нежнее. Его губы начинают двигаться медленнее, точнее, более страстно. Он тоже не в силах прерваться – я это чувствую. Не знаю, сколько времени мы стоим так, прижавшись друг к другу. Видимо, долго.

Только когда кто-то нарушает тишину громким свистом и зрители, собравшиеся вокруг, начинают радостно вопить и хлопать, а время от времени издавать непристойные возгласы, я резко возвращаюсь в реальность.

Я быстро отстраняюсь от Эсбена и глотаю воздух.

Что я наделала? Господи, что я наделала?

Это безумие. Он не хочет выпускать меня, но я отступаю на три шага и вижу, как на его лице появляется замешательство. На моем, очевидно, тоже.

Слегка – чтоб заметил только он один – я качаю головой. «Мы зря это сделали». Еще шаг назад, затем другой. Эсбен тоже качает головой, прося меня не уходить. Умоляя.

Но я ухожу. Потому что так всегда бывает. Люди уходят. Когда всё хорошо. Когда всё плохо. Люди уходят.

Но на сей раз я ухожу первая.

Глава 6

От любопытства не умирают

Чтобы пойти в понедельник на лекцию по социальной психологии, приходится собрать волю в кулак. После... «инцидента» я до конца выходных не высывалась из комнаты. Глупого, нелепого, непростительного инцидента. Очевидно, мной овладело какое-то временное безумие. И я с ужасом думаю, что другие студенты это тоже видели. Поэтому я иду на занятия, опустив капюшон и надев огромные солнечные очки, которые скрывают лицо почти целиком. Шея, подбородок и рот замотаны цветным шарфом. До меня смутно доходит, что, возможно, этот дурацкий маскарад привлечет ко мне гораздо больше внимания, но так я чувствую себя в безопасности. Впрочем, по пути в аудиторию не случается ничего из ряда вон выходящего.

Когда я приближаюсь к тому месту, где Эсбен помогал мне собрать кубики, звонит мобильник. Я рассеянно отвечаю:

– Привет...

– Привет! – восклицает Стеффи. – Слушай, куда ты пропала? Ты вчера не отвечала ни на звонки, ни на эсэмэски. Что ты делала? Обнималась с каким-нибудь красавчиком-студентом? – спрашивает она с надеждой.

Я спотыкаюсь и чуть не роняю телефон.

– Что?.. Нет! О господи. Нет. Я просто... э... очень много заданий. Я была... э... в таком зале с книжками...

– В библиотеке? – подсказывает Стеффи.

– А. Ну да. – Я рассматриваю бетон в том месте, где пролила кофе. – Столько книжек...

– Элисон, я же говорила тебе не пить с утра. Это неприлично.

Я резко вскидываю голову.

– Что? Я трезвая!

– Тогда почему ты несешь чушь? И я тебя почти не слышу.

Я убираю шарф ото рта.

– Со мной всё в порядке! Просто я с головой ушла в учебу. У меня впереди важный год, и я должна получить высший балл по всем предметам, а в библиотеке столько источников, и там очень тихо, и я записалась в группу подготовки, и нашла удобное кресло у окна, и заказала старое издание Шекспира...

Это сплошная ложь, но я не могу остановиться.

– Ты читала Шекспира, Стеффи? У меня...

Стеффи обрывает мою болтовню:

– Блин, ты ненормальная.

Она права.

– Понедельник – тяжелый день, – говорю я.

– Врешь. У тебя что-то случилось. Рассказывай.

– Ничего не случилось! – вскрикиваю я. – Мне пора! Потом позвоню.

Господи. Обычно я всё рассказываю Стеффи, хотя в моей жизни происходит мало интересного. Но это? Нет. Я просто не в состоянии ей признаться. Лучший вариант – сделать вид, что ничего не было. Правда, надо мной висит угрожающая перспектива через несколько минут столкнуться с Эсбеном, но я могу просто притвориться, что никакого Эсбена нет. Всё очень просто.

Оказывается, незачем волноваться. Я захожу в аудиторию и съезживаюсь за столом, но Эсбен так и не появляется. Вместо облегчения я чувствую досаду: полтора дня предвкушала этот момент, а теперь придется ждать до среды. Я, разумеется, отнюдь не разочарована отсутствием Эсбена. Ни в коей мере.

Вечером во вторник Стеффи звонит мне по скайпу. Я засиделась допоздна, перепечатывая конспекты.

Как всегда, выглядит она безупречно. Даже свободный пучок с отдельными выбившимися прядями идеален. Облегающий розовый топ подчеркивает длинную шею и красивую грудь. Если бы я не обожала Стеффи настолько, меня обуяла бы зависть. Но, когда я вижу ее лицо на экране, мне становится весело. Я улыбаюсь подруге.

– Как жизнь, как дела?

Тут я замечаю, что она сидит, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди, а на губах у нее играет ухмылка.

– Стеффи?

Она поджимает губы и склоняет голову набок.

– «Как дела?» Ты серьезно? Лучше скажи, что там творится у тебя. Ты случайно не хочешь поделиться со мной ничем огромным и интересным?

Я застываю, и улыбка исчезает с моего лица. Ничего не могу сказать. Вот-вот случится беда. Я это точно знаю.

Вдруг Стеффи принимается махать руками и говорить с таким восторгом, что я едва успеваю следить за ее словами.

– Тебе правда не пришло в голову сказать мне, что ты стала звездой Интернета? Да во всех блогах висит тот ролик, где ты целуешься с

единственным и непревзойденным Эсбеном Бейлором! О господи, он же такой красавчик! Ну? Как это было? Что это вообще было? Нет! Подожди! Он сейчас у тебя? Я помешала?

Она всплескивает руками и придвигается к камере, делая вид, что разглядывает мою комнату.

Ничего не понимаю.

– Я стала – кем? – спокойно переспрашиваю я.

– Звездой Интернета! Вирусное видео! В Фейсбуке, Твиттере и так далее!

Она взвизгивает и хохочет, а мне кажется, что я сейчас упаду в обморок.

– Нет. Нет-нет-нет, – говорю я, качая головой. – Ты вообще о чем?

– Подожди...

Стеффи принимается лихорадочно стучать по клавиатуре. Она присылает мне ссылку, и я неохотно щелкаю мышкой.

Блин. О нет.

Понятия не имею, что такое «Базз Фид», но даже я могу понять, что этот сайт огромен. Там куча ссылок на статьи о знаменитостях, про которых я ничего не знаю, уйма заголовков и восклицательных знаков. И на самом верху страницы я вижу видео под названием «180 секунд: незнакомые люди смотрят друг на друга. Сцены, которые растрогают вас до глубины души».

Я в ужасе закрываю лицо руками и кричу:

– НEEEEET!

– Посмотри! Посмотри! – с восторгом настаивает Стеффи.

Я бросаю взгляд на окно чата и закатываю глаза: моя подруга, как полная дура, скачет по комнате.

– Ты правда не видела ролик? – спрашивает она с искренним недоверием. – Да на твоём месте я бы рассылала его направо и налево!

Не сомневаюсь. Стеффи красива, уверена в себе и больше всего на свете любит быть в центре внимания. Я качаю головой, нажимаю на кнопку и смотрю на экран сквозь растопыренные пальцы. Начинается музыка, на экране появляются слова – видимо, это какое-то вступление. Потом я вижу Эсбена, который сидит на знакомом мне стуле. Камера показывает какого-то пожилого мужчину напротив.

– Не может быть, – шепотом говорю я.

– Перемотай в конец! Там интересней! – пищит Стеффи.

– Держу пари, ничего интересного там не будет, – сердито отвечаю я, но все-таки отнимаю руку от лица и перематываю в конец.

Эсбен улыбается и кивает пожилой женщине в деловом костюме, которая встает и уходит. Экран темнеет, и появляется надпись: «Иногда случается непредвиденное. Иногда кто-то заставляет тебя нарушить собственные правила». И тут на экране появляюсь я.

Вот я впервые вижу Эсбена...

– Нет! Боже мой!

Я нажимаю на «стоп».

– Не хочу это смотреть! Стеффи, что мне делать? Почему эта гадость появилась в Сети?

– Ты правда не знаешь, кто такой Эсбен Бейлор? – вопит Стеффи, и вид у нее подозрительно счастливый.

– Он... ну, просто какой-то парень, с которым мы вместе ходим на лекции по психологии... – Я замолкаю, и до меня доходит. – Подожди. Откуда ты знаешь, как его зовут?

– Ты серьезно?! Подруга, я знаю, что ты не любитель соцсетей, но ты это серьезно?! Эсбен Бейлор!

Стеффи плюхается на стул, явно раздосадованная, но все-таки счастливая.

– Вот результат твоего полного неведения.

– Я правда не знаю, кто он такой, – нетерпеливо заявляю я.

Сейчас не время бранить меня за нелюбовь к сетевым сплетням.

– Ну, что это за тип? И откуда ты про него знаешь?

– Я думала, даже ты в курсе, кто такой Эсбен. Господи, он же столько всего постит. Твиттер, Фейсбук... он ведет живой блог. – Она машет рукой. – Эсбен везде! И его посты разлетаются повсюду. Красавчик Эсбен Бейлор постит видео, картинки, придумывает хэштеги, ну и всё такое. Он пишет биографии интересных людей, с которыми встречается, помогает тем, у кого трудности, привлекает внимание к разным проблемам. Очень трогательно и позитивно. А теперь ты попала в один из его роликов! Господи, как я завидую, просто с ума схожу. И в то же время я так за тебя рада! Это просто чудо!

«Так. Всё нормально», – пытаюсь я успокоить себя.

Может быть, ничего страшного не произошло. Просто дурацкое видео.

– У него куча подписчиков!

Сияющая улыбка Стеффи начинает меня раздражать.

– Целая армия!

Я подпираю голову рукой.

– Супер.

– Ты что, расстроилась? Ты же целовалась с Эсбеном Бейлором!

Единственное, из-за чего надо переживать – так это что другие девушки тебя возненавидят.

– Ага. Супер, – повторяю я и закрываю окно браузера.

– Да! – настаивает Стеффи и наконец понижает голос: – Элисон, это правда очень здорово. В твоей жизни недостает изюминки, тебе так не кажется? Чего-то интересного.

– Нет, не кажется, – обиженно отвечаю я. – Слушай, мне пора. Позвоню завтра.

– Ты даже не посмотрела видео до конца. Вы там просто потря...

Я прерываю ее:

– Я не хочу ничего смотреть! И больше не хочу об этом говорить, понятно?

– Но все об этом говорят! Люди в восторге, и...

– Стеффи, пожалуйста! – умоляю я. – Скоро они замолчат. Это просто глупость. Так? Ничего серьезного. Прямо сейчас я в этом не нуждаюсь.

– Ох... ну ладно, – отвечает Стеффи с осязательным разочарованием. – Просто... там ты выглядела... совсем по-другому. Ты была такая... такая...

Я вздыхаю.

– Какая?

– Открытая. Настоящая. Эмоциональная... – Стеффи снова начинает сиять. – Хрупкая и в то же время накрепко связанная с другими...

– Это всё не про меня.

Я не собираюсь подтверждать ее правоту.

– И на тот случай, если ты не заметила, Эсбен шикарен. Я серьезно. Умопомрачительно красив. И он прямо бросился к тебе! В жизни не видела ничего романтичнее. Никто не видел. Эсбен покоряет сердца!

– Нет! – упрямо кричу я.

– Да, – спокойно говорит Стеффи. – И еще кое-что, Элисон. Эсбен идеален во всех отношениях. У него такая душа, какой не найдешь за сто лет.

– Очень мило с его стороны. Но мне всё равно.

Стеффи гневно смотрит на меня, и я отвожу глаза. А она говорит:

– Ты прямо светишься.

– Нет, не светишься!

– Подружка, да какая разница? Ты была такая красивая... и страстная.

– Я серьезно. Перестань.

Мне надоело обсуждать всякую ерунду, и я не хочу продолжать этот разговор – даже со Стеффи.

– Я люблю тебя, но мне правда пора. Созвонимся.

И, не дав ей возможности сказать что-то еще, я обрываю звонок.

Я выключаю компьютер, надеваю пижаму, гашу свет и ложусь. Плевать, что я не почистила зубы и что мне надо в туалет. Чтобы добраться до душа, надо выйти в коридор. Кто знает, с кем я там столкнусь? Вдруг Стеффи права, и какая-нибудь девушка заговорит со мной про...

Я кричу, уткнувшись в подушку.

Про этот поцелуй.

Я снова издаю вопль.

Почему я это допустила? Я так старалась наладить для себя тихую, предсказуемую жизнь, и понадобилось лишь три минуты, чтобы всё рухнуло. Три глупые, нелепые минуты. Я пошла бы на преступление, лишь бы повернуть время вспять.

Надо собраться с силами. Люди непостоянны, и скоро эта истерия закончится. Я просто не буду обращать внимания на Эсбена. Не буду лазать в Интернете или, упаси боже, читать комменты. Не буду смотреть ролик. Его вообще не существует. Никаких проблем.

Но я целый час ворочаюсь в постели, не в силах расслабиться и прогнать тревогу. Когда становится ясно, что я не засну, я замечаю, что телефон лежит в пределах досягаемости, в пятне лунного света. Я отвожу взгляд и нервно шевелю пальцами на ногах. «Нет, я не буду этого делать».

И все-таки делаю. Не могу справиться с собой. Я включаю телефон. Говорят, от любопытства кошка сдохла, но в голове у меня целый лев.

Чтобы найти ролик Эсбена, уходит две секунды. Я обнаруживаю его на другом сайте, не на том, который показала мне Стеффи. Кошмар. Сколько же народу его перепостило? Но хотя я уже сдалась и зашла на сайт, я по-прежнему не в силах посмотреть видео. Сама не знаю, чего боюсь. Я ведь была там.

Я просто не хочу снова это переживать.

Нет, хочу.

Я отматываю в конец и включаю на несколько секунд. Потом нажимаю на паузу и рассматриваю картинку на экране. И не могу оторваться.

Руки Эсбена касаются моего лица, поцелуй в самом разгаре, и наши взгляды явственно дают понять, что происходит нечто нетривиальное.

«Всё в прошлом, – напоминаю себе я. – Сейчас это уже ничего не значит».

И все-таки я держу телефон в руке и смотрю на картинку, засыпая. Я сплю без кошмаров.

Я позволяю себе эту роскошь. Только на одну ночь.

Глава 7

Дыши ровней

Никогда еще за два года учебы в Эндрюс-колледже я не пропускала занятия. Ни разу. Но лекцию по социальной психологии в среду я прогуливаю. Мне хочется пропустить и следующую, но это уже будет как-то слишком, даже с моей стороны. И от двух прогулов я, вероятно, буду нервничать сильнее, чем от необходимости собраться с духом и выйти из комнаты. И потом, я не завтракала и не обедала – и страшно проголодалась. Все утро в мою дверь безжалостно стучали, но я надела наушники и погромче включила белый шум. Не желаю выдумывать что-нибудь серьезное или значительное, ну или что там все эти люди хотят от меня услышать.

Когда наступает временное затишье, я понимаю, что до лекции осталось немного времени, и решаю зайти в греческое кафе, где обедала с Саймоном. Там, в окружении фалафеля, не случится ничего плохого. Во всяком случае, я на это рассчитываю.

Я успеваю дойти лишь до половины дорожки, которая ведет от нашего корпуса к воротам, когда какой-то парень в байкерской куртке и с сумкой на груди вскидывает растопыренную пятерню и восклицает:

– Ух ты... привет!

Именно этого я и боялась. Я слегка приподнимаю руку, от горя почти лишившись способности соображать. Парень шлепает меня по ладони и издает радостный возглас.

– Клевый ролик, – говорит он. – Типа... спасибо.

Он выпускает мою руку, от души хлопает меня по спине, неуклюже салютует и идет дальше.

Минус один. И бог весть еще сколько осталось. День, мягко говоря, не задался.

Прямо перед кафе на меня буквально набрасываются три девушки.

– Мы тебя видели! – восклицает одна.

– Ну, правда, он здорово целуется? Расскажи! Правда Эсбен лучше всех? – пристает другая, с развевающимися рыжими волосами, и делает глупое мечтательное лицо.

У третьей вид почти обиженный.

– Почему ты ушла? Господи, да я бы на твоём месте прямо там сорвала

с него штаны!

– Ну? – заговорщицки спрашивает первая. – Так вы встречаетесь? Ты потом вернулась?

Это ужасно.

– Что? Нет! О боже. Нет, мы не встречаемся, – говорю я.

Выходит довольно грубо. «Будь вежливой. Будь вежливой!» – напоминаю я себе и откашливаюсь.

– Я рада, что вам понравилось видео. Но мне сейчас надо пойти поесть.

Я поворачиваюсь и рывком открываю дверь. Пожилой грек, принимающий заказ, оживает, когда видит меня:

– О-о, это вы!

Он машет кухонному персоналу:

– Посмотрите, это она!

Греки радостно шумят, а я заливаюсь горячим румянцем.

Я как можно быстрее расплачиваюсь и сажусь. Едва я успеваю проглотить кусок, как рядом плюхаются две девушки, с которыми мы вместе ходим на лекции по психологии. Они пицчат от восторга:

– Просто супер. Я плакала!

– Как это было? Как вообще ощущение?

Я встаю, оставив нетронутую еду на столе, и спешно выхожу.

Остаток дня проходит в том же духе, но, слава богу, профессор читает сложную лекцию, в которую я погружаюсь с головой. Я не отрываюсь от конспекта, но чувствую, как остальные глазают на меня. После лекции я беру себе на ужин сэндвич в студенческом кафе и ухожу к себе.

В четверг всё так же плохо, и до меня доходит, что я, может быть, навсегда застряла в чудовищном водовороте чужого внимания. Придется бросить колледж и поселиться где-нибудь в отдаленной части света, без доступа к Сети. Буду жить в хижине и питаться ягодами. Или нет, совсем отрезать себя от Интернета не стоит. Можно заказывать всё, что понадобится. Полная изоляция – это достижимо. Ничего сложного.

К пятнице я уже просто злюсь. Кипя яростью и мужественно сдерживаясь, я иду на лекцию по социальной психологии. На мне буквально написано «не приближайтесь», но это не мешает людям поворачиваться в мою сторону. Слишком часто. Все взгляды обращаются к Эсбену, когда он заходит в аудиторию, и я вижу, как он осматривает ряды скамей. Заметив меня, он останавливается и заметно светлеет. На его лице появляется надежда. И он шагает ко мне. Эсбену нравится зрительный контакт и молчаливое общение? Отлично. В эту игру можно играть и

вдвоем. Я устремляю на него взгляд, полный бешенства, и он замирает. Болтовня в огромной аудитории стихает, но прямо сейчас меня не волнует, что все видят, какие чувства я питаю к Эсбену. Он тревожится. Смущается. Потом ему как будто становится стыдно. Но мое лицо не меняется – а когда в аудиторию входит профессор, я быстро отвожу взгляд от Эсбена и больше не смотрю на него. Без единого слова я сказала этому парню и всем остальным то, что хотела.

Кончено. Точка.

Аура ненависти неплохо защищает меня от чужих комментариев. Я переживаю следующую лекцию, забираю очередную посылку от Саймона и возвращаюсь к себе, слава богу, не подвергнувшись новым домогательствам.

Мне должно было полегчать после того, как я утвердила себя и снизила накал страстей вокруг ролика. А вместо этого я чувствую себя отвратительно. «Я получила что хотела, так?» Ни Эсбена, ни друзей-приятелей. Никто со мной не разговаривает. Положение вещей восстановлено.

Почему же мне так плохо?

Я слышу, как знакомый голос зовет:

– Элисон! Ну где ты ходишь? Я сижу здесь уже двадцать пять минут и сейчас описалась!

Я вскидываю голову и замираю. У меня тут же улучшается настроение. Ощущение пустоты отступает.

– Стеффи!

Пристроившись на верхней ступеньке крыльца, сидит моя лучшая подруга, которая в своих красных кожаных брюках и черной рубашке без рукавов напоминает рок-звезду. Рядом с ней маленький чемодан. Я не знаю, плакать мне или смеяться.

Стеффи встает и распахивает объятия:

– Иди к мамочке!

Я бегом преодолеваю расстояние между нами и горячо обнимаю ее.

– Что ты здесь делаешь? О господи...

– Что... я... делаю? Прямо сейчас... пытаюсь вздохнуть.

Я выпускаю ее и, смеясь, отступаю на шаг.

– Извини.

Я недоверчиво качаю головой. Стеффи отбрасывает волосы с лица и кладет руки мне на плечи.

– Я хочу в туалет. Seriously.

– Сейчас, сейчас! – Я отпираю дверь и показываю Стеффи, где туалет,

а затем веду к себе в комнату, всё это время засыпая подругу вопросами:

– Слушай, что ты тут делаешь? Я просто поверить не могу!

Меня переполняет подлинное счастье. Я машинально кладу посылку от Саймона поверх остальных в пустой комнате. Вернувшись к Стеффи, я вижу, что у нее какое-то странное выражение лица.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Она указывает мне за спину:

– Ты там что, строишь башню в реальном масштабе? Что это за коробки?

– А...

Она права. Башня из коробок и правда выглядит странно.

– Это от Саймона.

– Я вижу.

Стеффи странно улыбается.

– Мы потом об этом поговорим. Я летела ночным рейсом из Бостона, а потом брала напрокат машину и сидела полдня за рулем не из-за того, что ты решила делать запасы на зиму.

Мы садимся на кушетку.

– Зачем же ты приехала? И почему не сказала мне?

Стеффи жмет плечами:

– Хотела сделать сюрприз.

Я по-прежнему в шоке от того, что она здесь, передо мной.

– Но... но... откуда у тебя деньги на самолет и на машину?

– Ты знаешь, сколько денег выдает мне университет на книжки и прочее? Слишком много. А я покупаю далеко не всё по списку. Сама знаешь, как бывает. Большинство книг нужны только на один раз. Ну вот я и потратила сэкономленные деньги на билет.

– И я очень рада, – говорю я и снова ее обнимаю. – Тебя нужно накормить. Кожа да кости!

– И сиськи! Не забывай! – Стеффи прижимается ко мне грудью, и я смеюсь.

– Это невозможно забыть, – уверяю я, откидываясь на спинку. – И ты обязательно расскажешь в подробностях, как твои дела! Ты голодная? Что хочешь на ужин?

– Текилу, – заявляет Стеффи.

– Может быть, еду тоже?

– Может быть. Я подумаю.

Глава 8

Текила и всё остальное

Есть мы идем в итальянский ресторан, где я еще не бывала. Стеффи жадно поглощает порцию фетуччине альфредо, а в промежутках между глотками ругает меня за то, что я никогда раньше сюда не ходила.

– Серьезно?! Ты теперь понимаешь, чего была лишена?

Она подцепляет одну из моих фрикаделек и запихивает в рот.

После короткого захода в магазин (где три разных человека вручают Стеффи флаеры на студенческие вечеринки) мы возвращаемся с алкоголем ко мне, и Стеффи разливает текилу. Я ничего не пила с лета, и спиртное обжигает горло. Я улыбаюсь.

– Господи, как я скучала по текиле.

– А она по тебе.

Стеффи надкусывает ломтик лайма и морщится.

– Знаешь, кто еще по тебе скучал?

– Кто?

Она лезет в стоящий рядом бумажный пакет и достает бутылку.

– Джин!

– Йо-хо-хо!

Другую руку Стеффи тоже запускает в пакет и извлекает третью бутылку.

– И тоник!

– Ух ты!

– Скажи спасибо, что у меня есть поддельное удостоверение.

Я разливаю спиртное и достаю из холодильника несколько кубиков льда, пока Стеффи настраивает на моем ноутбуке плей-лист. Из спальни раздается музыка.

– Блин. Сегодня пятница? – кричит Стеффи.

– Да, а что?

Я захожу в комнату и ставлю на столик свой стакан с текилой.

– Что ты делаешь на «Амазоне»? – спрашиваю я, глядя на экран. – И зачем покупаешь наклейки с мультяшными овцами, скотч и машинку для выдергивания волос из носа?

Стеффи делает большой глоток и поворачивается вместе со стулом ко мне.

– Помнишь квартиру, где я жила прошлым летом? Когда я переехала, то некоторые мои заказы случайно ушли на старую квартиру, потому что я забыла обновить свой адрес на веб-сайтах. В том числе, кстати говоря, в интернет-магазине, где купила очень стильное и недешевое платье. Две стервозы, которые въехали туда после меня, так ничего и не вернули. – Она отхлебывает еще. – Они сказали, что им ничего не присылали. Вранье. Поэтому каждый месяц я посылаю на старый адрес что-нибудь якобы заказанное мной. Ты только представь. Они там радуются и думают, что смогут присвоить еще какие-нибудь мои покупки. Они надеются, что это будет нечто клевое, ведь я всегда покупаю клевые вещи, так? А потом открывают посылку и обнаруживают полосатые носки и наклейку с изображением кучки дерьма. Я их проучу на всю жизнь.

Боже, как я скучала по этому человеку.

Я сажусь на постель.

– Гениально. Я хочу помочь!

– Давай. Выбери что-нибудь. Вот на что я в том числе трачу оставшиеся от стипендии деньги... не считая билетов на самолет.

Стеффи закладывает руки за голову и потягивается.

– Да, я гений.

Полазав по сайту, я добавляю наклейку с надписью «Агентов просим не беспокоить» и коробку какого-то поганого печенья из киноа. Когда на телефон Стеффи приходит извещение, что заказ оформлен, мы весело чокаемся и дружно рыгаем.

Мы – прямо как настоящие сестры.

Я легковес по части выпивки: к половине десятого я уже совсем пьяная. Прекрасное ощущение. Стеффи исполняет какой-то безумный танец, который преимущественно состоит из вращений бедрами и боевых стоек. Выглядит нелепо, но весело. Сидя на кушетке, я сосу кубик льда и наблюдаю, как моя подруга движется по гостиной и пляшет, не попадая в такт. Я по-прежнему не могу поверить, что она здесь, и не сходящая с моего лица улыбка кажется приятным разнообразием после событий минувшей недели.

Именно эта мысль заставляет меня резко выпрямиться.

– Эй! Подожди! – восклицаю я – невнятно, оттого что во рту у меня лед. – Стой!

– Что? – спрашивает Стеффи, прервав танец. – Ты не в силах больше выносить мою сексуальность?

Она качает бедрами.

– Ты! – я указываю на нее пальцем. – Ты прилетела сюда не потому,

что у тебя завалились лишние деньги!

Она мрачнеет.

– В смысле? Я хотела провести выходные с лучшей подругой. Вот и всё.

Стеффи тянется к бутылке с джином.

– Ты здесь с гнусной целью, – с ударением продолжаю я, трясая пальцем.

Она смеется:

– С гнусной целью? Серьезно?

– Стефани Элино́р Трой! Ты подлая хитрюга! А ну признавайся немедленно!

Но она не в силах говорить. Стеффи складывается пополам, ржет и пытается отдышаться. Я хмурюсь.

– Что тут смешного?

Наконец она отвечает:

– Мое среднее имя – не Элино́р!

И вновь начинает истерически хохотать, а потом садится рядом со мной.

– Разве нет? – спрашиваю я, с трудом выговаривая слова. – А почему мне так казалось? Кто такая Элино́р?

Бедная Стеффи с трудом переводит дух и отвечает далеко не сразу:

– Помнишь ту стремную семью, в которой я жила? В Уотертауне? Элино́р звали их собаку.

– Ой. – Я хватаю ее бокал и делаю глоток. – Кем надо быть, чтобы назвать собаку Элино́р?

– Проктологом из Уотертауна, которому на пять месяцев понадобилась поддельная дочь.

– У тебя вообще есть среднее имя?

Стеффи забирает бокал и жмет плечами:

– Понятия не имею. Я даже не знаю, откуда у меня фамилия. Честно говоря, это еще хуже, чем собака по кличке Элино́р. Меня ведь подбросили в такую штуку, типа ящика, где можно оставить ребенка без всяких лишних вопросов. И я сильно сомневаюсь, что мамаша приклеила мне на лоб записку с полным именем. Эй! Кто дал тебе имя? Тебя ведь оставили в родильном доме.

Она права. Раньше я никогда об этом не задумывалась.

– Да! Кто дал нам имена? У нас должно быть право выбирать самим!

– Но ты взяла фамилию Саймона, поэтому ты Элисон Деннис, и это тебе идет.

Глаза у нее загораются.

– Слушай, есть идея. Давай сыграем в дженгу из посылок.

Я хихикаю.

– Перестань.

– Да ладно. Это весело. Я буду вытаскивать коробки из-под низа и надеяться, что башня не рухнет.

– Нет, я не хочу играть в кубики!

– Потом ты вытащишь коробку, потом я... слушай, а почему ты ни одну не открыла? Саймон, наверное, прислал тебе что-нибудь хорошее. Рисовую лапшу, печенье и средство от вшей.

– У меня нет вшей! – взвизгиваю я.

Стеффи кивает. С очень серьезным видом.

– Пока нет. Но в кампусах, к сожалению, это реальная проблема.

Может быть, она права. Может быть, Саймон прислал мне по-настоящему необходимые вещи, в которых я нуждалась, сама не сознавая того. Господи, Стеффи никто не присылает гостинцев, а уж она-то этого заслуживает. Может быть, там действительно печенье... Нужно открыть коробки. Хотя бы одну.

Слегка пошатываясь, я встаю и наливаю себе джина с тоником. В середине процесса я разворачиваюсь, и джин выплескивается на ковер.

– Э-э-эй! Минуту. Ты уклоняешься от основной темы.

– От какой?

– От того, почему ты здесь.

Кое-как смешав джин с тоником, я сажусь рядом со Стеффи.

– Давай поговорим.

Она устремляет на меня непонимающий взгляд и молчит.

Я слегка толкаю ее в плечо.

– У тебя потрясающие новости? Ну? Тебя взяли на стажировку в журнал, о котором ты говорила летом? О, о! Или тут замешан парень? Ты с кем-то встречаешься, да? Расскажи, расскажи!

Стеффи улыбается и хлопает в ладоши.

– Ну... да. Тут замешан парень.

Я вот-вот взорвусь. Несмотря на свои многочисленные веселые романы, Стеффи давно ни с кем не встречалась по-настоящему.

– Расскажи мне всё!

Продолжая улыбаться, она смотрит на меня. Слишком долго. И лишь когда я в отчаянии скидываю руки, говорит:

– Этого парня зовут Эсбен Бейлор, ты целовалась с ним в засос, стала звездой Интернета и ничего не желаешь рассказывать. Хотя случилось

нечто необыкновенное! Потрясающее! Совершенно не в твоём духе. Полный улет. Ура!

Я раздраженно скрещиваю руки на груди.

– Не надо «уракать»!

– Нет такого слова.

– Неважно. Я думала, ты расскажешь мне что-нибудь хорошее о себе, и мы это отметим. А Эсбен... вообще тут ни к чему. Ты правда прилетела, чтобы поболтать об Эсбене и том, какую глупость я сделала?

– Да. – Стеффи достаёт телефон, несколько раз касается экрана и поворачивает его ко мне. – Посмотри. Просто посмотри.

Я вижу на экране себя и Эсбена.

– Ничего особенного.

Но мой голос звучит слабо. Взяв мобильник, я изучаю картинку.

– А вот и нет, – возражает Стеффи.

Я встряхиваюсь.

– На этой неделе он превратил мою жизнь в ад! Ты знаешь, сколько человек в кампусе успели ко мне прицепиться? Они желали сочных подробностей, лезли, расспрашивали. Бр-р. Ужас. Я едва положила этому конец.

Стеффи фыркает:

– Ну, Интернет так просто не заткнешь.

– В смысле?

– Твиты, комменты на всех сайтах, где выложен ролик... людям он по-прежнему нравится.

– Комменты?!

– Ну да. Тысячи... – Она, прищурившись, глядит на меня. – Надо что-то сделать с твоим макияжем. И с волосами.

– Что? Кому какое дело до моего макияжа и волос? Тысячи комментов? Откуда?

Джин вовсе не помогает мне расслабиться. Я едва замечаю, как Стеффи распускает мне волосы и лезет в сумочку за косметичкой.

Она заставляет меня закрыть глаза и принимается наносить тени на веки.

– Милая, у Эсбена четыреста семьдесят пять тысяч подписчиков. И это только в Твиттере. Есть ещё Фейсбук, где их больше трехсот тысяч. И блог.

Я открываю глаза, не обращая внимания на ворчание Стеффи по поводу того, что я помешала ей меня красить.

– Сотни тысяч. Стеффи...

– Если бы ты не игнорировала соцсети, ты бы это знала. Эсбен

Бейлор – культовая фигура! И он здесь, в вашем кампусе! Я готова плакать от зависти.

Да, мне тоже хочется плакать.

Стеффи снова берет телефон и тычет в экран:

– Вот. Читай. Комменты под исходным постом в Твиттере.

Изнемогая, я начинаю долго-долго проматывать. Тем временем Стеффи обводит мои глаза темно-коричневым карандашом и наносит немного румян на скулы, а затем достает большие щипцы для завивки и начинает возиться с волосами.

Я читаю.

Потрясающе. Трогательно. Искренне. Продолжай в том же духе, Эсбен. Ты крут! Ролик просто супер. Спасибо, что выложил. Я показала маме, и мы обе плакали!

что за девушка? ничо так. молодец Эсбен. неплохое начало, чувак

Плз приезжай в Чикаго ты нам нужен! Я сделаю все что ты захочешь! Поцелуй меня! Эта девушка есть в Твиттере? Я на нее подпишусь.

ПОЦЕЛУЙ века. а потом что? она вернулась? вы поговорили??

Презрительно усмехаясь, я продолжаю проматывать и читать. В целом все комментаторы поддерживают и хвалят Эсбена. Есть, конечно, и неприятные реплики. «Она тебя недостойна. Хорошо, что сбежала». «Ненавижу твои ролики, ты придурок». «Это всё розовые сопли, займись делом».

Меня мутит.

Стеффи подносит щипцы слишком близко к моей голове, и я вскрикиваю, а потом залпом допиваю остатки джина.

– Знаешь что? – спрашиваю я – слишком громко. – Он ненормальный! Я не просила внимания. Если ему хочется, чтобы мир вращался вокруг него, это его право, но как он посмел втягивать в свои игры меня и других ни в чем не повинных людей? Он ужасный, ужасный человек!

– О да. Ужасный. – Стеффи делает паузу. – Ты должна сказать ему об этом. Правда?

Я бросаю телефон на кушетку.

– Да. Должна, черт возьми!

– И прямо сейчас! – подхватывает Стеффи.

Видимо, она передумала и теперь разделяет мое негодование.

– Давай выясним, где он живет. В Сети есть карта кампуса?

– Не знаю. Наверно. Никогда раньше никого не искала.

Мы заходим на студенческий портал Эндрюс-колледжа, и за считанные секунды Стеффи выясняет, что Эсбен живет в корпусе Уоллес-холл, неподалеку от меня.

– Ура! – восклицает она и увеличивает на экране его фотографию. – Господи, ну и глаза...

– Эй, убери!

– Я имею в виду – он, конечно, гад, но красивый...

– И от этого я его еще больше ненавижу.

– Ну тогда иди и скажи ему прямо сейчас, какой он подлец.

Я икаю.

– Прямо сейчас?

– Да. Пользуйся моментом.

Стеффи вскакивает, притягивает меня к себе и проводит рукой по моим свежезавитым волосам.

– Ты посмотришь этот ролик вместе с ним и укажешь на всё, что тебе не нравится!

– Ты пойдешь со мной? В качестве поддержки. Ну, ты можешь кричать: «Давай, Элисон, жги!», когда я скажу что-нибудь остроумное.

Стеффи достает из кармана узких брюк красную помаду и освежает губы.

– Мне надо заскочить на вечеринку к вашим ребятам. Тут чертовски милые парни. Напиши, когда пойдешь обратно.

– Я всыплю Эсбену за непристойное поведение! – с гордостью восклицаю я. – Полиция нравов рулит!

– Да, да, мой пьяный полицейский. А теперь дай я немного подкрашу этот очаровательный ротик...

Глава 9

Макароны и видео

Мы со Стеффи расходимся перед корпусом, где живет Эсбен, и я уверенно, хотя и слегка нетвердо, поднимаюсь по лестнице. Оказавшись перед нужной дверью, я без малейших колебаний стучу по ней ладонью. Сегодня я намерена расставить все точки.

Дверь открывается, и я тут же пугаюсь, не в силах игнорировать тот факт, что мы вновь оказались в двух шагах друг от друга. А еще я невольно замечаю, что плечи у Эсбена широкие, но не слишком – и я хорошо помню, каково прижиматься к его груди и чувствовать его объятия.

Я качаю головой и смотрю на парня, который стоит передо мной, явно испуганный.

– Так, пижон, нам надо поговорить!

Я протискиваюсь мимо и оказываюсь в комнате, где едва хватает места для кровати, стола и шкафа. Кровать не убрана, поверх клетчатых простыней лежит скомканное синее одеяло, повсюду разбросана одежда, а на столе такой хаос, что я чувствую прилив паники.

– Ну ты и неряха, – говорю я, не успев спохватиться.

Эсбен медлит, прежде чем ответить:

– Ну... да. Извини. Я не знал, что ты придешь.

Проходит еще секунда, и он говорит:

– Элисон.

Я впервые слышу, как он произносит мое имя, и ощущаю легкий трепет.

– О господи. Извини. Всё нормально. Я сказала, не подумав.

Я обвожу комнату взглядом.

– Ты, конечно, не помешан на чистоте. Но, честное слово, в этом нет ничего плохого. Просто такой стиль. Он помогает расслабиться.

– Слушай, давай я...

Эсбен начинает лихорадочно расправлять простыни и одеяло, чтобы придать комнате видимость порядка.

– Хочешь сесть?

Не глядя на меня, он указывает на кровать.

– Да.

Я сажусь, а он устраивается на стуле.

Я машинально начинаю разглаживать одеяло рукой, наблюдая, как вздувается ткань под моей ладонью. Наконец я обвожу взглядом комнату. Мне едва удастся разглядеть маленькую микроволновку, стоящую на пакетах из-под молока, потому что сверху она завалена одеждой, тетрадами и дисками. Потом я замечаю на полке видеокамеру и отворачиваюсь.

Молчание длится дольше, чем считается социально приемлемым, однако его не назовешь натянутым. Эсбен просто ждет. Я вдруг понимаю, что точно так же меня обычно ждет Саймон.

– Я хочу задать несколько вопросов, – выпаливаю я.

Джин сделал меня исключительно прямолинейной. Я не в силах взглянуть на Эсбена. Вместо этого я разглядываю собственные руки.

– Давай.

– Ты собираешь волосы в пучок?

Он смеется:

– Нет. Они недостаточно длинные. И я не люблю пучки.

– Очень хорошо.

– Следующий вопрос.

– Почему у тебя нет какого-нибудь постера с котенком, висящим на ветке, и надписью типа «Не зависай!». Ну или плаката с Ганди и какой-нибудь жутко остроумной цитатой. Почему вместо этого ты повесил у себя черно-белую фотографию Ленни Кравица?

– У меня аллергия на кошек, а Ганди далеко не такой фотогеничный, как Ленни Кравиц.

– Смешно, – уныло отзываюсь я и наконец поднимаю голову. – Зачем ты это сделал? Зачем так поступил со мной?

– Не понимаю, – негромко произносит он.

– Зачем выложил ролик в Интернете? Зачем вообще втянул меня во всё это? Что я тебе сделала? – спрашиваю я, повышая голос. – Я жила нормальной жизнью, но теперь из-за тебя все пристают ко мне, задают вопросы, и-и... – я пьяно помахиваю рукой, – пишут в Твиттере, и комментят, и вообще. Я об этом не просила.

– Элисон, мне очень жаль, – говорит Эсбен вежливо, но с некоторым удивлением в голосе. – Я... ты же подписала отказ от претензий. Ты... я думал, ты знаешь, кто я такой.

– Ой, только не надо считать себя пупом земли!

Он негромко смеется:

– Я не это имел в виду. Но... я провожу много социальных экспериментов, а наш кампус относительно небольшой...

– Значит, ты должен был знать, что я не люблю, когда ко мне лезут!

Что я не хочу, чтобы люди видели, как я... я... – Я теряюсь в поисках нужных слов. – Этого никто не должен был видеть. Потому что этого не должно было случиться! Ты что-то такое сделал, – обвинительным тоном продолжаю я. – Не знаю что, но сделал. Зачем? Тебе был кто-то нужен для эффектного финала, и ты велел своей сестре притащить самого замкнутого человека, чтобы проверить, сумеешь ли ты... не знаю. Сломить меня?

Эсбену, кажется, не по себе, и я чувствую укол совести. Он качает головой:

– Нет, нет. Боже мой. Нет.

Эсбен отводит взгляд, словно пытаясь подобрать правильные слова.

– Что случилось в тот день? Объясни, – настаиваю я. – Потому что я не понимаю. А ты должен понимать. Почему мы... – Я не в силах это выговорить. – Ну же. Объясните мне всё, мистер Эсбен Бейлор. Может, ты и думаешь, что тебя все знают, но я не знаю о тебе ничего, кроме того, что ты полный придурок.

Я икаю, но он из вежливости молчит.

– Хватит молчать!

Я злюсь и уже откровенно грублю, но невозможно остановить слова, которые сыплются у меня с языка.

– Ладно. – Он делает глубокий вдох и медленно выдыхает. – Я никогда не знаю заранее, кто согласится поучаствовать в моем проекте. Честно. Пусть даже в тот раз собралась целая толпа, нам было трудно найти добровольцев. Наверно, люди нервничают, когда их просят на некоторое время сосредоточиться. И потом, интереснее обычно бывает с теми, кто не успевает задуматься, а что он, собственно, делает. Керри сказала, что просто выхватила тебя из толпы. Мы ничего не планировали. Правда.

Эсбен смотрит на пол и беспокойно растирает себе колени.

– И все-таки это произошло, – говорю я – как ни странно, спокойно. – Это произошло, хотя я ничего такого не хотела.

– Если бы я знал, что ты не хочешь... Но я же вообще ничего о тебе не знал, кроме того, что однажды ты пролила кофе. – Эсбен слегка улыбается. – Я решил провести эксперимент, потому что подумал: здорово будет посмотреть, как общаются два незнакомых человека, как они нащупывают почву и, может быть, даже находят нечто общее. И всё это без слов. Как в процессе уходят предубеждения, как за короткое время возникает нечто вроде связи. Я понятия не имел, какой получится результат. Да и откуда?

Несомненно, он говорит искренне.

– Я включил в ролик наш эпизод, потому что между нами произошло

нечто необыкновеннее. Я был к этому совершенно не готов. Хочешь, чтобы я объяснил? Не знаю, как. Я просто... – Эсбену явно становится неловко. – Что-то в тебе привлекло меня. Сомневаюсь, что когда-нибудь так сосредотачивался на одном человеке. Как будто ты проникла в мое сознание. Слушала, задавала вопросы, успокаивала, протягивала руку...

Эсбен недоверчиво смеется. О, я его прекрасно понимаю. Он проводит рукой по волосам и ерзает. Я отодвигаюсь к стене, подложив по спине подушку, и признаю:

– Не знаю, правильно я тебя поняла или нет, – признаю я. – Но ты продолжай.

Я хочу, чтобы он говорил, потому что спиртное достаточно меня расслабило, и мне, в общем, приятно наблюдать, как он двигает руками, когда говорит, и слышать хриловатый, но не слишком низкий голос.

– Но хотя нет никакого рационального объяснения тому, что произошло между нами, это не умаляет ценности тех трех минут. Как часто мы бываем искренне растроганы? – Эсбен смущенно смотрит на меня. – У меня в тот день были и другие удивительные эпизоды. Например, с мужчиной ростом под два метра, в бандане и байкерской куртке. Вид у него был злобный. Честно говоря, я немного испугался, когда он сел напротив. У меня, как у любого нормального человека, куча предубеждений. Но я прочистил голову и попытался не думать о том, что он вот-вот даст мне в морду. А потом случилось самое приятное. Не знаю почему, но в какой-то момент он начал смеяться. И я тоже. Мы оба ржали, и нам было хорошо.

– И он, очевидно, тебя не убил.

– Да.

Я рассматриваю его запястье, украшенное кожаными и веревочными браслетами, затем вновь перевожу взгляд на красивое лицо.

– А потом появилась я.

Он кивает и подается вперед, положив руки на колени.

– Ты перевернул стул, – напоминаю я.

Эсбен улыбается, и его проклятые янтарные глаза перестают меня бесить.

– Да. Я себя не контролировал.

– И опрокинул стол.

– Тут я тоже ничего не мог поделать.

– Ты меня поцеловал.

– Разве я мог удержаться?

Этот пристальный взгляд. Опять.

– И, кажется, я был не одинок. Ты ведь тоже меня поцеловала.

Мысленно я считаю. Шесть, семь, восемь, девять, десять. Кивок.

Он прав, но сказать это вслух я не могу.

– Правда, здорово? – продолжает Эсбен. – Лично мне понравилось. Хотя, видимо, тебе – нет. Но я подумал, что, может быть, в ту минуту тебя переполнили эмоции, поэтому ты ушла. И поэтому я не пытался потом тебя разыскать.

Я бросаю взгляд на камеру.

– Ты не пришел в понедельник на психологию. Ты что, прятался?

– Просто был нездоров.

– Супер. И что, я теперь тоже заболею мононуклеозом? Или птичьим гриппом?

Он смеется:

– Нет. Просто осенняя аллергия.

– А... – Я сплетаю и расплетаю пальцы и вновь смотрю на него. – Жаль, что ты болел.

Я изучаю лицо Эсбена, пока до меня не доходит, что это тянется уже долго и выглядит странно.

– Надеюсь, сейчас тебе лучше?

– Да. – Эсбен держится спокойно и уверенно. – А тебя не было на лекции в среду. И ты явно была не рада видеть меня сегодня утром.

Он виновато вздыхает, и это очень мило.

– Элисон, мне очень жаль, что ты расстроилась. Я могу прямо сейчас убрать ролик.

Я выпрямляюсь и обвожу глазами комнату. Что-то привлекает мое внимание. Я слезаю с кровати и беру маленькую пачку макарон с сыром – полуфабрикат для микроволновки. Прищурившись, читаю инструкцию:

– «Готовить три минуты». Какая ирония.

Я открываю пачку и вытаскиваю пакетик с тягучим сырным соусом.

– У тебя есть вода?

Эсбен поднимает бровь, и я застываю на месте.

– О боже... извини. Что я творю?

Я смотрю на открытую пачку.

– Видимо, я зверски проголодалась. Я увидела макароны и просто схватила их. Прости, я страшно невежливая... сейчас уберу обратно.

Я тщетно пытаюсь запечатать упаковку.

Эсбен смеется:

– Всё нормально.

Он достает из холодильника бутылку и добавляет воды в миску.

Я забираюсь на кровать, стораю от стыда. Опять. У меня звонит

телефон. Стеффи прислала эсмэску с вечеринки. На фотке она с каким-то красивым парнем в клетчатой рубашке. Подпись гласит: «Я подцепила симпатяшку!»

Эсбен протягивает мне бутылку:

– Ты, наверное, хочешь пить.

О боже.

– Прости. Я знаю, что немного пьяная. Очень пьяная. Неважно.

Я беру бутылку и пью, а потом, вытирая губы, вижу, что он смотрит на меня.

– Тебе идет эта прическа. Кудряшки.

– Это сделала Стеффи.

– Твоя соседка?

– Нет, моя подруга. Она учится в Калифорнии. Она прилетела и набросилась на меня за то, что я не желала о тебе рассказывать.

– Понятно. – Эсбен на мгновение закрывает глаза. – Повторюсь, мне очень жаль, что всё это тебя расстроило. Некоторые мои проекты требуют многого от участников. Нужно быть открытым... щедрым. Иногда люди не вполне готовы выйти за стены, или их ошеломляет то, что происходит, но в хорошем смысле... – Помолчав, он продолжает: – Даже если поначалу они сопротивляются, порой происходит перемена, которая стоит того.

– Как это было со мной?

– С нами, – поправляет Эсбен.

Он встает и меряет шагами маленькую комнату.

– Зачем ты подписала отказ от претензий?

От конденсата на бутылке ладони становятся мокрыми, но это приятная прохлада.

– Я не обратила внимания. У меня... было плохое настроение. Я сама не понимала, что делала.

Я вновь икаю.

– Стены... ты говорил про стены. Это мой случай.

– И тебе не нравится, что ты вышла за них.

– Да.

Эсбен опять садится.

– Почему?

– Ты не поймешь. Тебе нравятся люди. Это же очевидно. Ты любопытен. Хочешь исследовать их, изучить недра человеческой природы и всё такое. Да?

– Ты верно заметила. – Подавив улыбку, Эсбен поворачивается на стуле, достает макароны, сыр и пластмассовую ложку и передает мне, в

обмен на бутылку.

– А я не такая. Люди меня не интересуют, потому что они козлы.

Эти макароны из микроволновки – вкуснее всего, что я когда-либо ела. В промежутках между глотками я указываю ложкой на Эсбена.

– Они ненадежны, эгоистичны и постоянно врут.

– У тебя негативный взгляд на мир.

– Вот теперь ты меня понимаешь! – радостно говорю я. – Лично я не вижу смысла в твоих проектах. Вообще. Я даже не в состоянии посмотреть на то, что ты сделал. Мы сделали.

– Подожди, ты не видела ролик?

– Только кусочками, – отвечаю я, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Так. Предлагаю вариант. Ты посмотришь видео и подумаешь. А потом я его уберу, если захочешь. Достаточно одного твоего слова. Но, Элисон, по крайней мере, сначала посмотри.

– Ладно. Давай! – Я встаю и пьяным жестом сгоняю Эсбена со стула.

Он добродушно повинуется моим капризам, в которых виноват джин, но все-таки украдкой закатывает глаза. Что ж, я это заслужила.

– Отлично. Огромный экран! Как можно страшнее! – восклицаю я.

– Ничего страшного не будет, – со смехом отзывается Эсбен, перегнувшись через мое плечо и щелкая мышкой.

Я с особой остротой сознаю его близость и чувствую непонятную дрожь в груди.

– Значит, Стеффи – твоя подруга? Вы из одного города? – спрашивает он.

– Я же сказала, она живет в Лос-Анджелесе.

– Так ты оттуда?

– Нет. Из Массачусетса, – отвечаю я, когда на экране включается видео. – Из приюта.

Эсбен нажимает на «паузу».

– Серьезно? Ничего себе. И долго ты там прожила?

В его голосе я не слышу поддельного сочувствия или желания узнать побольше жутких деталей. Ему просто интересно.

На экране передо мной замершая заставка, и я смотрю на нее так долго, что она начинает расплываться.

– В приюте? Всю жизнь. Ну, пока не перешла в девятый класс. И Стеффи тоже. Она болела в детстве, и, наверное, поэтому ее не удочерили. Я была здорова, но меня тоже никто не хотел. Наверно, нам просто не повезло. Хотя некоторое время мы жили в одной семье. Стеффи

спасла меня. Ну, насколько это в принципе было возможно.

Говорить внезапно оказывается так же легко, как дышать.

– Моя биологическая мать бросила меня в родильном отделении в Бостоне, и больше я ничего о ней не знаю. Может, она была слишком молода или бедна. Или родила внебрачного ребенка от мафиози. Или от какого-нибудь сенатора. Круто, а?

– Да, это добавило бы интриги, – охотно соглашается Эсбен.

Я вздыхаю.

– Маловероятно, конечно. Зато оригинально. Хотя, в конце концов, неважно. Суть в том, что я никому не нравилась. Я сменила семнадцать семей. Немало, да?

Я рыгаю и накрываю рот ладонью.

– Прости. Некоторые семьи были ничего себе. Я знаю, через какие ужасы порой проходят приемные дети. Мне в этом отношении повезло. Но всё равно, иногда я даже не успевала распаковать вещи. И я начала бояться. Просто не видела смысла...

Джин начинает мне всерьез мешать, но я ничего не могу поделать.

– Вот откуда взялись стены, – говорит Эсбен.

– Да. Вот откуда.

Я чувствую, что он придвигается ближе. Его губы теперь недалеко от моего уха.

– Но ты вышла за них – хотя бы ненадолго. Может быть, ты все-таки хочешь, чтобы они рухнули.

Отказавшись от постоянной обороны, я отвечаю:

– Да. Может быть. Очень утомительно всегда их поддерживать. Но я понятия не имею, что случится, если я позволю им упасть. Я очень долго жила за высокими стенами, – бормочу я. – А вдруг никогда...

– Я понимаю. И я рад, что ты позволила мне заглянуть за них, потому что я никогда ничего подобного не чувствовал. Ну, смотри.

Он включает видео.

– Это оригинал. На других сайтах ему дали дурацкие завлекательные названия, тут я ничего не могу поделать...

– Ш-ш!

Играет музыка, и я напрягаюсь, но не отворачиваюсь. Эсбен прав. Надо посмотреть, потому что я должна знать всё. Я должна знать, что именно обо мне известно.

На темном фоне появляется название: «НУЖНО ЛИШЬ 180 СЕКУНД».

Мелькают картинки и надписи. Разные люди, которые оказывались

напротив Эсбена.

Вот пожилой мужчина, которого я видела, когда Стеффи впервые прислала мне ссылку. Рядом с ним стоит трость, и он ласково улыбается, глядя на Эсбена. Воплощенные доброта и открытость. Он похож на дедушку, которого у меня никогда не будет.

Надпись гласит: «Некоторые люди так легко делятся с миром своей радостью. Это заразительно».

Я вижу женщину в деловом костюме, которая выглядит совершенно измученной. Но постепенно она сосредотачивается, и ее лицо смягчается. Она расслабляется, глядя в глаза Эсбену.

Мать с четырьмя детьми, старшему из которых нет и пяти лет. Она работает в магазине, и у нее не бывает выходных. Три вечера в неделю она подрабатывает официанткой, чтобы семья не бедствовала. Муж у нее работает по ночам, и они видят друг друга лишь урывками. Но она говорит, что этого достаточно, потому что любовь всё преодолевает. Ну или, во всяком случае, она так считает.

Появляется пожарный, всё еще в запачканной сажей форме. Его огрубевшее усталое лицо полно грусти.

Этот человек только что отработал пятнадцатичасовую смену. Он спас троих из охваченного огнем здания. Он горд и в то же время расстроен, потому что пропустил день рождения своей шестилетней дочери. Он боится, что она запомнит это на всю жизнь.

Немолодая женщина с роскошной косой и кожей кофейного цвета. Лицо бесстрастное, почти без всякого выражения, но время от времени весь экран занимают ее большие влажные глаза.

Эта женщина ровно год назад потеряла мужа. Она говорит, что сегодня впервые сумела забыть о своем горе хотя бы на несколько минут.

Клип приближается к концу. Вот и эпизод с парнем в байкерской куртке.

Я одновременно предвкушаю свое появление и боюсь его.

Эсбен приберег меня на сладкое.

Мои пальцы касаются его руки, когда я беру мышку и ставлю видео на паузу. А затем поворачиваюсь к Эсбену.

– Ты много значишь для этих людей, – говорю я, вдруг кое-что поняв.

– Это они много значат для меня, – отвечает Эсбен, и его взгляд наполняется такой теплотой и искренностью, что я едва выдерживаю. – Я просто дал им шанс выскочить из замкнутого круга. А что будет потом – мне уже неподвластно.

Я понимаю, что он имеет в виду. Я это пережила.

– Смотри дальше... – шепотом говорит он, взволнованно и в то же время с надеждой.

Я колеблюсь и тяну время, не в силах нажать на кнопку. Мне страшно, что мир – мой мир – рухнет, если я это сделаю. Мышка кажется тяжелой и опасной.

Эсбен кладет свою руку сверху.

– Не бойся.

Вместе мы запускаем видео.

Глава 10

Робин Гуд

«Иногда случается неожиданное. Иногда кто-то заставляет тебя нарушить собственные правила», – читаю я.

Мое тело напрягается, когда я начинаю смотреть, но мне тут же становится интересно. Хотя я уже пережила эту сцену, очень занятно наблюдать за ней с иного ракурса. Так воспринимали эти мои три минуты с Эсбеном другие люди. И, как я быстро понимаю, он включил в ролик три минуты целиком, а не отрывки, как с остальными участниками. На сей раз я не могу оторваться, боясь пропустить хотя бы секунду. Я вижу крупным планом свое лицо, лицо Эсбена, наши профили, когда мы смотрим друг на друга, – и убеждаюсь, что снимала не только Керри, но и зрители в толпе. Неприятно сознавать, как я была холодна в течение первых нескольких секунд, но то, как я постепенно сбрасываю броню и наконец позволяю себе увидеть Эсбена... это опьяняет. С этой стороной моей натуры я пугающе не знакома.

Я вижу, как Эсбен опрокидывает стол и отбрасывает стул, как мы бросаемся друг к другу, словно от этого зависит наша жизнь. И мне далеко не так страшно наблюдать за происходящим, как я думала. Я чувствую прилив эмоций, и мое тело наполняется теплом, которое не имеет никакого отношения к выпитому спиртному.

На экране губы Эсбена касаются моей щеки. Я хорошо помню этот момент. Он случился незадолго до того, как я утратила рассудок. Я ёжусь, зная, что будет потом. Но не отвожу взгляда, когда вижу, как наши губы встречаются. Поцелуй продолжается целую вечность.

Я вздрагиваю. Я еще ни с кем так не целовалась. Поцелуи с теми немногими парнями, с которыми до этого доходило, никогда такими не были. И никогда я ничего подобного не чувствовала.

Наконец-то я понимаю, почему зрители пришли в восторг.

Самое болезненное – видеть, как я отталкиваюсь от Эсбена и ухожу. Как страх и смущение делаются слишком сильными, чтобы побороть их.

Я разочарована собой. Мне стыдно. На моем месте никто не поступил бы так.

- Я зря это сделала.
- Поцеловала меня?

– Нет. Ушла.

– Да всё нормально, – уверяет Эсбен.

Мне становится очень грустно и досадно.

– Нет, не нормально. Ненормально, что я никогда никого не целовала хотя бы с сотой долей такой страсти. Ненормально, что я боюсь людей, общения, отношений. Это всё ненормально.

Эсбен опускается на колени рядом со мной и пытается умирить мое растущее раздражение.

– Слушай, я, конечно, не мозговед, но... блин, ты много пережила, и, по-моему, нет ничего сверхъестественного в том, что тебе страшно. Но это не значит, что ты обязана сидеть в укрытии, даже когда не хочешь.

Я задумываюсь, а потом негромко прошу:

– Включи еще раз. Включи.

Я смотрю видео три раза подряд, и Эсбен не отходит от меня. Наконец, запомнив клип буквально наизусть, я поворачиваюсь на стуле и замечаю, что Эсбен очень спокоен. Собран.

Я признаю, что Стеффи была права. Возможно, виной тому пьяная дымка, но я понимаю, что он красавец. Я медленно поднимаю руку и касаюсь кончиками пальцев его щеки. Эсбен не двигается, пока я веду ладонью по его лицу, ощупываю властную линию подбородка, спускаюсь к шее. Затем дюйм за дюймом моя рука возвращается вверх. От Эсбена буквально невозможно оторваться.

– Ты побрился, – замечаю я. – Эсбен?

– Что, Элисон?

– Можно мне еще макарон с сыром? Я пьяная и голодная.

– Конечно, – отвечает он со смехом.

Всего на секунду его рука накрывает мою и слегка пожимает ее.

Пока на заднем плане гудит микроволновка, я читаю комменты под видео. Само их количество уму непостижимо. Более десяти тысяч. Я бегаю глазами по строчкам, проматываю, читаю дальше...

– Что такое «ЛСПВ»? – спрашиваю я, принявшись за вторую порцию макарон.

Эсбен лежит на своей половине кровати, подперев голову рукой.

– А... – Он вдруг по-настоящему краснеет; подозреваю, такое случается нечасто. – Ну... это немножко глупо...

– Куча людей поставила под нами этот тег.

Теперь уже я краснею.

– То есть не под нами. Под тобой. Под твоим видео. – Я зачерпываю побольше макарон и бесцеремонно продолжаю с набитым ртом: – Что это

значит?

– А... Э... Ну, типа, любовь с первого взгляда. Так часто пишут в насмешку, когда хотят сказать, что два человека влюбились друг в друга слишком быстро. Что это выдумки и в реале так не бывает. Но нас очень многие поддерживают. Нас – и ЛСПВ. Потому что некоторые в нее верят. Они говорят, что сами это пережили.

Я вдруг чувствую себя униженной. Опять. Хотя должна бы уже привыкнуть к этому ощущению.

Но в то же время мне немного... не знаю. Неловко, но в хорошем смысле.

– Зрители, – объясняет Эсбен, – увидели наш поцелуй. Камера запечатлела наше взаимное притяжение. И многие решили, что мы должны быть вместе.

– Вместе?

– Элисон, – продолжает он смущенно. – Люди считают, что в тот день мы влюбились друг в друга.

Я пытаюсь осмыслить услышанное.

– Но как? Это же бессмысленно. И какая им разница?

– Хороший вопрос. Люди увидели ролик, и он напомнил им о чем-то. О чем-то, чего они сами хотели. И они перенесли свои эмоции на нас. Ну, или они правда увидели нечто... настоящее, – осторожно продолжает Эсбен.

– Но... я ушла.

– Да. Но люди хотят верить в любовь. Они предпочитают думать, что ты ушла не просто так. Что, может быть, ты еще вернешься.

Видеть, что Эсбен взволнован, отчасти даже приятно.

– И, наверное, мне стоит заранее предупредить, что по Сети ходит еще один тег. – Он откашливается, возможно чтобы потянуть время. – Тег «этот_поцелуй». И люди требуют «этот_поцелуй_часть_2».

Мне приходится контролировать свой голос.

– А ты веришь в... любовь с первого взгляда?

– Знаешь, хотя ее многие так называют, по-моему, это звучит глупо и немного оскорбительно. Как будто ты сомневаешься, что за несколько секунд может случиться нечто очень важное. Но я это видел неоднократно. Не совсем то, что... э... произошло между нами, но, в любом случае, я просто потрясен: за небольшой промежуток времени ты дала волю самым искренним чувствам.

Он ненадолго замолкает.

– Главное – что ты сделаешь после этих первых нескольких минут.

Мой мир вращается всё быстрее. Я могла бы его остановить, но не хочу. Я готова рискнуть.

– А ты что собираешься делать? – спрашиваю я.

Эсбен задумчиво смотрит на меня.

– Ждать.

– Чего?

– Тебя.

– О...

Он слегка улыбается.

– Ты, кажется, пока слишком сильно переживаешь, поэтому я просто посмотрю, что будет дальше. Или ты уже знаешь, что намерена делать?

– Нет. Я думала, что знаю, но потом ты угостил меня макаронами с сыром... и оказался не таким придурком, как я думала.

Его глаза сияют.

– Приятно это слышать.

– Прости, что нагрубил. Сегодня и тогда... – Я вздыхаю. – Со мной вообще одни проблемы.

– Тебе не за что извиняться.

– Я не такая, как ты, Эсбен. Я необщительная, невеселая, мне трудно с собой. И с другими людьми.

Он самоуверенно улыбается.

– Вроде нет.

– Не забегай вперед.

Но я тоже улыбаюсь.

Я возвращаюсь на сайт и отматываю страницу наверх. Оказывается, это домашняя страница блога Эсбена, где собраны все его истории. Я открываю пост под названием «Спасти рядового Пипа» и принимаюсь читать.

– Ты нашел улетевшего попугая?

– Да! Это было круто. Один человек написал мне и попросил повесить объявление про его улетевшего попугая. Очень славная птичка по кличке Пип. Он каким-то образом вылез из клетки, и хозяин страшно расстроился. Я написал у себя, кто-то перепостил на Фейсбуке, и ему ответили, что попугая видели на парковке возле салона тату. Я написал хозяину салона, и тот вышел, но попугай опять улетел. Но-о... – Эсбен говорит всё более оживленно, – этот мужик успел заметить, что Пип взлетел на крышу дома через улицу. На третьем этаже там танцевальная студия, и одна десятилетняя балерина написала, что у нее есть домашний попугай и она умеет их ловить. И вот девочка поднялась на крышу... – Он замолкает и

ободряюще смотрит на меня. – Не волнуйся, крыша плоская. И она протянула руку каким-то определенным образом, как нравится попугаям, и Пип сел ей прямо на ладонь. Хозяин тату-салона это сфоткал. Видишь?

Я смотрю на экран. Вот девочка в балетной пачке, и у нее на руке сидит попугай.

– А на лекции? – спрашиваю я. – Все кричали: «Только вперед». Это тоже твой проект? Что это вообще такое?

– Да, да, было весело, и я получил кучу комментариев. Я просил людей выкладывать свои фотки и рассказывать, чем они в себе гордятся или что им нравится. Ну, типа, чтобы отбросить дурацкие социальные стереотипы и оценить себя как есть. Я попросил моих подписчиков отметить то, что им нравится в себе, выложив не слишком обработанные фотографии. Или похвастать чем-нибудь клевым, что они сделали для себя, или для друзей, или для постороннего человека... что угодно, лишь бы хорошее. Вообще что угодно.

Он смеется.

– Ну и что? – спрашиваю я. – Приведи пример.

– Ну... один чувак выложил свою фотографию с дочерью. Ей пять лет, и она повязала папе бантики на волосы и на бороду. Тогда он надел боа из перьев и тиару, сфоткался в таком виде в кафе и написал, что ему очень приятно быть отцом-одиночкой, который ничего не побоится, лишь бы порадовать свою дочь.

Эсбен серьезнеет.

– Потом он написал мне письмо. Жена ушла от него, когда девочке было полгода. Мой хэштег ему понравился. Когда дочка захотела украсить папу, он согласился. Когда она потом попросилась поесть блинчиков в кафе, он тоже не стал возражать. И произвел фурор. Я повесил его фотку отдельным постом, и все пришли в восторг. Он потом мне снова написал и сказал, что благодаря поддержке читателей, которые одобрили его поступок, они с дочкой решили устраивать модные посиделки в кафе каждое воскресенье.

– Какая прелесть. Ты, наверное, гордишься собой.

Я не в силах осознать весь масштаб того, что делает Эсбен.

– Ну, не знаю насчет гордости. Мне просто нравится вывешивать разные штуки. Давать людям возможность блеснуть. Понравиться самим себе.

– Ты даришь им надежду... и радость, – говорю я. – И утешение. В нашем жестоком мире.

Он ненадолго задумывается.

– Я не смог дать всё это тебе.

– Ты дал. Просто я не оценила, – задумчиво отвечаю я.

– Почему?

– Потому что для меня это временно.

Я тру глаза, вдруг осознав, что страшно устала. А главное – мне страшно уйти отсюда. Покинуть Эсбена.

Надо поскорей найти Стеффи. Она всё исправит.

– Мне пора.

Он кивает:

– Хорошо. Я тебя провожу до корпуса.

– Что? Ой, нет. Вдруг кто-то увидит нас вместе? Люди тогда с ума сойдут. Со мной ничего не случится.

Эсбен встает и качает головой.

– Уже поздно. И я ни за что не позволю тебе идти по кампусу одной.

– Ну ладно, – соглашаюсь я, неуклюже вываливаясь в коридор и поспешно отправляя Стеффи эсэмэску. – Но иди в двадцати шагах от меня!

– Чтобы выглядело, как будто я тебя преследую?

– Да. – Я хихикаю. – В смысле, нет. Просто держись естественно и не делай глупостей. Не доставай нож. Не натягивай лук.

Я направляюсь к лестнице.

– Лук? – со смехом переспрашивает Эсбен.

– Ну, типа, ты же Робин Гуд.

Мои шаги эхом отдаются на лестнице, когда я спускаюсь. Эсбен идет за мной.

– Потому что я краду у богатых и отдаю бедным? – спрашивает он из-за спины.

– Потому что ты бы круто смотрелся в трико.

Я толкаю входную дверь. Вечерний воздух прохладен, и я обхватываю себя руками.

Слышится смешок Эсбена.

– Э... спасибо.

Сделав несколько шагов, я оборачиваюсь.

– Ты, кстати, тоже кое-что отдаешь бедным.

Мы идем молча, и, ища ключ, я чувствую, как Эсбен смотрит на меня. Мои движения неуклюжи, и ключ я нахожу после мучительно долгой возни.

– Ура! – схватив его, торжественно восклицаю я, открываю замок, тяну на себя дверь и останавливаюсь.

Не знаю, как попрощаться. Усталость, буря эмоций, остатки опьянения

пригибают меня к земле и не позволяют вспомнить об этикете. Поэтому я просто стою на крыльце, спиной к Эсбену, и думаю, что сказать.

– Элисон?

Я медленно поворачиваюсь и приваливаюсь к открытой двери.

– Что?

Эсбен стоит поодаль. Он действительно держался в двадцати шагах от меня, пока провожал до корпуса.

– Я рад, что ты пришла.

– А.

– Правда, рад.

Он сует руки в карманы джинсов. Ближайший фонарь озаряет его желтым светом.

– Увидимся в понедельник?

– Да. – Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и тут же останавливаюсь.

– Эсбен, я тоже рада, что зашла.

Я иду к себе. Стеффи, в моем халате, растрепанная, появляется из свободной спальни.

– Наконец-то! Ну, ты ему всыпала? – спрашивает она.

Прищурившись, я гляжу на подругу.

– Что ты делаешь?

А потом замечаю брошенное на кровать одеяло.

– О господи. Ты занималась сексом рядом с башней из посылок?

Она принимает нарочито шокированный вид.

– Да как ты посмела такое предположить!

Я поднимаю бровь.

– Ладно, ладно. Да! – взвизгивает Стеффи и скачет по комнате. – И это было круто!

– Пожалуйста, подробнее, дорогая, – требую я со смехом.

– То, что случилось с тобой, гораздо важнее, чем мои сексуальные подвиги.

Я слегка покачиваюсь: усталость снова берет верх. Очень трудно держаться на ногах. Я совсем разбита.

– Я просто хочу лечь. Извини. Давай спать.

Стеффи подходит, обхватывает мое лицо ладонями и всматривается в него.

– Вид у тебя совсем измученный. Ты всё мне расскажешь завтра. Ничего плохого не случилось?

Я киваю:

– Да. Всё было хорошо.

Я зеваю и внезапно чувствую себя совсем беспомощной и страшно нуждающейся во внимании.

– Ты ляжешь со мной, как раньше?

– Конечно.

В приюте мы жили в одной комнате, и я часто забиралась к Стеффи в постель. Там я чувствовала себя в безопасности и не такой одинокой. Сейчас мне этого очень недостает.

Стеффи для меня и сестра, и лучшая подруга, и мать – и сегодня, когда мы ложимся, я утыкаюсь лицом ей в сгиб руки, как в детстве.

Стеффи приглаживает мои волосы, когда я начинаю засыпать.

– Я рада, что всё хорошо, – тихонько говорит она. – Это отличное начало.

Глава 11

Смелость

Мы обе спим до полудня, и, проснувшись, я не вполне понимаю, где нахожусь. Уже давно я не залеживалась в постели так долго – и, как ни странно, у меня нет похмелья. Что еще удивительнее, мне сто лет не снились такие приятные сны. Я чувствую себя вполне отдохнувшей. Пускай в голове хаос, но я хотя бы свежая.

Мы со Стеффи провели день в пижамах. Пока она красила мне ногти на ногах темно-красным лаком, я выслушивала подробности минувшего вечера, который она провела с парнем в клетчатой рубашке. Эти подробности одновременно заставляли меня краснеть и радоваться за подругу. Я расспрашивала про учебу, про тесную квартирку, которую Стеффи обожает, про фургон с тако, который каждый вторник останавливается у них на улице. Она отвечала на все мои вопросы – и была особенно дорога мне, потому что не проявляла любопытства. Она ни разу не спросила про Эсбена.

Когда начинает темнеть, я наконец укрепляюсь духом и небрежным тоном говорю:

– Знаешь, оказалось, что Эсбен не такой уж плохой человек.

– Правда? – Стеффи роется в моем шкафу, стараясь не морщиться при виде немодной одежды.

– Я посмотрела ролик.

– Правда? – Она снимает с плечиков красный топик, прикладывает его к себе и смотрится в зеркало. – Хорошо.

Я смеюсь:

– Перестань притворяться, будто тебе неинтересно знать, что случилось вчера.

Стеффи шутливо бросает в меня топиком.

– Ну, слава богу!

Она запрыгивает на кровать и садится.

– Рассказывай. Рассказывай!

И я рассказываю – в деталях (хотя умалчиваю о том, что коснулась его лица и что Эсбен взял меня за руку). Не хочу, чтобы у Стеффи сложилось неверное впечатление.

Она откидывается на спинку кровати и обнимает подушку, слушая мой

рассказ.

– То есть он и правда не чудовище. Кто же знал!

Я закатываю глаза.

– Ты знала!

– Ну... да. Но ты должна была сама убедиться.

Стеффи внимательно смотрит на меня:

– Элисон. Он правда славный парень.

Я вздыхаю.

– Слушай, я не доверяю людям точно так же, как и ты, – продолжает Стеффи, – но Эсбен не похож на других. Даже мне это ясно.

Я киваю:

– Не надо вечно его отталкивать. Он тебе ничем не угрожает.

– Может быть.

– Было бы неплохо, если бы ты завела друга.

– У меня есть ты.

– Конечно, Элисон, у тебя есть я, – говорит Стеффи и начинает обуваться. – Но Эсбен – особенный. Ты знаешь, что мы с тобой – исключение. И Эсбен тоже. Ты хотя бы подумай... – Она встает и набрасывает пальто.

– Ты куда-то собралась? – спрашиваю я.

– За едой. Мой вчерашний кавалер порекомендовал мне одну китайскую кафешку в квартале отсюда. Я умираю от голода и хочу раздобыть ужин. Нам нужно как минимум пять порций жареных клецок.

– Я с тобой. – Я начинаю вставать, но Стеффи останавливает меня:

– Дорогая, ты прелесть, но тебе надо в душ. От тебя воняет.

– Ну спасибо. Между прочим, ты тоже не благоухаешь.

– Это запах секса. Но после ужина я помоюсь. У меня ранний рейс, и мне придется встать на рассвете, чтоб успеть доехать до Бостона. Сегодня никакой пьянки. Во всяком случае, большой пьянки. Отбой в одиннадцать. Ну, в полночь.

– Ты с ума сошла, если думаешь, что после вчерашнего я буду пить. Хватит с меня идиотских выходов.

– Расширь рамки, – советует Стеффи, открывая дверь. – Я скоро вернусь, вонючка.

Она права. От меня действительно пахнет, поэтому я надеваю халат и иду мыться. Вечером в женской душевой битком набито: девушки готовятся к субботним вечеринкам. Кармен, прислонившись к зеркалу, красит губы. Она подстриглась и покрасила волосы в очень милый лиловый оттенок. Я прохожу мимо, а затем останавливаюсь и встречаюсь с ней

взглядом в зеркале.

– Привет, Кармен.

Она выпрямляется.

– О... Привет, Элисон.

Неудивительно, что она не испытывает энтузиазма.

– Ты сегодня куда-то идешь? – спрашиваю я. – Отлично выглядишь.

– Спасибо. Да, у меня свидание. Ну... типа того. – Она слегка улыбается. – Мы познакомились на вечеринке.

– Здорово. Желая приятно провести время.

Она смотрит на себя в зеркало и двигает губами.

– Хочешь со мной?

Как ни странно, я не испытываю привычного желания убежать с воплем.

– Ко мне приехала подруга на выходные, и мы еще не пришли в норму после вчерашнего. В любом случае, спасибо.

Я подхожу к свободной душевой кабинке и оборачиваюсь. Волнуясь и слегка дрожа, говорю:

– Может, в следующий раз?

– Да, давай.

Я раскладываю банные принадлежности на полу, вешаю халат и включаю обжигающе горячую воду. Никогда еще душ не казался таким приятным. Я не тороплюсь, надеюсь, что хаос в моей голове уляжется. Жаль, что Стеффи не может погостить подольше, учитывая то, что происходит. Моя тихая студенческая жизнь перевернулась с ног на голову, и я не знаю, что будет дальше. Хотя, надо признать, сейчас я не особенно несчастна, и не только потому, что Стеффи еще не уехала. Теперь, когда я, по крайней мере, поговорила с Эсбеном, этот злополучный ролик кажется не таким уж страшным, и на меня не накатывают попеременно волны гнева и стыда, как раньше. Возможно, как и сказала Стеффи, Эсбен – исключение. Не знаю.

Когда я возвращаюсь к себе, Стеффи еще нет, поэтому я ей пишу. В животе у меня урчит, и я надеюсь, что она действительно принесет сразу пять порций жареных клецок. Сейчас я способна проглотить их все сразу. Через две минуты Стеффи отвечает, что заблудилась по пути к кафе и сейчас стоит в очереди. Я начинаю прибираться в комнате, и мое внимание привлекает башня из посылок. Некоторое время я колеблюсь, но наконец снимаю верхнюю коробку и отношу ее в спальню.

Я ставлю посылку на кровать и смотрю на нее. Затем переносу на стол, а сама сажусь на матрас. Потом встаю и начинаю расхаживать по

комнате, как тигр в клетке. Мне страстно хочется открыть коробку, но в то же время это настоящая мука. Как будто я пообещала себе, что не стану открывать посылки, потому что не заслуживаю их. И теперь я готова нарушить собственное правило.

К черту.

Я хватаю ножницы и разрезаю бечевку. Сделав несколько глубоких вдохов, открываю посылку...

И сразу же начинаю смеяться.

Верхний слой – сплошь макароны с сыром. Супер. Придя в себя, я начинаю разглядывать, что еще прислал мне Саймон. Пластмассовые ложки, лимонное печенье, чайные пакетики (для вечеринки, как утверждает Саймон), растворимые супы, резинки для волос, лосьоны для душа с разными фруктовыми ароматами, носки с обезьянками, кофейник на десять чашек и пакет молотого кофе, две красные кружки, тростниковый сахар, двадцатидолларовая купюра, на которой написано «на пиццу». И открытка с морским леопардом. Внутри написано:

«Элисон, ты представляешь себе, как трудно найти открытку с морским леопардом? ОЧЕНЬ трудно. Их, по ходу, вообще не существует. Поэтому пришлось найти картинку в Интернете и сделать открытку самому. Так велика моя любовь.

Сообщи, если тебе понадобится что-нибудь еще, хотя это вряд ли, ведь я знаю, что ты не открываешь мои посылки. Ничего страшного. Я всё равно буду их посылать, потому что так делают хорошие отцы. Во всяком случае, я так делаю, моя милая девочка.

Надеюсь, однажды ты захочешь их открыть. Но даже если этого никогда не произойдет, я не обижусь.

С любовью, Саймон».

Пять раз я перечитываю записку... и кидаюсь искать телефон.

– Привет, детка, как дела? – привычным бодрым тоном говорит Саймон.

– Откуда ты знаешь, что я не открывала посылки? – спрашиваю я.

Он смеется:

– Ну, милая, каждый раз, когда ты звонила, чтобы поблагодарить, ты говорила вежливо, но очень уклончиво. Я подумал: если бы ты открывала их, то обязательно сказала бы что-нибудь про надувного единорога. Я знал,

что он тебе не понравится. Ну а мне понравился.

– Я открыла только одну коробку... – Я замолкаю. – Ты прислал мне надувного единорога?

– Возможно.

– Саймон...

– Что?

– Кофейник просто супер.

– Приятно слышать.

– И я открою все остальные посылки.

– Когда захочешь.

Я широко улыбаюсь.

– Знаешь, кто здесь у меня?

– Санта-Клаус? Пасхальный кролик?

Я смеюсь:

– Нет. Стеффи. Она прилетела на выходные, чтобы сделать мне сюрприз.

– Ого. Сюрприз так сюрприз. Она проделала такой путь ради короткого визита? Ничего не случилось?

– Нет, – поспешно отвечаю я. – Просто... ну, она немного на взводе из-за одного случая. Один парень... и я не знаю...

– А-а, – говорит Саймон. – Парень. Он тебе нравится?

– Не в том смысле... Просто между нами происходит что-то странное, и Стеффи сходит с ума.

В голосе Саймона звучит тревога.

– Что-то странное – в смысле, мне следовало прислать тебе коробку презервативов вместо кофейника?

– Что? Саймон, замолчи!

– Я спрашиваю на всякий случай.

Раздается стук в дверь.

– Объясню в другой раз, Стеффи вернулась с ужином. Но не беспокойся, всё нормально.

– Если ты так думаешь, я спокоен. Перезвони, ладно? Я скучаю по тебе.

– И я тоже.

Я стою с телефоном в руке. С ума сойти, я впервые сказала Саймону, что скучаю по нему. Но я правда скучаю, это ясно. Я позволила себе по кому-то тосковать.

Очевидно, у меня какой-то странный кризис. Мне подменили мозг.

Стеффи стучит в дверь ногами и кричит:

– Эй, блин, никто не хочет помочь?

Я прекращаю слабые попытки самоанализа и бегу к двери. Стеффи держит два бумажных пакета – из китайского кафе и из винного магазина.

– Осторожно, ручка оторвалась! Сейчас здесь будет потоп из ло-мейн.

– Где ты была? – спрашиваю я, забирая пакет. – Тебя два часа не было.

– Я же сказала. Заблудилась, потом долго стояла в очереди. Давай есть.

И пить!

Она садится на пол и достает бутылку текилы.

– Пикник! Давай всё разложим прямо здесь.

– Сейчас. Я принесу салфетки...

– Да расслабься ты. Сядь и ешь. Подумаешь, намусорим. В мире есть проблемы посерьезнее, чем пятно от соевого соуса на коврике.

Я хмурюсь, но все-таки сажусь и начинаю расставлять картонки с едой.

– Ты такая же неряха, как Эсбен.

Стеффи открывает текилу и делает большой глоток.

– Эсбен неряха? Я знала, что он мне понравится. Пережила же ты мою нелюбовь к маниакальной чистоте, значит, переживешь и его неаккуратность.

Подруга смотрит на меня полными надежды глазами, пока я ищу палочки и пробую клецки.

– Однажды Эсбен помог найти пропавшего попугая. С помощью соцсетей. Я почитала его старые странички. Рассказы о том, что он сделал.

– Я видела пост про попугая! – взвизгивает Стеффи. – А ты видела, как однажды он устроил танцевальную вечеринку в торговом центре?

Я смеюсь:

– Нет, пропустила.

– Это нечто! Я тебе покажу! Этот чувак умеет двигаться. Просто чтоб ты знала.

Мы наедаемся до отвала, Стеффи выпивает немало текилы (а я – лишь пару стаканчиков). Весь вечер мы лазаем по Интернету и читаем про Эсбена Бейлора и его разнообразные социальные проекты. В два часа ночи, когда от усталости у нас уже слипаются глаза, мы ложимся спать.

Я просыпаюсь в шесть. Стеффи сидит рядом, положив руку мне на плечо.

– Ты уже собралась? – сонно спрашиваю я.

Она кивает и сжимает мою руку.

– Да.

Мои глаза постепенно привыкают к темноте.

– Напиши, когда долетишь, ладно?

– Конечно.

Она наклоняется, обвивает меня руками и крепко прижимает к себе.

– Я люблю тебя, Стеф.

– И я тебя люблю, Элисон. – Стеффи обнимает меня еще крепче. – Не трусь. Не бойся себя, Эсбена и всего остального. Ладно? Скажи, что будешь храброй.

– Хорошо...

– Нет. Скажи, что отныне и впредь перестанешь бояться. Что будешь рисковать. Скажи это честно. Пора. Нельзя вечно жить в четырех стенах, никуда не выходя. Ты всё на свете пропустишь. Обещай мне.

В столь ранний час в голове у меня туман, но я знаю, что для Стеффи это важно, и соглашаюсь. Я говорю:

– Я больше не струшу, Стеффи. Теперь я буду храброй.

Глава 12

Медведь

Утро понедельника наступает слишком быстро. Я просыпаюсь в пять утра и лежу, не в силах заснуть. Приближается поворотный момент. Сегодня я либо заползу обратно в нору, либо кардинально изменю свою жизнь. Оба варианта вселяют в меня ужас, но, честно говоря, страшнее отступить, чем идти вперед. Я пообещала Стеффи не трустить и должна рискнуть. Не только ради нее. Мучительное желание чего-то большего, которое я столько лет отгоняла, сделалось слишком сильным. Его нельзя игнорировать. Оно давно не давало мне покоя, но после ста восьмидесяти секунд с Эсбеном я оказалась в самом центре урагана.

Либо я взлечу, либо шлепнусь наземь. В том, что я переживаю, Эсбен не виноват, и я больше на него не злюсь. Просто он застал меня в неудачный день. Он не мог знать, что я такая хрупкая и робкая.

Что я боюсь его и всего остального.

Мое детство состояло из боли, отвержения и пустоты; эти чувства так долго владели мной, что теперь я не знаю, смогу ли справиться с ними.

Но, боже, как я этого хочу. Я больше не желаю так жить.

Я накрываю рукой глаза, чтобы сдержать подступающие слезы.

Мне стыдно того, какая я холодная. У меня всего одна подруга. Я живу в стеклянном шаре, который создала сама.

Я смелая. Я смелая. Я смелая.

Но со слезами я справиться не могу.

– Не хочу так жить, – повторяю я вновь и вновь сквозь рыдания.

Я плачу о том, какой была, какая есть и какой могла бы стать. Но в моих слезах есть толика облегчения, потому что я знаю: вот-вот произойдет перемена. Перемена, которая, возможно, поднимет меня из праха. Я имею довольно смутное представление о том, что тогда будет, но надо рискнуть.

Я снова научусь надеяться.

Я смелая. Я смелая. Я смелая.

Успокоившись, я вылезая из постели, беру кофейник, который прислал Саймон, и завариваю очень крепкий кофе. Коробку и обертку я оставляю на полу в намеренной попытке немного ослабить свое маниакальное стремление к порядку. Я направляюсь в душ, и сильная струя воды немного меня освежает, но мои глаза чудовищно опухли, поэтому,

вернувшись к себе, я прикладываю к ним кубики льда и попиваю кофе из подаренной красной кружки. Потом сушу волосы и пытаюсь восстановить завивку, которую сделала мне Стеффи позавчера. Я надеваю белый свитер без рукавов, бежевый открытый кардиган, джинсы и коричневые ботинки. Слегка крашусь. Меньше, чем одобрила бы Стеффи, но больше обычного. Сегодня я хочу чувствовать себя красивой. Мне нужен максимум позитива.

Затем я открываю еще одну посылку Саймона. В ней лежат: ежедневник в тканевой обложке, три сорта чая, бутылка с медом, попкорн для микроволновки, две плитки темного шоколада и – ура! – крем для век с кофеином. Я мажусь им, произношу короткую благодарственную молитву и выуживаю из коробки последний предмет.

Кажется, я сейчас снова заплачу.

Саймон прислал плюшевого мишку. Неуклюжего, длинноногого, коричневого плюшевого мишку с галстуком в горошек. Я прижимаю его к груди и закрываю глаза. Никто и никогда не дарил мне мягкие игрушки, и я вдруг понимаю, какое это грустное откровение. Неумолимое и непреодолимое. До моих приемных родителей просто не доходило, что я не отказалась бы от мягкой игрушки. Я засыпала, обнимая подушку, – а сегодня получила медвежонка.

На моем лице, когда я делаю селфи с мишкой, совершенно искренняя улыбка. Я отправляю фотку Саймону. Он отвечает почти немедленно: «У каждого ребенка должен быть плюшевый мишка. Ты сейчас совсем взрослая, да и тогда, когда мы встретились, была уже слишком большая, но... каждый отец должен подарить дочери плюшевого медвежонка, поэтому лучше поздно, чем никогда».

Я закрываю глаза и прижимаю к себе мишку. И дышу.

Лучше поздно, чем никогда. Он прав.

Через полчаса я стою у двери аудитории. Когда я шагаю через порог, мне кажется, что произошло событие огромной важности; но, садясь на привычное место и кладя рядом сумку, я сохраняю спокойствие. Я пришла первая, как и рассчитывала – и не свожу глаз с двери, ожидая Эсбена. Я не надеваю наушники, не погружаюсь в чтение и не притворяюсь, что делаю заметки в тетради.

Сегодня я просто жду его.

Аудитория на три четверти полна, когда он появляется. Я сажусь прямее.

Эсбен как будто сомневается, окинуть взглядом аудиторию или нет. Я молюсь, чтобы он посмотрел в мою сторону.

Он поднимается по лестнице справа, и, когда мне уже кажется, что он

сейчас сядет в переднем ряду, Эсбен вдруг останавливается и медленно поднимает голову. Он встревожен. Очевидно, он ждет моей реакции. Я ему сочувствую. Мягко говоря, я непредсказуема.

Я слегка улыбаюсь, и он расслабляется. В аудиторию входят другие студенты; несомненно, за нами наблюдают, но я не возражаю. Я убираю сумку с соседнего сиденья и наклоняю голову набок, приглашая Эсбена сесть рядом. Восхитительно бодрой походкой он приближается ко мне, пока остальные проталкиваются мимо, на свои места. Сегодня Эсбен даже не отвечает на приветствия и никак не реагирует, когда кто-то зовет его с верхнего ряда. Он просто идет ко мне, как будто в аудитории больше никого нет.

Он садится рядом, слегка коснувшись меня плечом, и негромко говорит:

– Привет.

– Привет.

– Как прошли выходные? – спрашивает Эсбен, и в его глазах я вижу огонек.

– В субботу мы пили меньше, – отвечаю я.

Самым приятным тоном, какой я когда-либо слышала, он произносит:

– Ты очень милая, когда пьяная.

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться. Хорошо, что свет вдруг гаснет: преподаватель включает на экране презентацию. Мы не говорим друг с другом во время лекции и даже не переглядываемся, а когда свет включается вновь, я слишком долго вожусь, собирая вещи.

Эсбен встает.

– Увидимся в среду, да?

Он поворачивается, чтобы уйти, и я чувствую, как мое сердце начинает колотиться.

– Эсбен, подожди. Подожди.

Я напугана, измучена, полна отчаяния. Если я не сделаю этого сейчас, то не сделаю никогда.

– Пожалуйста, подожди.

«Сражайся или беги».

– Ты... – Я сглатываю. – Хочешь выпить кофе? Или еще что-нибудь. Я не знаю – вдруг ты ненавидишь кофе. Необязательно пить именно его. Можем выпить что угодно...

На лице у Эсбена появляется непристойно обаятельное выражение, но он по-прежнему молчит.

– Лично я люблю кофе, – продолжаю я. – Очень. Наверное, даже

слишком. Давай зайдем в студенческое кафе. Там, конечно, не слишком изысканно, но... э...

Эсбен забирает у меня сумку.

– Неподалеку есть очень славная кофейня. Там диванчики и мягкие кресла. И кофе намного лучше, чем в студенческом кафе.

– Конечно. Да. Отличная идея.

Я пытаюсь говорить небрежно и не показывать, что вот-вот упаду в обморок. А потом вновь замечаю, какой он добрый, как легко с ним говорить. Нельзя забывать об этом только потому, что во мне не плещется джин. Хотя, честно говоря, я жалею, что не могу сейчас обнять плюшевого мишку.

– Моя машина стоит прямо за домом.

– Отлично.

Я как будто примерзла к сиденью.

Эсбен протягивает руку.

– И только попробуй не оценить их мокро, – говорит он и ласково улыбается.

Я позволяю поднять себя с места. Так, держась за руки, мы идем по переполненному коридору. Я буквально усилием воли передвигаю ноги. Когда Эсбен выпускает мою руку, чтобы открыть дверь, я с особой остротой сознаю пустоту в ладони.

Эсбен смотрит на меня.

– Я должен кое о чем предупредить тебя.

– Что ты не такой милый, как кажется? Ты собираешься засунуть меня в багажник и сбросить со скалы?

– Здесь поблизости нет скал, – отвечает он и похлопывает меня по плечу. – Шутка!

– Надеюсь! Иначе окажется, что я совершила очень большую ошибку.

– Нет. – Эсбен сияет улыбкой. – Слушай внимательно. Тебе показалось, что в моей комнате бардак? Ты еще не видела мою машину.

Боже мой. Я уже позабыла, что назвала Эсбена неряхой.

– О господи. Извини.

– Не за что. Ты права.

Мы подходим к старому серебристому седану, и Эсбен открывает передо мной дверцу.

– Видишь? Тебе не придется ехать в багажнике.

Я смеюсь:

– Да ты настоящий джентльмен.

Эсбен сгибает руку и кланяется:

– К вашим услугам.

У меня есть несколько секунд, пока он обходит машину, направляясь к водительскому месту. Я шумно выдыхаю. Я смелая. Я смелая. Я смелая.

Когда Эсбен заводит мотор, включается радио.

– Тут недалеко, но лучше ехать, чем идти.

– Хорошо иметь машину. – Я обвожу взглядом салон. – Пусть даже тут столько пустых стаканчиков, мятых бумажек, книг и... примерно сорок пар темных очков?

Я улыбаюсь, давая понять, что шучу.

– Ха! С очками у меня и правда проблема. Мне постоянно кажется, что я их потерял, поэтому я покупаю новые, а потом нахожу потерянные. Это бесконечный цикл.

– Никакой проблемы не вижу. Просто ты коллекционер.

– Ага, главное – перефразировать. Мне нравится. Один – ноль в твою пользу.

– Прекрасно. Мы начали шутить про очки.

– Это я только разогреваюсь. Подожди, вот я еще выкину что-нибудь забавное!

Эсбен выезжает на дорогу, и я смотрю в окно, не зная, что сказать теперь, когда мы вместе сидим в машине и деваться некуда. По пути мы молчим, и я рада, что музыка заполняет тишину. Но, по правде говоря, тишина вовсе не такая уж неловкая. Видимо, Эсбен просто дает мне возможность перевести дух. От волнения я вот-вот расплачусь, но он так ловко создает атмосферу комфорта (казалось бы, в невозможных условиях), что моя сегодняшняя готовность рисковать остается непоколебимой.

Я буду сражаться за себя. Честное слово.

Я едва успеваю расстегнуть ремень безопасности, а Эсбен уже открывает передо мной дверь.

– Мы приехали. – Он указывает на темно-лиловый навес и фасад с огромными окнами.

Эсбен первым шагает к кофейне, но я окликаю его, и он поворачивается.

– Что? – Он подходит и останавливается передо мной. – Что такое?

Хорошо, что солнце слепит меня, потому что я не хочу смотреть на него, говоря это.

– Я очень волнуюсь. Вот я и подумала, что надо тебя предупредить.

– Я тоже немного волнуюсь.

– Нет.

– Да.

– А ты чего волнуешься? Это же у меня проблемы.

– Элисон... – Эсбен делает шаг в сторону и заслоняет солнце, так что теперь я отчетливо вижу его лицо. – Ты шутишь? Я страшно нервничаю.

Я внимательно разглядываю пуговицы у него на рубашке.

– Почему?

– Потому что ты мне нравишься, – говорит он. – По-моему, между нами что-то есть, и я очень боюсь, что снова сделаю тебе больно, и ты убежишь. А я этого не хочу. Если надумаешь куда-то бежать, то лучше беги ко мне. Я понимаю, что мы почти не знаем друг друга, но... короче, давай пойдём и выпьем кофе.

– А я боюсь, что сама совершу ошибку. Например, закажу что-нибудь не то – да, сегодня я угощаю – а у тебя окажется аллергия на молочные продукты, и ты попадешь в больницу с ужасным анафилактическим шоком и умрешь. И это будет конец. И я дико нервничаю, потому что хочу начать сегодня новую жизнь, а не закончить.

Меня пронизывает холодный ветер, который отдувает волосы с лица.

– Прости, что несу чушь.

Эсбен поднимает руку и заправляет мне волосы за ухо.

– У меня нет аллергии на молочные продукты. Но я бы в любом случае выпил всё, что ты закажешь, потому что твое общество определенно стоит поездки в больницу.

Он подмигивает.

– Тогда пошли, – говорю я. – Постараюсь тебя не убить.

Глава 13

Светло-синий

В кофейне правда очень уютно; темное дерево и разрозненная мебель наводят на мысль о чьей-то гостиной. Играет негромкая музыка, но в остальном в зале довольно тихо. Кроме нас, тут всего один клиент, пожилой мужчина, который сидит в кресле в другом конце зала. Он не читает, вообще ничего не делает – просто сидит. Я немедленно отмечаю, какой у него одинокий вид, но тут же отгоняю эту мысль. Я ничего про него не знаю и не вправе строить предположения – а другие не вправе гадать обо мне. Выгляжу-то я, вероятно, как любой нормальный человек.

Мы с Эсбеном садимся на кушетку. Он поворачивается ко мне. Лицо у него открытое и спокойное. А я, конечно, сижу скованно, глядя прямо перед собой и крепко держа обеими руками дымящуюся кружку.

– Вкусный кофе? – спрашивает он.

Я вот-вот заработаю ожоги третьей степени, и поездка в больницу станет реальностью. Я быстро отхлебываю кофе и ставлю кружку на стеклянный столик.

– Ты сказала, что жила в Массачусетсе. У тебя там сейчас семья?

– Типа того. Ну... да. Саймон. Он удочерил меня, когда я перешла в девятый класс. Он живет в Бруклине.

– Люблю Бруклин. Особенно Кулидж-Корнер. Там очень здорово гулять.

– Ты тоже из Массачусетса?

Я, конечно, почитала в Сети про деятельность Эсбена, но, сами понимаете, едва копнула. И о нем самом мне до сих пор неизвестно почти ничего.

– Ага, из Фремिंगема. Там, конечно, не так здорово, как в Бруклине, и было очень нудно таскаться оттуда в Бостон, но тоже ничего.

Он отставляет кружку и смотрит на меня:

– Значит, у тебя отец-одиночка? Он хороший?

– Да. Очень. Но я не знаю...

Понятия не имею, как сказать это. И надо ли об этом говорить. Но я хочу. Совершенно точно. Мне нужно общаться с людьми. Где моя пуговка с девизом, когда она так нужна, а? Я делаю глубокий вдох и продолжаю:

– Я не понимаю, почему Саймон решил меня удочерить. Я не была

особо общительной... ну или хотя бы типичной шестнадцатилетней девочкой. И уже не надеялась попасть в семью. Я не из тех, кто нравится потенциальным родителям. Но все-таки Саймон это сделал. Я не понимаю, зачем. А еще, когда мы познакомились, у него был парень. Джейкоб.

Я ёрзаю, чтобы повернуться лицом к Эсбену. Надеюсь, выражение лица у меня не слишком странное. Я поглядываю на Эсбена, чтобы увидеть его реакцию при известии о том, что мой приемный отец гей, но Эсбен не выказывает никакого негатива. Он просто ждет продолжения.

– Они четыре года были вместе, а когда стало ясно, что Саймон хочет удочерить меня – реально хочет – Джейкоб ушел. Я не особенно расспрашивала, потому что это большая тема...

Эсбен морщится.

– И, в общем, многое говорит о Джейкобе, да?

– Возможно. Саймон решил взять меня... – я окидываю взглядом зал и ненадолго замолкаю, – ...и потерял Джейкоба. Это доказывает, что всегда бывает некий взаимообмен. Одного человека ты впускаешь в свою жизнь, а другой уходит.

– Мне кажется, ты не права, – говорит Эсбен. – У меня двое родителей, просто замечательные люди. И моя сестра Керри, которую ты уже видела. Мы с ней очень близки. Еще я подружился здесь с Джейсоном и Дэнни. Но я по-прежнему общаюсь и с ребятами из моей школы. Вовсе необязательно с кем-то расставаться.

– Да, может быть, в твоем случае это так.

– Слушай, я понимаю, что, проведя большую часть жизни в приюте, человек вряд ли проникается верой в волшебный мир, полный сверкающих единорогов, пушистых кроликов и так далее. Неудивительно. – Эсбен опускает глаза и смахивает с джинсов несуществующие соринки. – У тебя было много приемных семей?

Какое счастье, что в его голосе не звучит жалости.

– Очень много.

Я рассказываю ему, как меняла школы, семьи, комнаты... всё остальное. В моей жизни не было ничего постоянного. Никогда. Чередование надежды и отвержения стало привычным – и в конце концов осталось одно лишь отвержение. Я изливаю душу, потому что, начав говорить, не могу остановиться. Этот поток правды я не в состоянии удержать. Никто, кроме Стеффи, не знает таких подробностей. Они превратились в секреты, которые удерживали меня в плену.

Эсбен слушает внимательно и позволяет мне сказать больше, чем, возможно, сам ожидал. Я хочу, чтобы он всё знал про меня – и, если он

намерен сбежать, пускай сделает это сейчас. Я обязана объяснить ему, сколько опасностей таит мое прошлое. Не надо быть гением, чтобы понять: оно кого угодно превратило бы в психа. У Эсбена должен быть выход, если он того захочет.

– Значит, Стеффи была для тебя единственным лучом света, – заключает Эсбен.

– Моим спасением, – решительно говорю я. – Да.

– Хорошо, что вы подружились. Наверное, Стеффи многое тебе дала.

– Забавно, но она вовсе не понравилась мне, когда мы впервые познакомились. Она была резкая, боевая и очень красивая. Она и сейчас такая, но тогда... в общем, я решила, что она просто наглая.

– И как же вы подружились?

– Ну... – Я тянусь за кружкой и делаю глоток. – По сравнению с некоторыми другими детьми мне жилось даже неплохо. Я повидала много хороших людей. Просто никто из них не захотел оставить меня насовсем. Встречала я и не очень хороших, но, в целом, ни одного по-настоящему злого или ненормального.

Несмотря на секундное колебание, я продолжаю – и понимаю, что это нетрудно.

– Но одна семья, кроме нас со Стеффи, взяла еще двух мальчиков, которые были на пару лет старше. Однажды я пришла домой из школы. Мы со Стеффи жили в одной комнате...

Я замолкаю. «Господи, я сто лет об этом не вспоминала».

– Не рассказывай, если не хочешь, – негромко говорит Эсбен.

– Хочу.

И это так же верно, как то, что людям нужен кислород.

– Я увидела ее в нашей комнате, с одним из мальчиков, но сразу поняла, что они не просто дурачатся. Он прижимал Стеффи к кровати, и лицо у нее было... не такое, как обычно. Испуганное...

Эсбен заметно напрягается; мой рассказ, очевидно, шокировал его.

– Господи, Элисон...

Я стараюсь говорить уверенно и храбро:

– Ничего плохого не произошло. Правда. Потому что, когда я увидела, что футболка у нее на плече порвана и что он прижимает ее к постели своим весом, то начала действовать. Очень быстро. Мне понадобилось всего две секунды, чтобы оторвать его от Стеффи. – Я негромко смеюсь. – Я и не думала, что такая сильная. Но я швырнула парня об шкаф так, что разбила зеркало. А потом врезала ему в глаз и оставила здоровенный синяк. Выражение его лица – бесценно.

Я широко ухмыляюсь, вспоминая это.

– И я до сих пор прекрасно помню, что сказала ему. Повторять не буду, но, если коротко, я грозила оторвать ему некоторые особо ценные части тела. А потом я позвонила нашим социальным работникам и орала на них, пока не охрипла. Парня забрали через час.

Я поджимаю ноги и откидываюсь головой на спинку кушетки.

– Вот так.

– И вы стали подругами?

– Да, – подтверждаю я. – Забавно, но Стеффи с тех пор почти не позволяет мне помогать ей. Я пытаюсь, но она очень независимая. Сильная, как я не знаю кто. И она делает для меня гораздо больше, чем позволяет сделать для себя.

Я улыбаюсь.

– Наверно, она отчасти заменила мне мать. Не буду отрицать, это приятно.

Только что я рассказала Эсбену больше, чем кому бы то ни было, за исключением Стеффи. Это очень приятно – но от волнения я впиваюсь пальцами себе в колени. Однако плюсы, несомненно, перевешивают минусы.

– Ну вот. Я поведала тебе про свои беды. Теперь расскажи ты о себе. Наверное, у тебя жизнь гораздо приятнее. Мне бы хотелось послушать про что-нибудь хорошее.

– Что тебе рассказать?

– Что угодно. Ну, про свою сестру.

– Керри отличная девчонка. Я помню, что это она вытащила тебя из толпы, но, клянусь, она тебе понравится.

– Не волнуйся, я на нее не сержусь.

Эсбен кладет руку на спинку кушетки и слегка наклоняет голову набок.

– Только на меня?

– На тебя тоже нет.

– Я рад.

Некоторое время мы оба молчим.

– Так, значит, Керри. Она изучает искусство. Она очень талантливая. Рисунок, живопись, скульптура... Керри всем этим занимается. Кстати, она зовет меня Синий мальчик.

Эсбен наклоняется ко мне, и глаза у него сверкают.

– Хочешь знать, почему?

Я смеюсь:

– Да!

– Я родился с врожденным пороком сердца, который называется стеноз легочной артерии. Ничего серьезного, он проходит сам собой со временем, но при рождении я был совершенно синий. Когда мне было лет двенадцать, а Керри одиннадцать, она случайно об этом узнала и целый месяц ни о чем другом не говорила. Она думала, что я это нарочно. Хотя родителям совсем не нравилось, что Керри увлеклась. Они даже испугались. И тогда она начала звать меня Синий мальчик и до сих пор не перестала.

– Конечно, плохо, что ты родился с пороком сердца, но мне нравится это прозвище. Очень мило, – говорю я, откинувшись на спинку и чувствуя необыкновенное умиротворение. – Эсбен...

– Что?

– Спасибо, что с тобой так легко.

– Я же ничего не делаю. Это всё ты.

Не знаю, прав ли он.

– В любом случае, говорить с тобой... приятно. Очень хорошо. Ты, наверное, привык, что тебя постоянно благодарят?

– Иногда благодарят. – Эсбен озаряет меня обезоруживающей улыбкой. – А иногда приходят ко мне в комнату пьяные и очень клевые и ругаются.

На мгновение я прячу лицо в ладонях и смеюсь.

– Я серьезно. Тебе, очевидно, легко общаться с людьми, выслушивать их, заводить дружбу. И меня удивляет, что ты думаешь не только о себе. Признаюсь, я боялась, что ты окажешься... не знаю. Очень самодовольным. Потому что у тебя есть на то все основания.

– Я много получаю от людей, с которыми встречаюсь. Гораздо больше, чем они от меня. Мне нравится общаться с незнакомцами и выяснять, кто они такие. Всегда есть скрытая история, какая-то причина, почему человек себя так ведет...

Он задумчив и искренен, и это очаровывает меня еще сильнее.

– Иногда собеседник раскрепощается, если просто вызвать его на обмен мнениями. Возможно, это заставляет человека задуматься, кто он такой. Большую часть времени я просто разбрасываю семена. Предоставляю возможность. Наблюдаю, как люди познают себя. Я пытаюсь им помогать. Знаешь, сколько раз меня буквально ошеломляла чужая доброта? Желание чем-то поделиться, что-то отдать, помочь? Честное слово, я знаю массу неприятных личностей. Но в основном, Элисон, люди хорошие. Правда. Мне повезло – я видел очень много добра.

– Ты всегда в центре внимания благодаря тому, что делаешь. Должно

быть, это приятно, – говорю я с легким вызовом.

Глаза Эсбена загораются, на лице появляется легкая улыбка. Это так чудесно, что невозможно описать словами.

– Ну... да. До некоторой степени. Но я ведь пишу не о себе. В большинстве своих постов я вообще стараюсь не появляться, но, конечно, кое-где участвую сам. Как ты знаешь. – Он лукаво подмигивает и продолжает: – Обычно, впрочем, я вывожу в центр внимания других людей.

Он замолкает, и я замечаю, что Эсбен слегка нервничает.

– Но с ними я не хожу пить кофе. Ты – первая.

Я смотрю в окно и вижу, что мимо идут женщина с девочкой. Мне становится больно. У меня никогда не будет матери. На несколько минут я погружаюсь в уныние, а затем возвращаюсь в реальность. Как я уже знаю, Эсбен не возражает, что я порой ухожу в себя.

– А может быть, ты считаешь, что обязан сходить со мной в кафе из-за того поцелуя. Потому что твои подписчики просто с ума сходят.

– Элисон, – твердо говорит Эсбен. – Посмотри на меня.

И я смотрю.

– Я никому ничего не обязан. Я здесь, потому что хочу этого. В тот день именно мне не хотелось, чтобы поцелуй прекращался, а теперь мне интересно, не чувствуешь ли ты себя обязанной. Возможно, ты просто пытаешься примириться с тем, что произошло. Поставить точку.

Я внимательно смотрю на него, проваливаясь в уже знакомое ощущение безопасности и чуда, растворяясь в прекрасных янтарных глазах. Я усиленно думаю – и чувствую, что вся напрягаюсь. Тогда я вдыхаю и выдыхаю, может быть слишком громко, но Эсбен не обращает на это никакого внимания.

Еще несколько глубоких вдохов – и я отвечаю, обдуманно и искренно. От всего сердца я открываюсь ему:

– Я не хочу ставить точку. Не хочу, чтобы это закончилось.

Эсбен придвигается чуть ближе и снимает руку со спинки кушетки, слегка коснувшись пальцами моего плеча.

– Я рад это слышать.

– Но я слабая. И не знаю, что делать. Что бы такое между нами ни было.

– Я знаю, что ты хрупкая. Я всё понимаю, – говорит Эсбен, продолжая касаться меня пальцем. – Ты сильнее, чем думаешь. Сейчас ты борешься. Тот, кто борется – не слаб. Но тебе необязательно сражаться в одиночку.

Непривычная мысль.

– Почему ты это делаешь? Почему... почему я? Тысячи девушек

бегают за тобой и строят тебе глазки, в Интернете и здесь, в колледже. Я не понимаю, почему ты здесь, со мной, весь такой клевый и милый. Почему вынуждаешь меня болтать и рассказывать то, что я не рассказала бы никому другому.

Его рука крепко ложится на мое плечо.

– Если хочешь список причин – пожалуйста. Ты красивая, добрая, смелая. Загадочная, веселая, оригинальная. В тебе скрыта большая сила, которая меня притягивает. Не говоря уж о том, кстати, что ты отлично целуешься. Я такого даже не помню. Но главное... – Эсбен ёрзает, и я вижу, что он отчего-то волнуется. – Может быть, ты нравишься мне безо всяких объяснений? Просто потому что нравишься?

Потрясенная, я задумываюсь над тем, что он сказал – над тем, что, очевидно, он чувствует. Эсбен дал мне несомненную свободу, которая сделала меня удивительно счастливой, и я даже позволяю себе игриво взглянуть на него.

– Значит, целоваться тебе понравилось?

Эсбен запускает руку мне под волосы и ласково гладит шею. Он медленно произносит:

– Да, понравилось. Однозначно.

– Что ж, – говорю я и тянусь к кружке, – очень приятно это слышать. Я не зря пропустила сегодня лекцию.

– Принимаю комплимент. – Эсбен берет свою кружку, и мы чокаемся.

Мы идем к машине, соприкасаясь плечами. Эсбен включает музыку, потому что на сегодня уже достаточно разговоров. Мы оба охвачены эйфорией, которая не оставляет места больше ни для чего. Когда машина останавливается, я лезу за сумочкой и вижу на полу открытый бумажный пакет.

Вокруг валяются не меньше сотни пуговок с девизами.

Меня переполняют радостное возбуждение и ощущение чуда. И я не хочу выходить из этого состояния.

Глава 14

Разыскивается

Вечером я пытаюсь связаться со Стеффи по скайпу, поскольку хочу, чтобы она увидела, как я по-идиотски сияю, но она не отвечает, а вместо этого тут же перезванивает сама.

– Прости. Я отвратительно выгляжу и не желаю, чтоб ты видела мои сальные волосы и мешки под глазами. Такое ощущение, что за два дня я смоталась туда и обратно через всю страну. Подожди-ка. Ну да, именно это я и сделала!

– В таком случае, спасибо, что не показываешься. – Я включаю громкую связь и смотрю на себя в зеркало.

Обычно я не трачу время на то, чтобы полюбоваться собой, но сегодня – совсем другое дело. Сегодня я хочу видеть себя счастливой.

– Как ты поживаешь? Помимо мешков под глазами. Чем будешь заниматься на неделе? О! Ты же не рассказала мне про свою стажировку...

– Да это всё скучно. Какая разница? Я хочу знать, как дела у тебя. Твоя жизнь сейчас стала необыкновенно насыщенной.

Голос у Стеффи и правда утомленный, но я знаю, что она пытается приободриться ради меня.

– Э... ты не объяснишь, как завить волосы, чтобы было как в тот вечер? Когда я пошла к Эсбену.

На мгновение повисает тишина. А потом Стеффи отвечает – с глубоким удовлетворением. До нее дошло.

– Ты набралась смелости, да? Эсбену понравилась твоя прическа, и ты набралась смелости. Ты рискнула, и это окупилось.

Подруга начинает засыпать меня вопросами, и, поскольку она настаивает, я подробно, ничего не упуская, рассказываю, как прошел день. Когда мы расстаемся, Стеффи знает столько, что спрашивать больше не о чем.

Вечером во вторник, когда я сижу и занимаюсь, в дверь стучат.

– Привет. Можно?

Эсбен в темно-зеленой рубашке под кожаным пиджаком. Цвета волшебного леса, в котором мне хочется затеряться.

– Привет.

Я отступаю на шаг и пытаюсь принять менее мечтательный вид.

– Я договорился встретиться с Керри и уже опаздываю, так что у меня всего две минуты. Она хочет показать мне свою последнюю картину, но я решил сначала зайти сюда.

– Правда? – я с трудом выговариваю одно маленькое слово.

Эсбен кивает.

– Я скучал по тебе сегодня. По-твоему, это странно? Да, наверное. Но я не вру. Мы отлично провели время, и сегодня всё меркнет по сравнению со вчерашним днем. Вот я и решил тебя навестить.

Он покачивается на пятках и спрашивает:

– Ты не против?

– Нет, конечно.

Я настолько не против, что впору запрыгать, как ненормальной. Но вместо этого я делаю то, о чем давно мечтала. Далеко не так неуклюже, как боялась, я шагаю вперед и обнимаю Эсбена за талию, запустив руки под пиджак. Поверить не могу, что я решилась. Хотя я вся дрожу от испуга и волнения, я очень хочу этой близости.

Эсбен кладет руки мне на плечи и притягивает меня ближе.

– Вот зачем я пришел. Вот что я искал...

Я расслабляюсь в его объятиях, а когда Эсбен нежно целует меня в макушку, поворачиваюсь и прижимаюсь щекой к его груди. Несколько минут мы стоим, слившись в единое целое, а потом он сильнее прижимает меня к себе и говорит:

– Черт, мне пора бежать. Очень жаль...

Я глажу ладонью его спину.

– Увидимся завтра на лекциях?

– Конечно.

Он уходит, а я надуваю единорога, которого прислал Саймон. Может быть, потому что Эсбен вчера упомянул единорогов. Не знаю. Но я ставлю это розовое чудовище на стол в свободной комнате.

В среду Эсбен сидит рядом со мной на лекции по психологии. Наши руки всё время соприкасаются, и до меня доходит максимум десятая доля того, что говорит преподаватель. Затем Эсбен провожает меня на следующую лекцию. Как будто мы перенеслись в прошлое и он ухаживает за мной. С ума сойти, какой он милый и уважительный. Мы стоим в коридоре, в полушаге друг от друга, и от головокружения я не в силах взглянуть на него, поэтому развлекаюсь, играя с молнией на куртке.

Эсбен шепчет мне на ухо:

– Ну что, можно мне твой телефон?

– Да, – тяжело дыша, отвечаю я.

Вечером в четверг Эсбен буквально засыпает меня сообщениями.

Он присылает селфи в чудовищном ярко-оранжевом свитере грубой вязки, который прислала ему мать. На фотке у него преувеличенно испуганное лицо. «Боже, мама сошла с ума», – гласит сообщение.

Потом Эсбен присылает картинку с Чубаккой и подписью: «Потому что Чубакка».

Потом какую-то шутку про корову и бублик, которой я не понимаю. Но, прежде чем я успеваю ответить, Эсбен пишет: «Да, я тоже не понял. Но один чувак регулярно вешает ее у меня на стене в Фейсбуке. Помогите! Помогите!»

Потом Эсбен присылает список из трех важных вещей, которые, по его мнению, я должна знать.

1. Я часто ношу непарные носки.

2. Я ненавижу вареную кукурузу. Наверное, я единственный человек в мире, который ее ненавидит. Когда я ее ем, то ставлю початок вертикально и срезаю зерна, но они разлетаются, и на тарелку попадает всего несколько штук.

3. Я считаю, что ты необыкновенная, и сейчас очень хотел бы к тебе прибежать, сказать это лично, обнять тебя и послушать, как ты дышишь, но не буду, потому что ты испугаешься.

Я смотрю на третий пункт и улыбаюсь, а потом делаю скриншот, потому что хочу сохранить это послание навсегда.

Мой ответ:

1. Интересный стиль. Может, я научу тебя стирать.

2. Вареная кукуруза в початках меня тоже бесит, я в этом с тобой на сто процентов согласна. Давай придумаем какое-нибудь приспособление, которым можно срезать зерна так, чтобы они не рассыпались.

3. Я не боюсь.

Потом задумываюсь и пишу вдогонку: «Ну, стараюсь не бояться».

Через минуту я добавляю: «Да, да, мне страшно. Но в то же время я очень счастлива».

«Понятно, – отвечает Эсбен. – Я затянул с работой, которую надо сдать в понедельник, поэтому завтра вечером буду вкалывать. Может, сходим куда-нибудь в субботу? Пожалуйста, скажи «да». Только это поддержит

меня морально, пока я пишу эссе про «Братьев Карамазовых». Я их уже ненавижу».

Я отвечаю: «Я охотно помогу тебе пережить Достоевского. Да».

«Увидимся завтра на лекции. Спокойной ночи, моя красавица».

Я снова делаю скриншот. Мне очень хочется послать обе картинки Стеффи, но я удерживаюсь. Сохраню их исключительно для себя.

И я действительно крепко сплю. Лучше, чем когда-либо.

В пятницу Эсбен, как обычно, садится рядом со мной на лекции. В процессе он протягивает руку, и наши пальцы сплетаются.

– Можно? – негромко спрашивает он.

Как это прелестно, когда он улыбается, почти не улыбаясь.

– Более чем, – отвечаю я. – Нужно.

Эсбен подносит мою руку к губам. Я, словно в трансе, наблюдаю, как он легонько касается губами моей кожи, как на мгновение прикрывает глаза. Форма его рта, нежность... я чуть не падаю в обморок. И до конца лекции моя рука остается лежать в руке Эсбена.

После занятий я звоню Саймону.

– Привет, персик. Как дела?

Сидя на краю кровати, я начинаю взволнованно подсакивать.

– Саймон, я хочу кое-что тебе рассказать.

– О. Ты? Ну давай.

Саймон слегка запинается, наверно, потому что я редко звоню ни с того ни с сего, чтобы поболтать. Но сегодня совсем другое дело.

– Твоя соседка по комнате бросила морских леопардов и вернулась?

– Лучше.

– Надувной единорог, которого я тебе прислал, теперь официально считается твоим соседом по комнате?

Я заглядываю в свободную спальню и вижу розовое чудовище, которое последние несколько дней сидело на столе.

– Вроде того. Но я звоню по другому поводу.

– Что случилось?

Я замираю, готовясь произнести это вслух.

– Мне нравится один человек.

– Лиам Нисон?

– Нет!

– Фло из рекламы страхования?

– Саймон!!

– Майли Сайрус? У нее новый прикид?

– Нет. Это парень, о котором я уже как-то упоминала. Он тоже учится

здесь.

– А. Хорошо. Он тебя интересуется?

Я понимаю, что Саймон отчаянно пытается не выказывать удивления.

– Да.

– Ну... здорово. И какой он?

– Он держал меня за руку и помогал собирать кубики льда, а еще у него полная машина пуговиц с позитивными девизами.

– Звучит интригующе. А надувной единорог у него есть?

Я перестаю подскакивать.

– Не исключено.

– В таком случае, он мне нравится.

Я падаю на спину и смотрю в потолок.

– Он мне тоже нравится, Саймон. Его зовут Эсбен Бейлор. Погугли.

– Обязательно. Это моя обязанность – отслеживать кавалеров дочери.

– Ты ведь ждал этого, правда?

– Я ждал, когда ты будешь готова, вот и всё.

Я слышу, как он стучит по клавиатуре.

– Ладно. Мне пора ужинать. Просто я хотела с тобой поделиться.

Созвонимся.

Я уже собираюсь отправиться в кафе, но вдруг останавливаюсь и ищу в списке номер комнаты Кармен. Поднявшись на два этажа, я замираю перед ее дверью, долго спорю сама с собой... и в конце концов стучу.

– Элисон, – с улыбкой произносит она.

Кармен покрасила волосы в нежно-розовый. Она отбрасывает их от лица кинематографическим жестом.

– Что случилось?

– Я хочу сходить в столовую и поесть. Составишь компанию?

Она вытаскивает из кармана студенческую карточку.

– Как раз об этом думала. Сегодня на ужин можно взять утреннее меню. А я обожаю омлет.

– И я тоже.

Кармен шутливо тычет меня в плечо и улыбается.

Мы обедаем омлетом... и ничего ужасного не происходит. Кармен приехала из Висконсина, у нее пять братьев, она изучает биологию и хочет заниматься охраной природы. Дома у нее живут две шиншиллы, а в девять лет она выиграла соревнования по бегу с яйцом. Еще она любит читать биографии детей-звезд.

На десерт мы уписываем мороженое с вафлями. На половине порции взбитых сливок с шоколадным муссом я понимаю, как же мне нравится

есть не одной. Сейчас я напоминаю нормального, социально адаптированного человека. Это странно и прекрасно.

И Кармен такая славная.

А потом наконец наступает суббота.

Я думала, что Эсбен хочет встретиться вечером, но он предлагает зайти за мной в полдень. Я недостаточно опытна и не знаю, какой уровень романтических настроений символизирует встреча за обедом, в отличие от ужина. Но у меня будет возможность это выяснить.

Просто не верится, что я употребляю слова «свидание» и «романтический» применительно к себе, но счастье, которым наполнилась моя душа на прошлой неделе, ничто по сравнению с тем, что я испытываю сейчас – и я не настолько глупа, чтобы от этого отказываться.

Впрочем, я всё равно дрожу и волнуюсь, когда стою на ступеньках корпуса, оглядывая обсаженную деревьями улицу. Я некоторое время жду, а потом смотрю на часы.

Эсбен опаздывает на десять минут.

Я сажусь. Листья уже становятся красными и оранжевыми, и я наблюдаю, как ветер шевелит их, превращая в яркое размытое пятно. Я поправляю на шее тонкий бледно-голубой шарф и провожу пальцами по волосам. Поскольку я не знаю, куда мы поедем, было нелегко выбрать подходящий наряд, но в конце концов я надела джинсы, полусапожки и блузку в тон шарфику. Я тереблю свитер, который держу в руках, и осматриваю улицу в поисках машины Эсбена. Изучаю серые каменные ступеньки и прослеживаю глазами трещины в асфальте. Потом перевожу взгляд на лужайку и считаю травинки. Дохожу до девяносто восьми и заставляю себя выйти из транса.

Он опаздывает уже на двадцать минут.

До меня вдруг доходит, что, может быть, это всё обман, жестокая шутка. О господи. Я встаю и поворачиваюсь, чтобы зайти в корпус, когда слышу визг тормозов и стук дверцы.

– Эй! Эй! Элисон! Подожди! Подожди!

Стоя спиной к нему, я облегченно вздыхаю. Звук шагов Эсбена, который бежит по лестнице, кажется сущей музыкой, но я не в силах развернуться. Он кладет руку мне на спину, когда подходит ближе.

– Куда ты? Ты так быстро разочаровалась?

– Я подумала – может быть... не знаю...

Я поворачиваюсь к нему и виновато улыбаюсь.

– Ты решила, что я тебя обманул? – спрашивает он огорченно. – Элисон...

Я смущенно жму плечами:

– Мало ли. Ты мог передумать.

– Ни за что. Прости, что опоздал. Сел аккумулятор, пришлось срочно заряжать.

– Всё нормально.

– Поехали. – Эсбен берет меня за руку и ведет к машине.

Он собирается открыть дверцу – и вдруг останавливается.

– Я бы ни за что тебя не обманул. Однажды ты перестанешь бояться.

– Дело не в том, что я не доверяю тебе. Дело во мне. И... в том, как устроен мир. Вообще. Ты ни при чем.

– Значит, однажды ты научишься доверять миру в целом. – Он распахивает передо мной дверцу, а когда я сажусь, наклоняется и быстро целует меня в щеку. – Но сначала мы поедим. Готова прокатиться?

– Да. Куда поедим?

Эсбен заводит мотор.

– Мы ведь в штате Мэн? Значит, что мы должны есть?

– Мексиканские блюда.

Он смеется:

– Не-ет.

– Суши? Репу? Пиццу?

– Ты с ума сошла.

От его лица, когда он смеется, невозможно отвести взгляд. Я и не отвожу.

– Какая-то ты недогадливая, – дразнит Эсбен. – Мы в Мэне, подружка! Значит, будем есть жареных моллюсков. Если только ты не питаешь отвращения к морепродуктам. В таком случае нам придется серьезно поговорить.

– Вообще-то я обожаю жареных моллюсков. В принципе все морепродукты. Мы с Саймоном ходим в Бостоне в одно очень славное кафе...

– «Дом устриц»! – договаривает Эсбен. – Как тебе тамошний суши-бар?

– Просто блеск.

– Господи, я знал, что мы сойдемся.

Он удовлетворенно вздыхает и берет меня за руку, когда выезжает на дорогу.

– Готовься, потому что тебе сорвет крышу. Ехать почти час, но, обещаю, оно того стоит. А потом мы пойдем в большой сад и будем собирать яблоки и тыквы. Тематический день в Новой Англии. Круто?

Я крепче сжимаю его руку. Эсбен не просто везет меня наскоро перекусить. Он хочет провести со мной целый день.

– Круто.

Глава 15

Вперед, за мечтой

Эсбен прав. Оно того стоит. Мы – в старинном рыбном ресторане. Заказывать еду тут надо у окошка, а на улице стоят столы для пикника. Я заранее знаю, что мне здесь понравится. Я сижу на скамье и жду Эсбена с едой. Он стоит, облокотившись на стойку, болтает с девушкой за кассой и время от времени что-то говорит парню, который жарит нам гребешки. Он такой общительный и дружелюбный, просто невероятно. Я не помню, чтобы когда-нибудь завязывала разговор с незнакомцами. Но, впрочем, мое внимание привлекает не только открытая натура Эсбена, но и его потрясающе красивая задница. Ничего не могу поделать – джинсы облегают ее с необыкновенным изяществом. Я умираю от голода, но чувствую несомненное разочарование, когда он выпрямляется и разворачивается с подносом в руках. Конечно, спереди он тоже не урод...

Я думала, что Эсбен сядет напротив, и в животе у меня что-то трепещет, когда он устраивается верхом на скамье, на которой сижу я, лицом ко мне. Господи, рядом с ним одновременно тревожно и так уютно, и я не в силах отвести от него глаз.

– Ну, как? – спрашивает он.

– Прекрасно!

Я не сразу понимаю, что Эсбен говорит о еде.

Он видит, что я на него пялюсь, но, прежде чем я успеваю отвести глаза, Эсбен нежно касается ладонью моей шеи.

– Да. Ничего прекраснее я уже давно не видел.

Его рука скользит по моему лицу. Он осторожно проводит пальцем по губам, придвигается ближе и медленно наклоняется. Губы Эсбена мучительно близко. Он повторяет шепотом:

– Ничего прекраснее я не видел...

А потом я закрываю глаза и чувствую прикосновение его рта.

Нежный, мягкий поцелуй длится всего несколько мгновений – но этого достаточно, чтобы я затерялась в блаженстве.

Эсбен быстро целует меня в щеку и отодвигается.

– Проголодалась, красотка?

Как ни странно, я даже в состоянии ответить:

– Как волк.

Запах божественный, и только урчание в животе мешает мне выкинуть какую-нибудь глупость, например броситься в объятия Эсбена и лизнуть его в шею.

– Тут есть всё. Жареные моллюски, устрицы, гребешки, креветки, кальмары и пикша. Плюс пять фунтов свежей жареной картошки. Соус тартар или кетчуп?

– То и другое. О господи. Жареные устрицы? Их почти нигде не бывает...

Эсбен берет устрицу, окунает ее в оба соуса и подносит к моему рту.

– Я намерен перевернуть твой мир.

Я улыбаюсь:

– Кажется, ты уже это сделал.

Он снова целует меня в щеку.

– Ешь.

Я позволяю ему положить устрицу мне в рот. Конечно, в поцелуе было гораздо больше страсти, но все-таки это чертовски приятно. Сочная устрица со вкусом моря и соблазнительный Эсбен... лучший обед в моей жизни.

Мы справляемся с горой морепродуктов и запиваем их огромным количеством газировки. Я с трудом встаю из-за стола. Эсбен выбрасывает мусор и, ведя меня к машине, рассказывает про обещанный сад, который находится где-то неподалеку. Ехать всего десять минут. Вскоре мы сворачиваем на неровную проселочную дорогу. Найдя местечко на переполненной парковке, Эсбен возбужденно выскакивает из машины.

Его лицо озаряется, когда он окидывает сад взглядом.

– Знаешь, когда я был маленьким, родители каждый год возили нас с Керри собирать яблоки, а потом папа готовил яблочный пирог и кофейный торт с яблоками. Я очень люблю маму, но готовить она не умеет. Зато прекрасно вырезает тыквы и всегда выбирает их по полдня, прежде чем купить.

Он подзывает меня жестом и ждет, вытянув руку.

– Пошли! Будет весело.

Я радостно шагаю к нему. Рука Эсбена ложится мне на плечи, как будто мы встречаемся уже давным-давно.

– А что твоя мама вырезает из тыквы? – спрашиваю я.

– Да всё. Не только ведьм, привидения и жуткие рожи. Мы с Керри иногда просим странные вещи. Однажды сестра попросила вырезать дикобраза, и мама это сделала. А в прошлом году она прислала мне фотку тыквы, которую вырезала в мою честь. – Он смеется: – В форме хэштега.

Мама сказала, что у нее ушло на это десять минут, но больше я ничего не получу, потому что в прошлом году она измучилась с двумя фламинго, которых я заказал... – Эсбен вдруг замолкает. – Ох... извини, Элисон.

– В чем дело? – недоуменно спрашиваю я.

– Я болтаю тут про своих родителей, про семейные поездки в детстве и всё такое... – Он качает головой. – Правда, извини.

– Тебе не за что извиняться. Я в курсе, что некоторые люди растут в очень хороших семьях.

– И всё равно, с моей стороны это было глупо.

– Эй... – Я встаю перед ним и заставляю Эсбена взглянуть на меня. – Я рада, что тебе повезло с родителями. Правда. И мне нравится про это слушать. Не надо смущаться, Эсбен. Обязательно рассказывай про всё хорошее, что у тебя было. Если ты будешь молчать, я решу, что ты жалеешь меня или слишком оберегаешь, а я этого не хочу. Меня не нужно спасать от *твоего* прошлого. Мне нужна защита от *моего*.

Он задумывается.

– Логично.

– И не делай постоянно такое лицо, как будто ты только что переехал мою любимую собачку.

Я хватаю его за руку и тащу вперед.

– Пошли собирать яблоки. Если ты унаследовал от мамы художественные способности, нам понадобится тыква-другая.

– Я могу вырезать ужасные треугольные глаза.

Я смеюсь:

– И отлично.

Мы идем по саду. Здесь красиво. Бесчисленные ряды деревьев, усыпанных красными и зелеными яблоками, шелест листьев, запах осени в воздухе. Раньше я никогда не собирала яблоки, и Эсбена, кажется, искренне развлекает мое наивное веселье. Мы бродим туда-сюда по рядам, и вскоре сам он перестает подбирать яблоки и просто наблюдает, как я всматриваюсь в гущу ветвей в поисках лучших плодов.

– Ты очень придирчива, – замечает он. – Особенно для новичка.

– Может быть, именно поэтому. Я хочу сделать всё правильно. Вдруг мы привезем домой червивые, побитые яблоки? Ты сам скажешь мне спасибо.

– А вон там висит потрясающее большое яблоко.

– Ты можешь его сорвать?

– Давай на пару? – Эсбен слегка нагибается. – Запрыгивай. Сейчас я тебя подсажу.

Если он хочет, чтобы я прижалась к нему всем телом, я не стану отказываться. Когда Эсбен выпрямляется, я крепче обвиваю его ногами и поднимаю руку. Оказавшись на нужной высоте, я срываю яблоко с ветки.

Он начинает наклоняться, но я сжимаю руки, и Эсбен замирает.

– Что?

– Я должна кое-что тебе сказать, но не хочу, чтобы ты снова начал меня жалеть.

– Давай.

– Меня впервые кто-то катает на спине.

Тогда Эсбен встряхивается, крепче обхватывает мои бедра руками и шагает вперед.

– Значит, мы продолжим.

Мы оставляем пакет с яблоками под деревом, и некоторое время Эсбен просто катает меня по саду. Положив голову ему на плечо, я наблюдаю, как мимо движутся деревья; потом я продеваю пальцы сквозь рассыпавшиеся кудри Эсбена и люблюсь тем, как под лучами солнца они переливаются незнакомыми прежде оттенками. Такое спокойствие и умиротворение я вряд ли когда-либо могла себе вообразить.

– Ты, наверно, устал, – говорю я. – Спасибо.

– Обращайся. Ну, готова заняться тыквами?

– Вполне.

– Если ты скажешь, что никогда не вырезала тыкву...

Я съезжаю наземь.

– Ну, теоретически – да.

Почему-то мне это кажется смешным. А Эсбен грустнеет. Бедняга понятия не имеет, скольких вещей у меня в жизни не было.

Он вскидывает руки.

– Что? Ну, значит, моя миссия – дать тебе всё то, чего ты была лишена. Почему ты смеешься?

– Не знаю! Может быть, потому, что ты так из-за этого возмущаешься. Но мне очень приятно. Кстати, я помогала вытаскивать из тыквы семена и прочую гадость. Это считается?

– Нет, не считается! Саймон против тыкв у себя дома?

– Я просто... не очень люблю праздники. В детстве они всегда были какими-то хаотичными. И веселье быстро заканчивалось. Ну, например, у меня бывал прекрасный Хэллоуин, а на День благодарения я уже снова оказывалась в приюте. Вот я и научилась ни во что не вкладываться. Наверняка Саймон обрадовался бы, если бы я искренне полюбила Рождество и что-нибудь такое, но... не знаю.

Лицо Эsbена вновь вызывает у меня смех.

– Ничего страшного!

– Пошли. Купим тебе тыкву. Хоть двадцать.

Если я долго возилась с яблоками, то у Эsbена уходит целых полчаса, чтобы выбрать тыкву, которая соответствует его запросам. Для меня они все одинаковы, но так здорово идти рядом с ним, пока он расхаживает по рядам, время от времени наклоняясь, чтобы перекатить тыкву с боку на бок. Одну, совершенно идеальную на мой взгляд, он поднимает и грустно говорит:

– Извини. Ты красивая и круглая, но без стебля, следовательно, для фонаря ты не годишься. Есть определенные стандарты. Зато из тебя получится отличный пирог. Или тыквенный хлеб.

– Или тыквенные палочки. Очень вкусно. Саймон их готовит. Шоколадная глазурь, слой тыквенного крема, толченое печенье...

– Судя по тому, что я о нем слышу, Саймон очень клевый. Он хороший отец, да?

– Да.

– Но ты не зовешь его папой?

– А...

Мы шагаем по дорожке, и Эsbен не сводит с меня глаз.

– Нет, не зову. Наверно, потому что он удочерил меня, когда я была уже взрослой.

– А он не возражает?

– Во всяком случае, он ничего не говорит.

Я пинаю камушек. Никогда не думала об этом раньше.

Эsbен не позволяет мне заплатить за тыквы и яблоки, хотя он уже и так угостил меня обедом, поэтому я отхожу посмотреть на полки, уставленные банками с вареньем, выпечкой, помадкой и сиропами местного производства. Когда я возвращаюсь к кассе, Эsbен оживленно беседует с мужчиной, который стоит в очереди позади него. Они перебрасываются репликами, обсуждая достопримечательности штата Мэн, и Эsbен рекомендует ресторан, в котором мы побывали.

– Да, да, обязательно туда сходите. Мы сегодня пообедали там. Лучших морепродуктов вы нигде не найдете.

– Правда? Мы обязательно туда поедem, вот только вытасчу отсюда жену. Такое ощущение, что она никогда раньше не видела дерева. – Мужчина подмигивает. – Мы ехали целый день. Из самого Нью-Йорка.

– Правда? – Эsbен улыбается и протягивает кассиру деньги.

– Да. Но оно того стоило. – Мужчина оглядывается, снова смотрит на

Эсбена и наклоняется к нему. – Знаешь, парень, – говорит он с легким волнением, – мы много лет работали, соскучились и решили сделать что-нибудь веселое и странное. В кои-то веки. Я всю жизнь обожал молочные коктейли, – признается он со смехом, – и теперь мы хотим заняться этим всерьез. Но не просто молочные коктейли. Такие, с зонтиками, палочками и всякими дополнительными штучками. Кусочками кекса, свежим печеньем, шоколадными батончиками. А зимой можно продавать горячие коктейли. Напитки на основе кофе, чая, сидра. С пончиками, тыквенным хлебом и всё такое.

Он говорит, едва сдерживая радостное возбуждение.

Эсбен отходит в сторону, пропуская его к кассе.

– Потрясающая идея...

Он на мгновение замолкает, и я улыбаюсь, зная, что он сейчас сделает.

Эсбен протягивает руку:

– Меня зовут Эсбен Бейлор. Можно сфотографировать вас и вашу жену?

Через десять минут Эсбен выкладывает в блоге фотографию ньюйоркца и его жены, стоящих посреди тыквенной полянки, с коротким изложением их истории и хэштегом #исполнимечту.

Погрузив в машину яблоки, тыквы и четыре кукурузных стебля, которые Эсбен каким-то чудом втиснул на заднее сиденье, мы отъезжаем. Я не отрываюсь от телефона, с благоговением наблюдая, как под картинкой растет количество комментариев. Ярываюсь между блогом Эсбена на Фейсбуке, Инстаграме, Твиттере и его домашней страницей. Просто невозможно уследить.

Я кладу телефон на колени и смотрю на Эсбена.

– Что? – спрашивает он.

– Кто ты? Это что-то невероятное. За несколько секунд сотни людей прокомментировали пост о человеке, который хочет продавать молочные коктейли.

– И что они пишут?

Снова гляжу на экран. Комментариев стало еще больше.

– В общем, хорошие слова.

Я просматриваю комментарии и даже не знаю, какой выбрать: их количество меня ошеломляет.

Наконец я читаю:

– «Я всегда хотела заняться чем-нибудь таким. Желаю им удачи, надеюсь, у них всё получится». И так далее, в том же духе. Кое-кто уже спрашивает, как называется магазин и когда он откроется. Вот еще... –

Я прищуриваюсь и хихикаю. – Какая-то женщина пишет, что он очень красивый, а она одинокая – мало ли, вдруг его жене надоест жить среди коктейлей и она сбежит на Барбадос с продавцом мороженого.

– Ну, я бы не хотел, чтобы эта духоподъемная история закончилась так печально.

– Как тебе вообще пришло это в голову? И опять-таки, кто ты?

Эсбен смеется и надевает темные очки.

– Ну, тут нет ничего сложного. Мир прекрасен, и в нем живут интересные люди. Нужно просто внимательно смотреть.

Он вдруг сворачивает к обочине.

– Кстати, о мороженом, я совсем забыл. Здесь есть потрясающий ларек.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Мне нравится ездить по округе и разведывать маленькие города. В Мэне куча интересных мест. Если постоянно торчать в кампусе, можно заработать клаустрофобию.

Я вспоминаю, что люблю сидеть, запершись в своей комнате. Видимо, придется от этого отказаться.

Эсбен заходит в еще одно небольшое кафе, и мы встаем в очередь у окошка.

– Отлично, а то я боялся, что они уже закрылись, – говорит он и снова обвивает рукой мои плечи. – Здесь продают мягкое мороженое, всего семь вкусов, но оно просто потрясающее. Поверь.

– Верю. И не только насчет мороженого.

– Приятно слышать. Попроси черничное.

Я так и делаю. И оно правда потрясающее, с кусочками свежих ягод. Мы, с нашими огромными рожками, сидим под зонтиком, за небольшим столиком, и я не могу удержаться, чтобы вновь не взглянуть на комментарии. Их число пугает. А потом я натыкаюсь на то, что заставляет меня резко выпрямиться.

Эсбен хмурится.

– Что? Какой-то дурак написал гадость? Я обычно блокирую или стираю такие комменты. Терпеть это не могу. Слава богу, идиотов не так много.

– Э... нет. Но, знаешь, иногда люди пишут совсем не в тему.

– Да, такое я тоже не люблю. Ты, например, пишешь про цыплят, а кто-нибудь отвечает: «Да, цыплята – это круто, а у меня однажды был хорек, который носил вязаную шапочку», – и тут же появляется еще пятьдесят человек со своими историями про хорьков.

– Эсбен... – Жаль, что у меня нет солнечных очков, за которыми я могла бы укрыться. – Похоже, люди до сих пор гадают, что между нами происходит.

– А. Ну да. Всю неделю так, – говорит Эсбен, откинувшись на спинку. – Хочешь им ответить?

– Ответить? В смысле?

– У тебя нет ни Твиттера, ни Фейсбука, да? – спрашивает он.

Я качаю головой, и Эсбен ненадолго задумывается.

– Я могу тебя представить, – произносит он, улыбаясь.

– В смысле?

Оказывается, никому из нас больше не хочется мороженого, поэтому я выбрасываю недоеденные рожки.

– Как?

– Иди сюда. – Он отодвигает свой стул и хлопает себя по коленям: – Садись.

Я подхожу к Эсбену и сажусь, свесив ноги и положив руку ему на плечо.

– Так?

– Сначала... – медленно произносит Эсбен, – сначала вот это.

И во второй раз за сегодня он целует меня в губы. Долго и страстно. Губы у Эсбена холодные, у них вкус свежей черники, но поцелуй получается очень горячим. Удивительно, как человек может быть таким добрым и ласковым; он вселяет в меня почти непреодолимое желание сорвать с него рубашку прямо здесь, в кафе. Уму непостижимо. Эсбен воскресил во мне полузабытую жажду романтики... так легко.

Я отрываюсь, чтобы глотнуть воздуха. Иначе, чего доброго, и правда начну его раздевать.

– И что дальше? Вряд ли это будет круче...

Эсбен приникает к моим губам опять – на несколько секунд.

– Посмотрим.

Он поднимает телефон, и я вижу на экране свое изображение.

– Что скажешь?

– Ты делаешь селфи? – уточняю я. – И хочешь его запостить?

Эсбен кивает и поднимает очки.

– Только если ты не против.

Затерявшись в глубине его янтарных глаз, я размышляю. Сама мысль о том, чтобы сделать этот шаг, слегка пугает меня, но в то же время наполняет радостным возбуждением. Я опускаю голову и продолжаю думать. А затем кое-что замечаю и улыбаюсь. У Эсбена один носок синий,

а другой белый.

Не стоит больше сомневаться.

– Да. Давай запостим.

– Ты ведь знаешь, что нам будут писать не только приятные вещи, – предупреждает Эсбен.

– Особенно девушки. Я в курсе.

Больше я ничего не говорю, просто поворачиваюсь к Эсбену, прижимаюсь щекой к его щеке и смотрю в объектив.

Эсбен выкладывает нашу фотографию и пишет:

Элисон, познакомься, это мои друзья. Ребята, познакомьтесь, это Элисон. #этот_поцелуй #элисон #180

Меня не волнуют комменты и чужая реакция. Только не сейчас. Меня интересует только то, что я позволила ему – нам – выложить это в Интернет.

Я сделала очень важный шаг и никогда не забуду этот день. И Эсбена.

Глава 16

Ненависть

Через две недели мы с Эсбеном и его сестрой Керри стоим перед дверью переполненного студенческого клуба. До Хэллоуина неделя, и мы дрожим на холодном ветру, под тусклым серым небом. Хотя все мы в толстых свитерах и куртках, такое ощущение, что это последний сносный денек. Вот-вот начнутся настоящие морозы. Штат Мэн вовсе не славится легкими зимами.

Стеффи целыми днями шлет мне солнечные картинки, и в другое время меня бы это бесило, но к ним прилагается столько смайликов, что сердиться невозможно. Я не первый день пытаюсь дозвониться до подруги и постоянно по ней скучаю. Эти глупые послания поддерживают меня на плаву.

Эсбен возится с телефоном, а я держу видеокамеру. Керри достает из сумки блокнот и пакет маркеров.

– Ты впервые? – спрашивает она.

– Да.

Я изо всех сил стараюсь не выглядеть нервной закомплексованной трусихой. Не знаю, что из этого получится. Эсбен и Керри решили попросить студентов рассказать про своих лучших друзей, а я довольно неохотно согласилась составить им компанию. С одной стороны, мне до смерти хочется вновь понаблюдать Эсбена в действии, а с другой – я мечтаю закрыть глаза руками и ничего не видеть.

Я одновременно хочу и убежать, и остаться.

И остаюсь.

У Керри такая же теплая улыбка, как у брата.

– Ты волнуешься. Не надо.

Она встает, передает мне блокнот и забирает камеру.

– Я рада, что ты с нами. Мы не виделись с того дня.

Уточнения излишни. Мы обе прекрасно понимаем, какой день она имеет в виду.

– И ты тогда быстро ушла.

– Да, – соглашаюсь я. – Потому что была... не готова. Ты, наверное, решила, что я ненормальная.

– Нет. Каждый человек может занервничать. Ты нервничала немножко

больше, чем другие, но... не знаю. В любом случае, я такого еще не видела. – Керри шаркает ботинком по бетону. – В смысле, я не видела, чтобы Эсбен так себя вел. Обычно он гораздо спокойнее.

– Ну, наверное... я подумала...

Я так далеко от привычной зоны комфорта, что защититься мне буквально нечем. Эсбен обрушил почти все мои стены.

– Я не знала, всегда ли он... так реагирует.

Керри качает головой:

– В тот день – впервые. Я с самого начала снимаю и фотографирую все проекты Эсбена. И мне очень нравится... – Она замолкает, стоя на ветру. – Эсбен так много о тебе говорит, что у меня ощущение, будто мы давно знакомы. Но мы почти не знаем друг друга. Пока что.

Она такая же энергичная, как ее брат.

– И я бы хотела узнать тебя получше, потому что всё это было так красиво, и ты кое-что сделала для моего брата. Затронула его за живое. У вас обоих как будто крышу сорвало.

– Весь тот день был слегка безумным.

– И прекрасным, – подчеркивает Керри. – Но я должна перед тобой извиниться. Я просто вытащила тебя из толпы, не дав шанса отказаться. Иногда я завожусь не меньше Эсбена. Я должна была заметить, что ты не в восторге. Но нам не хватало одного человека, а ты оказалась рядом...

Я останавливаю ее:

– Я рада, что ты меня вытащила.

И поглядываю на Эсбена – украдкой, но очень нежно.

– Это лучшее, что было в моей жизни. Спасибо.

Порыв ветра раздувает светлые волосы Керри. Улыбаясь, она убирает их от лица и придерживает рукой.

– Ты просто воспламенила моего брата, понимаешь? Но до сих пор он тебя прятал, и я очень рада, что мы наконец пообщаемся.

Я должна всё объяснить. Сказать, что это моя вина.

– Эсбен не прятал меня. Я просто немного застенчивая, и...

Это очень неловко, но все-таки я не буду врать.

– Если бы не он, я бы, наверное, до сих пор сидела, запершись в своей комнате. Он учит меня расслабляться и быть общительной. – Пожав плечами, я добавляю со смехом: – Очень терпеливо.

– Эсбен, несомненно, терпеливый.

Керри поворачивается к брату и кричит:

– А еще адски неорганизованный и тормозной! Эй, Синий мальчик, убери телефон! Время идет!

Эсбен смотрит на сестру:

– Извини, извини. Я готов.

– Серьезно. Если бы не я, вообще ничего бы не делалось. – Керри тычет меня в плечо: – Слушай, в следующем месяце я выставляю свои работы. Хочешь прийти? Ничего особенного, просто небольшое вечернее собрание на художественном факультете. Скверные закуски и всё такое. Зато там у них отличная художественная галерея. Приходите вместе с Эсбеном.

– С радостью, – отвечаю я.

Совершенно искренне.

– Вот в чем фишка, – объясняет Эсбен, подходя. – Надо поговорить с теми, кто прямо сейчас не занят едой. Кстати, видишь ту компанию, которая на нас смотрит? Эти девушки хотят рассказать о своем лучшем друге, с которым познакомились две недели назад. Я шучу, но в каждой шутке есть доля правды. Пошли отсюда.

Держа в руке блокнот, Эсбен приближается к одиноко шагающему студенту. Я отвожу взгляд: сама мысль о том, чтобы подойти к незнакомцу, взрывает мне мозг. Вдобавок у этого парня шапка надвинута почти на глаза. Кажется, он не жаждет общения.

– Привет, старик, можешь сказать пару слов для опроса? – раздается голос Эсбена.

От страха я почти не слышу начало разговора... но, подняв голову, я вижу студента, который смотрит в камеру.

– Меня зовут Чи, а моего лучшего друга Энди.

– Как вы познакомились? И чем Энди не похож на других? – спрашивает Эсбен.

– Ну... – Чи отводит взгляд. – Я родился в Камбодже и переехал в Штаты, когда мне было одиннадцать лет. Я не говорил по-английски и отставал в школе. Я, конечно, дополнительно учил английский, но, кроме того, ходил и на обычные уроки вместе со всеми. Никто не хотел со мной дружить. В школе было мало ребят из Камбоджи. – Он смеется, но это горький смех. – И меня здорово травили. Дети бывают жестоки. Даже не знаю почему... но я всегда был один. Мне плохо давался английский, а когда у меня что-то не получается, то вообще хочется всё бросить. Я скучал по дому, по друзьям. Я ненавидел здешнюю еду. Всё ненавидел.

Он замолкает и смотрит в землю, а потом поднимает голову и проводит рукавом под носом.

– Блин, я что-то расчувствовался. Давно об этом не вспоминал.

– Всё нормально, – отвечает Эсбен, хлопнув Чи по плечу.

Чи шмыгает носом и качает головой.

– И тут один парень из нашего класса... он начал подсаживаться ко мне за обедом. Энди. Он угостил меня чипсами, и это была первая американская еда, которая мне понравилась. Он показывал на разные предметы и называл их по-английски, а я повторял. А сам он хотел знать, как они будут по-кхмерски. У него плохо получалось. Он говорил с ужасным акцентом, но все-таки старался. Это Энди научил меня читать, а не учителя. В тот первый год он был моим единственным другом. Другие ребята не понимали, почему Энди тусит с таким лохом. Они тоже стали его травить. – Чи смотрит прямо в камеру. – А он не сдавался. Он дружил со мной, и точка. Мы боролись вдвоем.

– Вы до сих пор дружите? – спрашивает Эсбен.

Он очень внимательно слушает. Не просто берет интервью, не просто задает вопросы. Он весь внимание. Эсбен искренне интересуется тем, что ему говорят. И это прекрасно.

– Да, да, конечно! – отвечает Чи, энергично кивая. – Он поступил в Гарвард, представляете? Я так им горжусь! – Он хлопает себя по груди и смеется. – Гарвард! Блин, как я скучаю по Энди.

Эсбен пишет в своем блокноте #лучшийдруг и #энди и вручает его Чи. Керри делает несколько снимков.

– Спасибо, ребята, – говорит Чи. – Я давно должен был сказать ему, как много он для меня сделал. И делает до сих пор. Нет никого лучше Энди.

Вдруг он обнимает Эсбена и звучно хлопает его по спине.

– Спасибо, чувак!

А потом поправляет шапку и уходит.

У меня отвисает челюсть. Что это было?

Эсбен поворачивается:

– Неплохое начало, а?

Он неспешно шагает дальше в поисках следующего.

Я иду рядом с Керри.

– Это просто волшебство... – задыхаясь, говорю я.

– Да, да. Каждый раз заново удивляюсь.

Следующие пять разговоров проходят достаточно гладко, но в основном это девушки, которые просто хотят попозировать на камеру. Тем не менее они говорят теплые слова и благодарят своих друзей, а Керри делает несколько хороших снимков. Она скептически называет их «наполнителем», но лично я думаю, что очень приятно слушать чужие рассказы о дружбе. Я думаю про Стеффи и про то, что могла бы рассказать,

если бы сегодня брали интервью у меня.

Еще четыре беседы – и Эсбен начинает заметно раздражаться. Я понимаю, что он жаждет чего-то более интересного.

– Элисон, может, найдешь мне следующего собеседника? – спрашивает он.

– Я?

Понятия не имею, как это делается.

– Ну да. Ты справишься. У тебя свежий взгляд. Девственный, – говорит Эсбен и подмигивает.

Господи, он понятия не имеет, насколько прав. Но я соглашаюсь.

Мы втроем стоим и озираемся. Вокруг такая толпа, что я не сразу начинаю различать отдельные лица. Неподалеку от нас я вижу пожилого седоволосого мужчину в длинном шерстяном пальто, с клетчатым шарфом, аккуратно заправленным за ворот. Он идет, опираясь на красивую резную трость, хотя, кажется, не особо в ней нуждается. Мне вдруг очень хочется узнать, кто лучший друг этого человека.

– Он, – говорю я, незаметно указав на него.

– Профессор Гейлон? Смелый выбор.

Эсбен выдыхает.

– Ну, пожелай мне удачи.

Он расправляет плечи и шагает вперед.

– Кто такой профессор Гейлон? – шепотом спрашиваю я у Керри.

Она с трудом сдерживает смех.

– Преподаватель экономики, который славится мерзким характером. Ты сделала потрясающе удачный выбор! – И Керри торопится, чтобы догнать брата.

Эсбен тем временем пытается втянуть профессора в разговор.

– Неужели у вас нет лучшего друга? Вы бы нас очень выручили. Хоть два слова!

– Может, лучше сядете за учебники, чем заниматься всякой ерундой?

– Давайте договоримся. – Эсбен включает свое обаяние на максимум. – Вы даете нам короткое интервью, а я сегодня целый вечер буду заниматься.

Профессор Гейлон прищуривается и тычет в сторону Эсбена тростью.

– Договорились. И поживей.

Эсбен делает знак Керри, и она включает камеру.

– Итак, расскажите о своем лучшем друге.

– У меня нет друзей. Всё. Интервью закончено, – резко говорит профессор и пытается уйти, но Эсбен останавливает его:

– Нет-нет, подождите! У вас вообще никого нет? А кому же вы

позвоните, если что-нибудь случится?

– Девять-один-один.

– Вы женаты? У вас есть родственники?

– Нет. Я никогда не имел намерения жениться. А мои родственники все умерли.

Эсбен задумывается.

– Так. Ну а кому вы звоните, просто чтобы поговорить? Если вам нужна поддержка? Если хотите с кем-нибудь сходить в кафе?

Гейлон вдруг замолкает. Надолго. Эсбен, как ни странно, теряется.

Пускай я не такая мрачная, как профессор, зато хорошо знаю, что такое горечь и обида. Не успев задуматься, я делаю шаг вперед.

– А раньше? У вас был человек, которому вы всегда звонили, если что?

Он тычет тростью в мою сторону:

– Эта девушка умнее, чем ты!

Профессор перекладывает трость в другую руку и выпрямляется.

Я подхожу ближе.

– Как его звали?

– Джерри Дюбуа. Сукин сын.

Эсбен опускает голову, чтобы скрыть улыбку.

– Ну и ну.

– Вы поссорились? – спрашиваю я.

– Поссорились? – резко повторяет профессор. – Да я вычеркнул этого человека из своей жизни!

– Почему?

– Я совершил ошибку. Доверился ему. Согласился на сделку, которая, по его словам, должна была нас обогатить. А он меня подвел. Мы всё потеряли.

Он трясет тростью.

– Никогда не вступай в деловые отношения с друзьями, девочка.

– А что случилось? Он взял ваши деньги, а доход вы не получили?

– Что? Нет-нет. – Профессор ищет слова. – Гораздо хуже. Всё вообще пошло не так, как мы думали. Я разорился. От меня ушла невеста.

– Но это же было просто неудачное вложение. Он не нарочно... – начинаю я.

– Тем не менее я остался без штанов! – огрызается он.

– А раньше, когда всё еще было хорошо? – настойчиво спрашиваю я. – Что вы делали вместе?

– Играли в карты. Выпивали. Джерри любил крепкий виски, а я мартини. Безо льда и с лимоном. Джерри преподавал литературу в

университете Мэна. Он вечно подсовывал мне Шекспира. Ради него я читал всякую муру... – Профессор слегка улыбается. – Однажды он заставил меня посмотреть «Как вам это понравится», и знаете что? Мне понравилось! Джерри не умел рассказывать анекдоты и совершенно не разбирался в женщинах, но... но я любил его. Когда умер мой брат, Джерри был в Чикаго. И он примчался через всю страну, чтобы побыть со мной. Он стоял рядом на похоронах...

– То есть Джерри был не так уж плох, – говорю я.

Профессор Гейлон смотрит на меня:

– Да. Не так уж плох.

– И когда вы в последний раз общались? – спрашиваю я.

– Гос-споди... лет тридцать назад... – Он задумывается. – Ну да, в июне будет тридцать шесть лет.

– Вы по нему скучаете?

– Да, наверное... – теперь он говорит мягче и задумчивее.

– Вы могли бы простить его?

– Мы тогда были молоды. Не умели обращаться с деньгами. И он не ошибся, когда сказал, что моя невеста охотится за деньгами. Он сказал, что порядочная девушка осталась бы со мной, несмотря на бедность. И он был прав. Да, пожалуй, я простил бы его, хоть он и гад...

– Хотите позвонить ему? – спрашивает Эсбен.

– Юноша, да вы гений. – Профессор явно приободряется. – Есть один нюанс: я понятия не имею, как его найти. Он может быть где угодно.

Эсбен набирает текст быстрее всех на свете. Через десять секунд он показывает профессору Гейлону экран.

– Джерри Дюбуа, профессор литературы, Бостонский университет. Телефон 617...

– Он в Бостоне? Черт возьми, он всегда мечтал преподавать там. – Лицо профессора озаряется, и он касается рукой экрана. – Вы только посмотрите. А морщин-то у него больше, чем у меня.

– Может, позвоним ему прямо на работу?

Профессор Гейлон кивает.

Эсбен набирает номер и протягивает старику телефон. Мы все тревожно ждем.

– Джерри Дюбуа? – выкрикивает профессор. – Это Картер Гейлон. Так, значит, ты теперь в Бостоне, старый хрен? Знаешь что? Если ты угостишь меня шикарным ужином, я тебя прощу.

Он хмурится и слушает.

– Так... давай договоримся. Да. Отлично. В субботу. Не нужен мне

адрес, я умею пользоваться гуглом.

Он возвращает телефон Эсбену.

– Похоже, ты все-таки не дурак.

Керри подает брату блокнот, и Эсбен поспешно пишет на листке #джерри и #лучшийдруг. Он делает снимок. А затем, без единого слова, профессор Гейлон разворачивается и уходит. Почти вприпрыжку.

Глава 17

Спектр

Я лежу на животе, на кровати Эсбена, открыв учебник на одной из самых скучных глав, какую только можно вообразить. Но я заставляю себя не отвлекаться. Ноябрьский день мрачен и уныл, по стеклу стучит дождь. Самое время сидеть дома и заниматься. Эсбен откинулся на спинку стула, задрал ноги на стол. Он почти не отрывался от учебника литературы последние два часа, с тех пор как мы вернулись из столовой. Я даже пугаюсь, когда он вдруг бросает книжку и подъезжает на стуле к кровати.

– Элисон?

Не могу понять, сердится он или что. Лицо у Эсбена какое-то странное. Я не в силах разгадать его выражение.

– Что? – нервно спрашиваю я.

– Нам надо поговорить, – поспешно отвечает он.

Раздражение. Вот что это. У Эсбена раздраженный вид.

Значит, вот так. Я знала, что происходящее между нами рано или поздно закончится.

– Давай, – говорю я, закрываю книжку и смотрю на одеяло, а не на Эсбена.

– Ты встречаешься с кем-то еще? – спрашивает он.

Хорошо, что я не склонна к фырканью, поскольку это самый нелепый на свете вопрос. Я перевожу взгляд на Эсбена, пытаюсь понять, не поменялся ли он телами с каким-то сумасшедшим.

– Я – что?

– Мы... ни разу не обсуждали это. Наши отношения. Можно ли вообще называть их отношениями. И...

Он прав. Не обсуждали. Я не знала, как поднять эту тему. Или слишком боялась.

– Эсбен, ради бога. Если кто-то из нас и встречается с кем-то еще, то именно ты. По тебе сохнет полмира.

Он смеется:

– Ну, ты слегка преувеличиваешь.

Я придвигаюсь к нему, так что его ноги оказываются между моими.

– Может быть. Чуть-чуть. Но ты же понимаешь, что я имею в виду. Тебе ничего не стоит найти себе тысячу девушек, помимо меня. Девушек,

которые... которые...

Я не хочу произносить это вслух.

– Какие? – спрашивает Эсбен.

В последнее время я проводила с ним целые дни. Мы вместе готовились к занятиям, разговаривали, ели. Почти всё делали вдвоем. Целовались, обнимались – долго и страстно – а потом желали друг другу спокойной ночи. И расходились по своим комнатам.

Если Эсбен настроен серьезно, боюсь, я всё могу испортить.

– Когда ты провожаешь меня вечером, то никогда не просишь разрешения остаться.

Эсбен улыбается. Он слегка смущен.

– Да.

– Ты ничего... не предпринимал.

Этот неожиданный разговор до боли неловок.

– Да.

Эсбен берет меня за руку.

– Знаешь почему?

– Потому что ты каждую ночь занимаешься сексом со своими подписчицами из Твиттера, которые следуют за тобой по кампусу. Поэтому я тебя не интересую.

Он смеется:

– Нет. Элисон, меня безумно к тебе влечет, и я даже не смотрел на других девушек, с тех пор как познакомился с тобой.

– Значит, никакого секса с поклонницами?

– Абсолютно.

Эсбен сжимает мою руку.

– Я знаю, что ты пережила тяжелые времена и с большим трудом подпустила меня к себе. И я не хочу подталкивать тебя к физическому контакту. Если будешь готова к чему-то большему, просто скажи.

Я не сразу отвечаю.

– Каждый раз, когда мы целуемся на ночь и ты уходишь, мне хочется, чтобы ты остался. И в то же время я боюсь. Не знаю, понимаешь ли ты...

– Кажется, да, но продолжай.

– Слушай, я знаю, что у тебя намного больше опыта, и ты, скорее всего, переспал с кучей девушек тут в кампусе. Я понятия не имею, что творю. Мое поведение не назовешь раскованным – и я не вполне понимаю, отчего ты это терпишь. Почему ты не пытаешься... ну, сорвать с меня одежду, потрогать между ног и всё такое.

В отчаянии, я воздеваю руки.

– Я не специалист по непристойному поведению, но мне кажется, когда парень и девушка встречаются, это всегда по принципу «всё или ничего». И ты, честно говоря, не получаешь ничего. Поэтому мне интересно, встречаешься ли ты с другими. Может, мы просто друзья, которые иногда целуются, но если так, нам нужно перестать целоваться, потому что я считаю тебя не просто другом, Эсбен.

– Отдышись, Элисон.

Он необыкновенно притягательно выглядит, когда отводит мои волосы с лица.

– Знаешь, ты тоже умеешь задавать опасные вопросы. Но давай сначала кое-что проясним. Во-первых, я не считаю тебя просто подругой.

– Так.

Это уже радует.

– Во-вторых – нет, я не переспал, как ты выразилась, с кучей девушек в кампусе.

– Значит, у тебя было много секса в определенных, хорошо продуманных местах.

С ума сойти, как мне больно при мысли об Эсбене с какой-то другой девушкой.

– Держу пари, ты не девственник. Ты для этого слишком хорош.

Эсбен садится на кровать рядом со мной и качает головой.

– Ну и что мне с тобой делать?

В качестве промежуточного ответа он поворачивает меня к себе и целует. Поцелуй долгий, но не жадный. Но всё же – я это признаю – очень нежный.

– Вообще-то, – спокойно говорит Эсбен, – я девственник.

– Не верю.

– Тем не менее.

– У знаменитого Эсбена Бейлора никогда не было секса? Да вокруг тебя всегда толпа девчонок.

Он пожимает плечами.

– Я не говорю, что у меня вообще ничего не было. Я ходил на свидания, целовался и всё такое. Но до настоящего секса не доходило.

Я в растерянности.

– Но почему?

– Каждый раз казалось, что чего-то не хватает. Секс – это серьезно, а я никак не мог найти девушку, с которой захотел бы именно такой близости. И, честно говоря, я не всегда понимаю, нравлюсь ли человеку просто так или из-за своей популярности. Несколько раз я уже на этом обжигался.

Теперь приходится быть осторожным.

– Я понимаю. Но дело не во мне... то есть ты просто не хочешь со мной спать?

Эсбену трудно целоваться, когда он улыбается, но как-то он с этим справляется. А потом отвечает:

– Наоборот, глупенькая. Позволь, я выражусь предельно ясно. Я хочу спать с тобой. Очень, очень хочу. Ты, кажется, сказала – всё или ничего? В физическом смысле. Но между всем и ничем есть огромное количество ступеней. Целый спектр, честно. Секс – это просто дополнение.

Теперь он по-настоящему улыбается.

– Элисон, ты меня реально заводишь, и если однажды придет день, когда ты будешь готова к сексу, жаловаться я не стану. Честное слово. Но я вижу, что ты еще не достигла этой точки. Или я ошибаюсь?

– Нет, – тихо отвечаю я. – Но это не значит, что... что я не думаю о сексе. Или что не хочу.

– Но просто не сейчас, да? Всё нормально. Мы совсем недавно познакомились, и тебе, по понятным причинам, трудно привязаться к человеку настолько. Я тебя не тороплю.

Я вновь беру его за руки.

– Ты хороший человек, Эсбен. Очень, очень хороший. Необыкновенный. Пойми, мне просто нужно немножко времени.

– Ты его получишь. Не беспокойся. Однажды ты перестанешь бояться, что мы расстанемся.

– Но все-таки... Эсбен, ты уже на третьем курсе, а твоя девушка тебе не дает. Вдруг ты не выдержишь и взорвешься?

У Эсбена на лице внезапно появляется выражение блаженства.

– Что? – спрашиваю я. – Я просто имела в виду...

Он касается рукой моей шеи под волосами.

– Ты только что сказала, что ты – моя девушка.

О господи. Ну да.

– Это просто вырвалось! Я не имела в виду... что мы... что ты мой...

Я пытаюсь перевести дух.

– Мы никогда не говорили об этом. Я плыла по течению и благодарила судьбу за то, что у меня не случилось какого-нибудь ужасного срыва, и ты не догадался, что гораздо веселее тебе было бы с девушкой, у которой чуть меньше тараканов. Я просто оговорила. Вот и всё.

– Но я хочу, чтобы ты была моей девушкой. Мне не нужно чего-то неопределенного и неназванного, типа, догадайся сам. Мы уже прошли этот этап. И ты это только что доказала.

Я сдаюсь и шепчу, когда наши губы соприкасаются:

– Значит, ты мой парень.

– Да.

– Раньше у меня никогда не было парня...

Какой же он сладкий.

– И как ощущение?

Губы Эсбена едва касаются моих, и он быстро проводит по ним языком.

– Очень хорошо...

Я беру его за воротник и притягиваю к себе, падая на кровать. Эсбен опирается на локти и нависает надо мной – как раз на нужной высоте, чтобы погрузить язык в мой рот. Он целует меня так, что я чуть не задыхаюсь. И никак не могу насытиться. Он запускает пальцы в мои волосы, и мы продолжаем целоваться. Я упиваюсь его – нашим – ароматом. Забрасываю ногу сверху и понимаю, что мы еще крепче прижимаемся друг к другу и что мне не страшно. Всё мое тело охвачено незнакомым жаром и страстным желанием.

На мгновение я теряюсь в нашей близости. Прикосновение его груди и живота к моему телу кажется недостаточным.

И всё же этого довольно. Хотя я и желаю большего, Эсбен прав. Я пока не готова. Совершенно не готова.

Быть может, я невольно напрягаюсь или как-то еще даю ему понять – не знаю, но Эсбен откатывается на бок, не отрываясь от моих губ, поддерживая и успокаивая. Он задает темп – целуется то ласково и легко, то страстно, раз за разом подвергая нас обоим сладостной пытке. Если раньше я никогда так не целовалась, это не значит, что я не понимаю, насколько он хорош. С Эсбеном я чувствую себя в безопасности – и, несомненно, этого ему достаточно. Он наслаждается происходящим не меньше, чем я.

Я вдруг осознаю, что Эсбен ни разу не подвел меня с тех пор, как мы познакомились. Ни в чем. Я протягиваю руку, касаюсь его груди, щупаю мышцы на плече, провожу ладонью по предплечью, поверх браслетов, которые Эсбен носит, не снимая, и наконец кладу его руку себе на бедро. По правде говоря, я как пьяная, слегка не в себе. Я продолжаю водить рукой Эсбена, направляя ее, пока она не оказывается у меня под футболкой.

Эсбен трется об меня носом.

– Элисон?

И я невольно выгибаю спину.

– Ты сказал, что есть целый спектр...

– Ну да.

– Покажи мне, – требую я.

– Я не имел в виду, что ты обязана исследовать его в ту же минуту...

– Я знаю.

Я провожу его рукой по своему животу, по ребрам.

– Но этот спектр... значит, мы можем что-то сделать... а кое-чего не делать.

– Так.

– И ты сумеешь... остановиться?

Он улыбается.

– Конечно, Элисон, конечно. Любой парень, если только он не полный придурок, способен остановиться. Люди – не машины, которые заводятся, а потом уже не могут затормозить. Я просто хочу, чтобы тебе было приятно, понимаешь?

– Как ты можешь быть таким... – Я смотрю ему в глаза. – Таким... всем?

– Не буду утверждать, что я абсолютно спокоен. Потому что ты адски страстная, и я очень хочу сорвать с тебя одежду. Сегодня мне, возможно, придется раз сорок влезть под холодный душ. – Он улыбается – лукаво и ласково. – Но знаешь, что гораздо лучше любого физического контакта?

Эсбен долго смотрит на меня.

– Влюбиться так, как я.

Это сродни удару под дых. Эсбен заставляет меня надеяться на то, о чем я никогда не позволяла себе даже мечтать.

– Мне было с тобой так хорошо...

– Да? Здорово.

– А теперь... – Боже, как я хочу ощутить его руки на своем теле. – А теперь еще лучше.

– Прекрасно. Но это не значит, что нам надо торопить события.

Но он позволяет мне подвинуть свою руку чуть выше. И в ту секунду, когда под его ладонью оказывается моя грудь, губами он касается моей шеи...

Мы оба подскакиваем, когда раздается стук в дверь.

Стучат непрерывно.

– Эсбен! Эсбен! – гремит мужской голос.

– Синий мальчик, надеюсь, что ты там! – громко говорит Керри.

– У нас проблемы! – кричит второй мужской голос.

Эсбен вздыхает и приваливается ко мне головой.

– Блин, как вовремя, – шепчет он.

– Может, они уйдут.

Крики за дверью становятся громче.

Я смеюсь и неохотно извлекаю его руку из-под своей рубашки.

– Сомневаюсь.

Эсбен ворчит, но все-таки перелезает через меня, быстро поцеловав по пути.

– Готова познакомиться с моими друзьями? – спрашивает он, направляясь к двери.

– Да, – отвечаю я, сажусь и поправляю волосы.

Эсбен распахивает дверь и кричит:

– Надеюсь, вы пришли не с какой-то ерундой!

Мимо него проталкиваются Керри и двое парней.

– Привет, Элисон! – говорит Керри и садится на кровать рядом со мной.

Один из парней плюхается по другую сторону. Он крупный, рослый и мускулистый. Из-под бейсболки выбиваются темные волосы, на шее висит губная гармошка. Он улыбается и протягивает руку:

– Значит, ты и есть знаменитая Элисон? Очень приятно наконец с тобой познакомиться. Я Дэнни.

Я улыбаюсь в ответ и пожимаю ему руку:

– Привет.

Дэнни осторожно поправляет ворот моей футболки, который, очевидно, съехал с плеча.

– Извини, что помешал. – Он подмигивает, подносит гармошку к губам и извлекает из нее несколько страстных нот.

– А я Джейсон, – говорит второй парень, стоящий у двери, и помахивает рукой.

Я стараюсь удержать челюсть на месте. Он не такой высокий, как Дэнни, но такой же крепкий и красивый. Белая футболка красиво подчеркивает темную кожу, а тонкое лицо наводит на мысль, что этому парню следовало бы ходить по подиуму, а не заниматься гуманитарными науками.

– Так, ну, что стряслось?

Никогда еще не видела Эсбена искренне раздраженным. Я чувствую себя польщенной.

– Я звонила и писала, но ты впервые в жизни выключил телефон. – Керри сует ему собственный мобильник. – На, читай. Это пост на Фейсбуке, которым все делятся. Она живет где-то поблизости...

Эсбен довольно грубо забирает у сестры телефон и читает вслух:

– «Вечеринка в честь дня рождения Кэсси должна начаться через три часа, но никто не ответил на приглашение. Ни один человек. Хотя мы позвали весь второй класс. Ей шесть лет. Шесть». – Эсбен на мгновение опускает телефон и резко выдыхает, а затем продолжает читать. – «Ну и что я скажу ей, когда никто не придет? У нее красное родимое пятно на щеке, и одна грубая девочка в классе начала травить Кэсси, говорить, что она страшная и заразная. Все теперь боятся даже подходить к моей дочери. Я реву, не переставая. Мы нарочно арендовали огромный зал в батутном центре и украсили его, как волшебный замок, потому что Кэсси обожает принцесс. Она так ждала праздника. И что теперь? Она еще не знает, что всё накрылось. Блин, что мне делать?! Отменить праздник и извиниться перед Кэсси? Извините за простыню».

– О господи, – негромко говорю я.

Я хорошо знаю, что такое рухнувшие надежды. И что такое, когда тебя отвергают. Мне становится нехорошо.

Эсбен возвращает телефон Керри.

– Господи.

– Ей шесть лет! – сердито повторяет Керри.

– Знаю.

Эсбен пристукивает ногой по полу.

Дэнни по-прежнему держит губную гармошку во рту, и Эсбен сердито смотрит на него, когда тот издает длинную унылую ноту.

– Нужно, чтобы к ней на день рожденья хоть кто-то пришел. Нельзя же так ее огорчить, – настаивает Джейсон.

– Знаю! – резко отвечает Эсбен.

Он явно расстроен.

– Извините, ребята... просто дайте мне минутку. Я пока не знаю, что делать.

Он смотрит на меня, и я спокойно улыбаюсь ему.

– Знаешь.

Эсбен поворачивается на стуле к компьютеру. Мы ждем. Стук клавиатуры эхом разносится по комнате.

– Так. Вечеринка будет в батутном центре с огромными надувными горками и всё такое. Отсюда ехать примерно двадцать минут. Вот что мы сделаем. Керри, ответь, что праздник состоится. Пусть везет дочь в батутный центр и готовит ее к сказочной вечеринке, лучшей в жизни. Не позволяй ей возражать. Просто скажи, что вечеринка будет. Точка. Поделись постом, постучи всем, кого знаешь.

Он смотрит на нас:

– Джейсон, найди профессора Донахью. У нее тройняшки, кажется, примерно того же возраста. Объясни ей, в чем дело, попроси приехать. И пусть позвонит другим родителям. Потом позвони всем, у кого есть машина, и собери как можно больше народу, чтоб машины были битком. Нам нужна торжественная процессия.

Эсбен поворачивается к нам:

– Кого мы знаем на театральном отделении?

Общее молчание.

– Кого мы знаем на театральном отделении? – настойчиво повторяет Эсбен. – Думайте!

– О... Дженни Лисбон! – говорит Дэнни. – Она очень клевая...

Для пущего эффекта он заставляет свою гармошку присвистнуть.

Эсбен хлопает в ладоши.

– Отлично. Пусть разграбит костюмерную. Что угодно, лишь бы подошло. Платья принцесс для всех.

– Для девушек, – уточняет Джейсон.

– Я сказал – для всех. Девочка любит принцесс, значит, мы все, черт возьми, будем принцессами. Тебе понравится.

– Чувак, я не надену...

– Замолкни, – радостно говорит Эсбен. – Ты помешал нам провести очень, очень приятный вечер, пусть даже по серьезному поводу, – он подмигивает мне, – и взвалил всё на меня. Поэтому ты будешь принцессой, и не спорь. Элисон, вы с Керри найдите магазин игрушек и привезите то, что нужно для принцесс. Блестяшки, ленточки и так далее. И воздушные шарики, конечно. Побольше!

Он открывает ящик стола, достает небольшой пакетик и бросает мне.

– Что это?

– Мелочь, – отвечает он с улыбкой. – На экстренные расходы.

Я швыряю пакетик обратно.

– У меня есть.

Саймон исправно пополняет мой банковский счет, но деньги я трачу только на еду.

– Точно?

– Абсолютно.

– Спасибо, детка.

– Не за что, – мне удается выговорить это без страстного придыхания.

Никто и никогда не называл меня «деткой», и я буквально таю, когда слышу, как естественно звучит это слово в устах Эсбена.

Он возвращается к компьютеру и продолжает лихорадочно стучать по

клавишам, одновременно объясняя:

– Я сейчас повешу объявление. Мы соберем кучу гостей, которые понимают, что Кэсси заслуживает лучший праздник на свете. Пусть девочка узнает, сколько людей ее поддерживают.

Его лицо полно решимости, пока он пишет пост, и я просто зачарована.

– Вот. Готово. – Эсбен встает. – Так, всё, двигаемся. Время идет.

Дэнни встает и нависает над нами.

– Из меня получится принцесса круче, чем из тебя, Джей.

– Посмотрим. Раз пошла такая пьянка, лично я намерен оторваться по полной.

Эсбен шутливо пихает обоих и направляет к двери.

– Давайте, давайте, парни.

Спор о принцессах, под аккомпанемент гармоника, продолжается в коридоре.

Керри быстро обнимает брата и берет ключи от машины.

– Я тебя обожаю, Синий мальчик. Мы быстро, обещаю.

Она подходит к двери и откашливается.

– Я вам дам минутку. Извините, что помешала.

Эсбен берет меня за руку и притягивает к себе.

– Я останусь здесь и буду следить за комментариями. Посмотрю, что мы еще можем сделать. Наверняка каждый придумает что-нибудь особенное. Еще я позвоню в батутный центр и скажу, чтоб готовились. Может, они откроют для нас еще несколько залов.

Он как будто заряжен энергией. Прилив адреналина его буквально воспламенил.

Я касаюсь рукой щеки Эсбена и невольно качаю головой.

– Ты супергерой. Да?

Он смеется:

– Да ну. Просто не хочу, чтобы девочка расстроилась. По крайней мере, не сегодня.

В следующие пять часов я влюбляюсь в Эсбена так же сильно, как он в меня. Он устраивает настоящий праздник. В батутном центре открывают все залы, и в них потоком стремятся люди. На парковке густая толпа, как на стадионе. Столько шариков, транспарантов, нарядных платьев, корон и подарков, что в глазах рябит.

А главное, я вижу неподдельно счастливую маленькую девочку, которая получила лучший праздник на свете. Она в полном восторге, а ее мать от благодарности практически утратила дар речи.

Когда вечеринка завершается, я нахожу Эсбена. Он стягивает с себя светло-голубое платье с пышной тюлевой юбкой. Я беру его за руку.

– Ты чудо, ты знаешь это? – спрашиваю я. – Когда я была маленькой, то не отказалась бы от такого друга, как ты.

Он смотрит на меня – внимательно и нежно.

– Я бы свернул горы ради тебя, Элисон.

– Верю.

Я шагаю к двери и тут же поворачиваюсь.

– Эсбен. Никаких больше игр. Хватит осторожничать. Я с тобой во всем. Наверное, волшебство случилось в ту минуту, когда ты помог мне собрать лед. Просто тогда я этого не поняла.

Глава 18

Сокруши меня

Сегодня среда, и я собираюсь на выставку Керри. На прошлой неделе был День благодарения, и Эсбен с сестрой подвезли меня до дома. Хотя я знаю, что Эсбену хочется познакомиться с Саймоном, и Саймон тоже не прочь, я еще к этому не готова. Мысль о том, что мои два мира могут смешаться, показалась тогда слишком странной, и сейчас я немного об этом жалею. А вот, например, на зимних каникулах... Я жду не дождусь, когда Стеффи приедет на Рождество (она делает это каждый год) и наконец познакомится с Эсбеном.

Эсбен сидит за столом в моей комнате и то просматривает свои страницы в соцсетях, то смотрит на меня. А я вожусь с прической и пытаюсь накрасить глаза, как учила Стеффи. Понятия не имею, что во мне такого интересного. Но Эсбен продолжает на меня коситься.

Когда я наконец заканчиваю, он поворачивается ко мне. Лицо у него озорное.

– Отлично выглядишь, – произносит он с характерными нотками, которые я так люблю.

– Спасибо.

– Твое платье... – Он разглядывает меня с головы до ног. – Очень сексуально.

Я хмурюсь.

– Ничего сексуального. Просто вечернее платье с длинными рукавами.

Эсбен протягивает руку и касается моей талии.

– Оно облегает тебя в нужных местах. Ты сама не знаешь, как ты красива.

Его рука, лежа на пояснице, направляет меня, пока я не оказываюсь у Эсбена на коленях. Он немедленно утыкается губами мне в шею, покрывает ее поцелуями, касается верхней части груди...

Я откидываю голову назад.

– Мне нужно носить платья более...

– Фиолетовые. Фиолетовый потрясающе тебе идет, – негромко мурлычет Эсбен. – У нас полчаса до выхода. Думаешь, мы найдем чем заняться?

Он слегка оттягивает ворот моего платья и касается губами кожи над

линией декольте.

Эсбен не шутил, когда сказал, что есть целый спектр. Я еще даже не снимала с себя одежду, но каким-то образом в последние несколько недель Эсбен находил чем заняться. А учитывая то, какие ощущения приносит его язык и как он время от времени посасывает мою кожу, мне хочется сорвать платье прямо сейчас.

– Я знаю, что мы будем делать, – говорю я.

Эсбен перемещается к моему рту, но, прежде чем поцеловаться, я останавливаю его улыбкой.

– Я хочу завести себе Фейсбук, Инстаграм, Твиттер и так далее.

Он смеется:

– Правда?

Я киваю:

– Да. Я готова. Мне кажется, это будет прикольно.

– О да. Мы можем посылать друг другу непристойные твиты и сводить наших подписчиков с ума.

– Тогда я точно хочу это сделать. Ты мне поможешь?

– Прямо сейчас? – спрашивает он и обводит линию моего декольте.

– Да. И после выставки я тебя отблагодарю.

Сегодня вечером я вполне готова снять платье.

– Договорились!

Я чуть не падаю с его колен, потому что Эсбен стремительно поворачивается к экрану.

Я сижу на кровати, пока он лазает по сайтам и задает мне вопросы. Я и не сознавала, что для этого нужно так много усилий, что это не только пароль и картинка в профиле. Эсбен знает всё про настройки приватности и параметры блога. Он коротко вводит меня в курс дела, объясняя, как работают социальные сети, потом берет мой телефон, загружает приложение и набирает логин.

Кажется, я его неплохо мотивировала.

– Вот. И я твой первый подписчик в Твиттере, – весело сообщает Эсбен. – Поскольку у тебя нет на телефоне фотографий, надо сделать хоть одну. Сядь и оставайся такой же сексуальной.

Я краснею, но все-таки смотрю в объектив.

– Хотя ты единственный известный мне человек, который не делает миллиона селфи, я польщен, что ты сохранила скриншот моей эсэмэски.

Прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, слышится несколько щелчков, а потом Эсбен откладывает телефон.

– Господи, как ты прекрасна.

– Эсбен...

– Да. Смотри. – Он забирается на постель и показывает мне фотографию.

– Ты ее отфотошопил.

Он качает головой:

– Нет. Так, теперь давай-ка обзаведемся подписчиками.

– Да, наверное...

Эсбен начинает что-то набирать, и через минуту я слышу звонок мобильного. Пришло нечто вроде оповещения.

– Меня упомянули в Сети. – Я устремляю на Эсбена нарочито недоумевающий взгляд. – И кто бы это мог быть?..

Я нажимаю на экран и оказываюсь на своей новой странице.

Вы все помните #элисон, да? Позвольте еще раз представить ее. Это #моядевушкаэлисон. Она новичок в Твиттере, так что, надеюсь, вы окажете ей теплый прием. А еще кофе. Она любит кофе.

Я ошалело наблюдаю, как люди лайкают пост и делятся им – снова и снова. Всего несколько секунд – и число моих подписчиков заметно вырастает. От одного-единственного твита. Моргая, я смотрю на экран, но тут Эсбен вытаскивает меня за дверь.

– Нам пора, – со смехом говорит он.

– Почему все эти люди на меня подписываются? Я же ничего такого не сделала.

Он пожимает плечами и застегивает на мне куртку, пока я продолжаю смотреть на экран.

– Это всё моя слава, детка.

Эсбен ведет меня по кампусу, к художественной галерее, держа под руку, потому что я не в силах оторваться от телефона.

– Триста подписчиков в Твиттере. За десять минут! – Я касаюсь экрана. – И... куча запросов на добавление в друзья в Фейсбуке! И картинки с кофе... что делать? Я должна как-то отреагировать? Написать пост?

– Господи, какая ты прелесть. – Эсбен подхватывает меня, когда я спотыкаюсь о бордюр. – Сделай вечером несколько фоток. Я помогу тебе что-нибудь запостить, если захочешь.

Мы заходим в галерею, и я убираю телефон. Глупо, конечно, но от внезапного выхода в мир соцсетей у меня кружится голова.

Галерея прекрасна. Я и не знала, что она у нас есть. Конечно, если бы я в последние два года чаще выходила из комнаты или интересовалась чем-нибудь помимо лекций, я была бы в курсе. По изящной лестнице мы поднимаемся на первый этаж, залитый особым светом, который эффектно подчеркивает работы и в то же время создает очень романтическую, сексуальную атмосферу. Хотя я сомневаюсь, что так задумано. Это ощущение, наверно, связано с моим настроением...

– Вон она. – Эсбен указывает на Керри, которая с кем-то разговаривает. – Мне очень интересно. Я видел только одну ее работу, но Керри отличный художник. Здесь выставляются только студенты старших курсов. Это важно для итоговых семестровых оценок.

Он перехватывает взгляд сестры и машет. Она на высоких шпильках, в облегающем красном платье, которое подчеркивает фигуру и открывает большую часть груди. Волосы убраны назад. В таких туфлях я бы продержалась не больше двух секунд, но Керри шагает в них твердо и уверенно, направляясь к нам.

– Ты пришла! – Она протягивает руки и обнимает меня.

– Конечно! Поздравляю. Сегодня у тебя важный вечер, – говорю я, обнимая ее в ответ. – И ты потрясающе выглядишь.

Эсбен хмурится.

– Выглядишь ты полуголой.

Керри смеется и целует его в щеку.

– Это гиперопека, брат.

– У тебя нет шарфа или платка? – спрашивает Эсбен.

Я беру его под руку.

– Ей вовсе не нужно прикрываться.

– Пошли. Посмотрим, что вы скажете, – говорит Керри, жестом зовя нас за собой.

– Я думал, художники должны носить бесформенные блузы и широкие штаны, – бурчит Эсбен. – Почему передо мной модель, демонстрирующая нижнее белье?

Я смеюсь и шепотом говорю:

– Твоя сестра очаровательная девушка. Смирись.

Керри оглядывается.

– Слушайте, а Джейсон придет? Он вроде собирался.

Эсбен вновь хмурится.

– В каком смысле – «Джейсон придет»?

Она ускоряет шаг, крикнув через плечо:

– Ни в каком!

Эсбен останавливается.

– Да я убью его, если...

Я тащу Эсбена дальше.

– Ты ничего не сделаешь. Сегодня праздник Керри, и ты будешь вести себя прилично.

– Да. Но только сегодня. Завтра я его убью. – Он улыбается.

– Конечно.

Керри ведет нас по галерее, показывая не только свои работы, но и картины однокурсников. У нее много потрясающих вещей, в том числе серия черно-белых набросков, которые мне очень нравятся. Но наконец я подхожу к абстрактной картине, в которую просто влюбляюсь. Цвета живые, радостные, они словно кружатся в бешеной пляске. Я подхожу ближе, очарованная этой дикой красотой, и слышу, как цокают каблук Керри, которая становится рядом со мной.

– Нравится?

– Очень. Ты просто супер. Я не могу нарисовать даже человечка из палочек, а у тебя столько потрясающих картин.

– Спасибо! Приятно слышать.

Она наклоняется ко мне и продолжает:

– Серьезно, ты не знаешь, Джейсон придет?

Я ухмыляюсь:

– Так вы двое...

Керри пожимает плечами:

– Возможно. Пока не поняла. Мы здорово повеселились на той вечеринке в честь дня рождения, и он очень славный. Наверное, что-то такое между нами есть. Ты видела его в платье принцессы? И как он половину вечера катал Кэсси на плечах?

– Он совершенно искренне ее развлекал, да.

– Вот я его и пригласила. Я подумала – может быть... не знаю.

Она скрещивает руки на груди и прикусывает губу.

– Он не придет.

– Придет обязательно, – говорю я и разворачиваю Керри. – Он уже здесь.

Джейсон стоит вместе с Эсбеном возле замысловатой металлической скульптуры. Эсбен изо всех сил старается поддерживать разговор и не позволяет Джейсону ускользнуть. Бедный Джейсон окидывает взглядом зал, затем вновь смотрит на друга, но прямо сейчас Эсбен его не интересуется.

– Лучше иди и вмешайся, – предлагаю я. – Если ты не примешь меры,

твой брат будет говорить, пока не выбьется из сил и не упадет в обморок.

– Это было бы неплохо. Ну ладно. Я пойду.

Керри уверенно расправляет плечи. Но не двигается с места.

– Керри! Иди к нему! Будь у меня такое тело – и такое платье – я бы скакала по всей галерее. Иди к Джейсону.

Она трясет кистями, чтобы расслабиться.

– Ладно. Сейчас. Почему здесь не подают спиртное? Блин.

Лицо Джейсона немедленно озаряется, когда он видит Керри. Она приближается к нему, и я с удивлением понимаю, что Эсбен, видимо, не намерен оставлять их наедине. Поэтому я подхожу и намекаю, что проголодалась – не мог бы он проводить меня в соседнюю комнату к фуршету? Эсбен неохотно соглашается.

– Ты правда голодная? – спрашивает он.

– Как волк. И мне нравятся эти штучки... – отвечаю я и вооружаюсь парой миниатюрных щипчиков. – Эти... не знаю, как они называются. Так бы все и съела.

Я нагружаю неведомыми лакомствами свою тарелку, пока пирамида не начинает угрожающе крениться. Эсбен смеется.

– Ладно, ладно, я понял. Мы будем стоять здесь и есть бутерброды и оставим мою сестру в покое.

– О! Подожди. – Я ставлю тарелку на стол и достаю мобильник, одновременно сунув в рот тарталетку. – Я ведь должна делать фоточки, так? Разве не в этом фишка? Выкладывать фотографии еды.

Эсбен пытается сдержать смех.

– Ну... да, конечно. Если хочешь. В смысле... мы в прекрасной галерее, где можно сделать миллион отличных снимков, но если ты хочешь выложить фотку бутербродов, пожалуйста.

– Да. Ты прав. – Я опускаю телефон. – Давай я сфоткаю тебя. Ты на вид гораздо лучше бутербродов.

– Я невероятно польщен!

– Именно. Эти штучки с сыром бри потрясающе вкусные... – Я обвиваю шею Эсбена рукой и подхожу ближе. – Но ты еще вкуснее.

Я быстро целую его, а потом заставляю позировать как минимум для двадцати снимков.

Мы тратим какое-то безумное количество времени, делая селфи. Эсбен учит меня выкладывать фотографии и ставить тэги. Я посылаю несколько фоток Стеффи и с гордостью сообщаю, что лишилась социальной девственности.

Она отвечает почти немедленно.

Я надеялась, что ты потеряешь девственность несколько иначе. Но всё равно поздравляю.

Мы еще некоторое время бродим по галерее, и наконец я отвожу в сторонку Керри, чтобы узнать, как у нее дела с Джейсоном.

– Он пригласил меня на ужин! В итальянский ресторан! Это хороший знак. Правда, романтично?

– Несомненно.

– Эй, а где Эсбен? – спрашивает она.

– Не знаю.

Мы ищем его в одном зале, потом в другом. Затем Керри заглядывает в маленькую комнатку, в которую мы еще не заходили. Она мрачнеет.

– Блин.

– В чем дело? – спрашиваю я – и вижу Эсбена, который смотрит на какую-то картину.

Это огромный холст, который занимает как минимум четверть стены, но что на нем изображено, мне не видно. Керри медленно подходит к брату, я следую за ней, но решаю задержаться в дверях. Что-то здесь происходит, и я не понимаю что.

Эсбен поворачивается к сестре, и я вижу, какое у него унылое лицо. Очень грустное.

– Керри...

Она останавливается рядом с ним и смотрит на картину.

– Эту работу не выставляли в общем зале. Я не хотела, чтобы ты ее видел... Я думала, эта комната закрыта.

Явно взволнованный, он сует одну руку в карман, другой проводит по волосам и с растерянным видом качает головой. Затем поворачивается к сестре.

– Керри, – повторяет он. – Извини.

– Не надо. Пожалуйста, не надо.

С чувством, которое я могу назвать не иначе как глубочайшей нежностью, Эсбен обнимает сестру, прижимает ее к себе, гладит по спине.

– Прости меня. Правда.

Я пячусь, сообразив, что наблюдаю за чем-то очень интимным. Я возвращаюсь в основной зал, где продолжаю фотографировать и выкладывать некоторые снимки в Сеть. Мне даже удастся успешно поставить пару тегов. Я занимаюсь делом, но, разумеется, не забываю о том, что произошло. Никогда еще не видела Эсбена таким грустным. И это не огорчение из-за чьей-нибудь беды в Интернете. Это что-то личное.

В течение двадцати минут я развлекаюсь самостоятельно, а затем ощущаю руку Керри у себя на плече. Она спокойна, но серьезна.

– Эй...

– Всё хорошо? – Теперь я по-настоящему тревожусь за нее и Эсбена.

– Да. Но одна картина оказалась тут незапланированно. Надо было проверить. Я нарисовала ее для себя и не собиралась показывать Эсбену... – Керри проводит рукой по волосам и пытается улыбнуться. – Я бы очень хотела, чтобы он поговорил с тобой. Это, конечно, моя история, но я бы хотела, чтобы именно он тебе рассказал, потому что она во многом связана и с ним.

– Хорошо, но... если это глубоко личное, что-то касающееся вас двоих...

– Я хочу, чтобы ты знала. Тогда ты лучше поймешь Эсбена... Ты и мой друг, Элисон, и я хочу, чтобы ты всё знала. Но пусть лучше расскажет Эсбен. Ему это пойдет на пользу. Возможно, тебе понадобится его подтолкнуть, но для меня это важно. Договорились?

Я смущенно киваю и обнимаю ее. Керри прижимает меня к себе – очень сильно. Пусть даже она кажется спокойной. Я слышу, как она несколько раз глубоко и резко вздыхает.

– Всё хорошо, Элисон, правда, – говорит она мне на ухо. – Пожалуйста, знай это. И, пожалуйста, заставь Эсбена это понять. Заставь его поговорить с тобой. Обещай, что постарайся.

У меня что-то обрывается в животе. Здесь какая-то огромная проблема. Я отстраняюсь, чтобы внимательно взглянуть на Керри.

– Обещаю.

– Теперь я проведу остаток вечера с удовольствием, – говорит она и улыбается. – Красавчик Джейсон еще здесь?

Я указываю туда, где стоит Джейсон, смущенно расстегивая и застегивая на себе блейзер.

– Сомневаюсь, что он собирается в ближайшее время уходить.

– Господи, какой он клёвый.

– И высокий, – замечаю я.

– Да. Это так сексуально...

Керри хихикает и направляется к Джейсону. Сделав несколько шагов, она оборачивается и вновь серьезнеет.

– Элисон... спасибо.

Мое сердце сжимается, когда я иду к Эсбену. Он по-прежнему стоит перед картиной, и я останавливаюсь рядом с ним.

И у меня захватывает дух, когда я понимаю, что изображено на

картине. В отличие от других работ Керри, она буквально вопит, полная гнева. Резкие мазки словно разрывают холст, угловатые линии создают непреодолимую границу. Вся картина – воплощенная ярость. Я медленно перевожу взгляд на прикрепленную внизу табличку.

«Сокруши меня.
Художник: Керри Бейлор».

Эсбен не двигается. Дрожащим голосом, чуть слышно, он произносит:

– Может, пойдём?

– Конечно.

Но он продолжает стоять на месте. Я беру его за руку.

– Эсбен, посмотри на меня.

Очень медленно он поднимает глаза, полные печали. Невероятной печали.

– Я понимаю, – говорю я. – Всё понимаю. Пойдем.

Глава 19

Пережить

Мы незаметно выходим, и Эсбен молча шагает рядом со мной. Дует холодный ветер, и я застегиваю на нем куртку, потому что он, кажется, не замечает мороза. Когда мы возвращаемся ко мне, я усаживаю Эсбена на кушетку.

– Хочешь выпить?

Ссутулившись, он смотрит в пол.

– Нет.

– Ладно.

Эсбен сбрасывает куртку с плеч на пол.

– Вообще-то... да.

Я достаю то, что осталось после визита Стеффи. Эсбен отказывается от лайма и соли и пьет чистую текилу. Я сажусь рядом и жду. Он выпивает еще два стаканчика, горбится и трет ладонями лицо.

– Я поговорила с Керри, – негромко произношу я.

Он кивает, не отнимая рук от лица.

– Она хочет, чтобы ты рассказал мне, в чем дело.

– Не могу, – произносит Эсбен – твердо и уверенно. Он не шутит. – Я не хочу, чтобы ты это слышала, Элисон.

– Ты слышал все мои истории. Ты знаешь о моих проблемах. Так позволь мне узнать хоть что-то о тебе.

Невероятно, но лишь сегодня я догадалась, что прошлое Эсбена полно не только любви и радости. Лишь сегодня до меня дошло, что трудности бывают у всех. Даже Эсбен не исключение. Его безупречность и неуязвимый оптимизм ослепляют. Но уязвимы даже самые сильные люди.

– Я не хочу тебе об этом рассказывать, потому что сам виноват, понимаешь? Я страшно виноват. Непростительно. – Его голос обрывается, и меня скручивает в узел.

– Не верю.

– Но это правда.

Эсбен явно считает, что спорить тут не о чем. Как мне его переубедить?

– Я понимаю, что это адски сложно, но Керри очень хотела бы...

Возможно, лучше оставаться трезвыми, но я тем не менее беру текилу и отхлебываю прямо из горлышка.

– Она сказала, для нее это важно.

Эсбен молчит несколько минут, а потом тоже пьет и откидывается назад.

– Когда мы учились в старшей школе, как-то раз я привел ее на вечеринку к одному парню. Его родители уехали на выходные, и все ребята страшно обрадовались и решили устроить большую пьянку. Керри, в общем, не хотела туда идти, но я соврал родителям, что мы пойдем в кино, и убедил ее поехать со мной. Туда же собиралась девушка, с которой я встречался, Дженни. Я хотел повидаться с ней без старших. И вот мы пошли на вечеринку, и Керри не отходила от меня, потому что мало кого знала. А мне, в общем, было наплевать, что она моя сестра, которую я притащил в чужую пьяную компанию.

Он вздыхает.

– Я думал только о том, чтобы потискаться с Дженни. Поэтому я нашел парочку ребят постарше, которых почти не знал, и познакомил с ними Керри. Я думал, они пообщаются. Они были симпатичные, популярные и всё такое. И вроде бы понравились ей. Они болтали и смеялись... Керри даже сказала, что один из них очень милый. Я видел, как она флиртует. Она была веселая и явно радовалась. Поэтому я оставил ее с ними. Я, – уверенно заявляет Эсбен, – повел себя как тупой, бездушный эгоист. Совершенно безответственный. Мы с Дженни нашли пустую комнату, где могли повалять дурака. Я оставил Керри одну с людьми, которых едва знал. Среди моря выпивки и кучи пьяных идиотов, в чужом доме. Очень, блин, умно, да? Вместо того чтобы защитить сестру.

– Эсбен... – Я очень хочу обнять его, но тем не менее не двигаюсь с места.

У него уходят все силы на то, чтобы говорить, и я не должна мешать.

– Потом я решил поехать домой и пошел искать Керри. Я облазил весь дом, но ее нигде не было. Наконец я ее нашел – только потому, что услышал, как она плачет. Она заперлась в шкафу в одной из комнат. Когда я заглянул туда, она лежала на полу...

Эсбен смотрит на меня. Глаза у него красные, а слова, которые он буквально выдавливают из себя, полны боли.

– Она была в диком ужасе. Едва могла дышать от страха. Я помог ей встать. Представляешь? Она сама не могла. А потом... Когда мы вышли на свет, я увидел... увидел кровь. На светлых брюках. Это было не скрыть.

Он резко втягивает воздух и берет меня за руку.

– Господи, Элисон, я оставил Керри на полчаса, и оба эти урода ее изнасиловали. По очереди.

Эсбен крепче сжимает мою руку.

– Это... какое-то не то слово. Не знаю. По очереди. Мерзость какая... Они совсем о ней не думали. Как будто она ничего не значила. Как будто не была живым человеком, моей сестрой, самой доброй и доверчивой девушкой на свете. Один держал ее и зажимал ей рот, а другой...

Он не в силах договорить, и я его не виню.

– Господи.

«Керри. Только не Керри. Да и никому не пожелаю...»

– Хотя я был еще мальчишкой и толком не понял, в чем дело, я сообразил, что случилась беда. Впрочем, вряд ли я знал достаточно, чтобы прямо назвать это изнасилованием. Блин, ну и дурак я был. Я просто испугался и... и хотел, чтобы всё было как раньше. Поэтому, наверное, в какой-то мере я стал отрицать очевидное. Чтобы этого как бы не было.

– Разумеется.

– Хотя мне хотелось до смерти избить тех парней. Но нужно было сначала увезти оттуда Керри. Немедленно. Я донес ее до машины на руках. Наверное, все подумали, что я просто везу домой пьяную до бесчувствия сестру... Я собирался отвезти ее в больницу, в полицию, куда-нибудь. Но Керри мне не позволила. При мысли об этом она начинала неудержимо плакать – и взяла с меня слово, что я никому не скажу. Ни родителям, ни копам, никому. Я согласился, и это было единственное, что помогло Керри не сойти с ума. Поэтому я оставил машину в миле от дома, и мы оба сидели там, пока родители не легли спать – тогда мы вернулись домой незамеченными. Керри приняла душ, а я выбросил ее одежду на помойку.

Он трет глаза.

– Всю ночь я сидел у ее постели. Хотя сомневаюсь, что она спала. На следующей неделе один из тех парней из-за меня попал в больницу со сломанной скулой. Меня временно исключили. Хорошо еще, что его родители не стали подавать в суд. Первый и единственный раз я затеял драку. Другой парень после этого держался подальше от Керри и от меня. Мы не обсуждали то, что произошло. Больше года вообще об этом не говорили. Мы были еще совсем молодые, и я не догадался сразу же отвезти ее в больницу. Но я так испугался. Я не знал, что делать. Господи, Элисон, я не знал, что делать, поэтому страшно навредил Керри.

На его лице я вижу такую боль и отчаяние, что больше всего мне хочется ему помочь. Подарить Эсбену покой. Но я знаю, что не могу этого сделать. Ничего не могу исправить. Могу только быть рядом.

– Тебе было... сколько? Шестнадцать? Почти ребенок. Конечно, ты не знал, что делать. Ты, разумеется, был ошеломлен и напуган. Вряд ли каждый сразу сообразит, что делать в подобной ситуации. Вы оба пережили большое несчастье...

– Но я мог бы и не подводить Керри, – настойчиво произносит Эсбен, сделав большой глоток. – Я люблю ее. Она же моя сестра. Пока я впервые в жизни тискался с девчонкой, ее насильовали в соседней комнате...

Эти слова – прямые и правдивые – тяжело слышать.

– Эсбен, ты же не знал. Ты не оставил бы ее одну, если бы понял, что это опасно. Но вокруг было полно народу. А ты просто не сообразил. Я знаю, как много она для тебя значит. Знаю, что для нее ты готов свернуть горы. Ты не виноват.

– Но я привез Керри на эту вечеринку! Привез на вечеринку! Если бы я не... – Эсбен дрожит всем телом. – Это нельзя отрицать. Если бы я не уговорил Керри поехать со мной... но я же не знал! Элисон, я не знал, что так будет! Я бы ни за что...

– Ты бы не позволил тем парням тронуть ее. Они сделали это, потому что чувствовали себя вправе. Они хотели власти над другим человеком. Хотели почувствовать себя мужчинами, пускай в извращенном смысле. Они... ну, я не знаю. Они уже были не вполне нормальны. Не ты сделал их насильниками. И не Керри. Она просто попала им на пути.

Эсбен тянет меня за руку, и я придвигаюсь к нему. У него такой вид, как будто я помогаю ему не сорваться окончательно, и я прекрасно понимаю, насколько Эсбен в этот момент полагается на меня. Такого в моей жизни тоже раньше не было. Никто и никогда не нуждался во мне настолько. Но я буду сильной – ради Эсбена.

– Ты не виноват, – повторяю я, на сей раз увереннее. – Виноваты те двое пьяных парней. Больше никто. Керри хотела, чтобы ты кое-что понял. Она сказала, что у нее всё хорошо. Она это подчеркнула. Мне кажется, ты ей не веришь. Но Керри очень просит тебя поверить, что после случившегося она оправилась. Она должна знать, что ты в этом убедился – и что ты ей доверяешь.

– Да... – говорит Эсбен шепотом, как ребенок.

Он такой невинный, такой хрупкий – и так зависит от моих слов.

– Здесь, в колледже, она нашла отличного консультанта. Его зовут Скотт. Он настоящий профи. Я сам ходил с ней. Скотт нам очень помог.

– Прекрасно.

– Керри проделала большую работу.

– И это хорошо. И у нее есть любящий брат.

Я глажу руку Эбена. Он кивает:

– Да.

До меня доходит, что он тоже получил травму. Обычно мы беспокоимся о тех, кто непосредственно пережил катастрофу – конечно, так и должно быть – но не всегда вспоминаем о косвенных жертвах. Теперь мне ясно, что нельзя об этом забывать.

Мой телефон переполняют сообщения, на которые я не обращала внимания. Но теперь Эсбен слегка подталкивает меня и даже улыбается.

– Проверь, что там.

Всё это эсэмэски от Керри.

«Он с тобой? Как он там? Он, наверное, всё уже тебе рассказал?»

Я хочу, чтобы он знал, что я счастлива. Правда.

О лучшем брате нельзя и мечтать. Честно. Он – мой мир. Скажи ему это, ладно?»

Элисон, ты где? Пожалуйста, ответь. Я волнуюсь. Я не хочу, чтобы Эсбен снова стал винить себя. То, что случилось, всегда будет частью моей жизни, но не главной. Никаких преград это передо мной не ставит. И не поставит.

Покажи ему мои сообщения.

А картина? Да, она жестокая. Но с ее помощью я выразила то, что произошло. Она придает мне сил. Это позитивная картина. Я нашла способ изгнать из памяти тот вечер.

Я не выдержу, если он и дальше будет за это цепляться».

Я передаю телефон Эсбену:

– Читай.

Он неохотно просматривает сообщения. Потом что-то пишет на собственном телефоне и бросает его на кушетку.

– Я не хотел, чтобы ты видела меня таким. Прости. Мне лучше уйти. Я устал.

– Нет, – говорю я. – Не уходи. Остайся здесь.

Его улыбка полна нежности и в то же время – беспредельной эмоциональной и физической усталости.

– Ты сказала, что однажды...

Я кладу руку ему на грудь.

– Нет, не так. Просто остайся. Остайся со мной. Я не хочу, чтобы ты сегодня был один. И я тоже не хочу быть одна. Поэтому остайся.

Эсбен долго смотрит на меня, и его глаза снова увлажняются.

– Я бы... – Он с трудом подбирает слова. – Я бы очень этого хотел.

– Тогда давай спать, ладно?

Не дожидаясь ответа, я откладываю телефон и помогаю Эсбену добраться до спальни. Он уныло садится на кровать, и я снимаю с него ботинки и носки. Потом откидываю одеяло и расстегиваю на Эсбене джинсы. Пускай я не так представляла себе тот первый раз, когда я его раздену, но не может же он спать в одежде. Я выключаю свет. В комнате темно, но не совсем, и я знаю, что Эсбен видит, как я снимаю платье и надеваю футболку.

– Ты такая красивая, – говорит он.

– По-моему, ты пьян, – со смехом отвечаю я, ныряю под одеяло и кладу голову на подушку.

Эсбен подкатывается ближе, и я подсовываю под него руку, чтобы он лежал на боку, опустив голову мне на грудь.

– Да. Но текила не заставляет меня врать. Она позволяет говорить правду. Ты прекрасна. Во всём.

Он обвивает мое тело рукой, так что мы вплотную прижимаемся друг к другу.

– Мне больно, что я так расклеился. Что Керри пострадала. Нестерпимо обо всем этом думать.

– Знаю. Но секреты тащат человека под воду и топят. Ты сам меня этому научил. Мы оба прошли фазу секретов. Давно прошли. Тебе необязательно быть непогрешимым, Эсбен. Ты имеешь право страдать, беспокоиться, чувствовать боль... как все живые люди. И делиться со мной. В моих глазах ты становишься только сильнее. Вот каково мое мнение.

Я пытаюсь утешить его словами и прикосновениями. Когда я провожу рукой по плечу Эсбена, вверх и вниз, то чувствую, как он расслабляется. Поэтому я не прекращаю.

Он действительно пьян, так как, начиная проваливаться в сон, говорит:

– Я люблю тебя, Элисон. Были времена, когда я не искал тебя, не знал, что ты мне нужна. Но я влюбился быстро и бесповоротно. Без всяких сомнений... – Он прижимается ко мне еще теснее. – Ничего не говори. Я просто хочу, чтоб ты знала.

Эсбен немедленно засыпает, а я лежу в тишине, приклеившись к нему. Я ошеломлена тем, что услышала. Если бы он бодрствовал, я бы не знала, что делать – но теперь я прижимаю его к себе и упиваюсь присутствием этого невероятного человека, который обнимает меня.

Убедившись, что Эсбен крепко спит, я тянусь за телефоном и звоню

Керри.

– Привет, – говорит она.

– Привет, – шепотом отвечаю я.

– Он в порядке?

– Эсбен спит. Всё будет хорошо. Сегодня был сложный вечер. Это потому, что он тебя любит. Но он понимает, что тебе нужно.

– Спасибо. Правда, мне очень полегчало.

– Спасибо за доверие... – Я ненадолго замолкаю. – Не то слово, как я сожалею. Даже не знаю, что сказать, кроме как повторить, что ты мне дорога. У меня мало друзей, но ты – моя подруга, Керри, и я горжусь, что ты пережила это и не сломалась. Если однажды захочешь поговорить...

– Захочу, Элисон. Я не делаю из этого тайны, хотя и не обсуждаю с кем попало, разумеется. Но ты такая классная, и я очень благодарна тебе, что ты не испугалась. Сегодня я взвалила на тебя тяжелую ношу, причем внезапно, но ты справилась...

Она шумно вздыхает.

– Теперь ты понимаешь, почему Эсбен такой?

– Да, – отвечаю я с болью. – Он хочет компенсировать то, что, по его мнению, натворил. Хочет доказать, что хороших людей больше, чем плохих. Что в мире есть добро.

– Именно, – подтверждает Керри. – Он настоящий боец.

– Да. И он победит.

Я провожу рукой по волосам Эсбена, который спит, уткнувшись в меня.

– Конечно. Но все-таки позаботься о нем, ладно? Он никого так близко не подпускает. Вот почему я хотела, чтобы он рассказал тебе. Ему сейчас гораздо больше нужна помощь, чем мне. Так что присмотри за ним.

– Конечно, – уверяю я. – Я его никогда не покину.

Глава 20

Утренний мокко

Когда я просыпаюсь на следующее утро, Эсбен всё еще спит, свернувшись рядом со мной. Невзирая на обстоятельства, приведшие его в мою постель, я невольно признаю, что это очень приятно. Осторожно, чтобы не разбудить, я глажу Эсбена по спине. Просто не верится, что этот красивый, энергичный, интересный, остроумный и нежный парень сейчас в моих объятиях. Три месяца назад я и представить не могла такое счастье.

Будильник зазвонит еще не скоро, но я не в силах заснуть. Мне совершенно не хочется распутывать наши руки и ноги, но природа зовет. А главное, я жажду кофе. Саймон отвез меня в колледж после праздников с целым фунтом «утреннего мокко», и теперь я мечтаю выпить чашечку. А после того количества текилы, которое поглотил Эсбен, он скорее всего будет нуждаться в кофе еще сильнее, чем я. Хотя мне жаль, что Эсбен, вероятно, проснется с похмельем, я, в общем, ценю возможность позаботиться о нем. В этом есть некая новизна, которая придает мне сил. Я бережно касаюсь губами макушки Эсбена, а затем высвобождаюсь из его объятий. Набросив халат, я на цыпочках выхожу из спальни и тихонько прикрываю дверь.

Пока крепкий кофе варится, распространяя пар и необыкновенный аромат, я проверяю входящие.

Посреди ночи мне, оказывается, писала Стеффи.

«Йохохо, новый юзер. Отличные картинки. Ты красивая, а Эсбен с каждой минутой все сексуальнее. Не, я ничего такого не имею в виду. Ну, почти».

Улыбнувшись, я начинаю набирать ответное сообщение, но тут телефон звонит у меня в руках.

– Стеффи, ты встала?! Сейчас по вашему времени полчетвертого утра!

– Сама не знаю. Не могу заснуть. Увидела, что ты пишешь, и решила позвонить. Ну, как там эротичный Эсбен?

– Стеффи! – Я зажимаю рот ладонью, чтобы заглушить хихиканье. – Не надо его так называть!

Она ахает:

– Ты шепчешь! Шепчешь! Он у тебя, да? Голый, весь такой прекрасный, вырубившийся после целой ночи жаркого секса!

Моя подруга полна безмерного энтузиазма.

– Он не голый! – говорю я, заходя в соседнюю комнату, где живут посылки и надувной единорог, и по-прежнему не повышая голос. – Но он здесь, да.

– Он у тебя ночевал?

– Да, но это не то, что ты думаешь. Мы спали в одной постели... и всё.

– Фу... то есть в одежде?

– Ну да.

– Какое разочарование, – говорит Стеффи с тоской. – Но, по крайней мере, хоть какой-то прогресс.

– Ну, извини, дорогуша, что разочаровала тебя.

– Ты только что сказала «дорогуша»?

– Кажется, да. Сама не знаю, почему.

– Какая прелесть. Теперь я тоже буду говорить «дорогуша». Звучит так изящно и капельку старомодно. Незачем забрасывать чепец за мельницу, юная леди! Плющ и пудинг! Боже, храни королеву!

– «Боже, храни королеву»? Ты серьезно?

– По-моему, это отличная замена для ругательств. Я буду всё время так говорить, учти.

– Прекрати, иначе я рассмеюсь и разбужу эротичного Эсбена!

– Ну, сейчас же утро, поэтому лучше назовем его эрек...

– Хватит!!

Очень трудно полностью подавить смех, поэтому пусть она лучше заткнется.

– Слушай, надо решить с планами на Рождество. Саймон спрашивает, какие даты тебя устроят.

С тех самых пор как я поселилась у Саймона, на праздники он приглашает Стеффи к нам или привозит меня к ней. Даже когда она жила у Джоан и Кэла – приемных родителей, которые буквально выставили ее за дверь, как только Стеффи исполнилось восемнадцать – Саймон проводил час за рулем, чтобы мы могли увидеться на Рождество. Последние несколько лет она на две недели прилетала к нам в Бостон, и мы вместе проводили Рождество и Новый год.

– Ох... слушай, тут одно дело, – говорит Стеффи, посерьезнев.

– Что? Что случилось? Что-то мне не нравится твой тон.

– Только, пожалуйста, не сердись, но... я еду в круиз, – взволнованно произносит она.

– Едешь – куда? Ты вообще о чем?

– Понимаешь, тут мои знакомые решили отправиться в трехнедельный круиз, и одна из девушек в процессе передумала. Она продала мне свой билет почти задаром, и я просто не могу отказаться. Я поеду на Гавайи! И... и... в другие места! Не знаю, какие у них планы, но... это же круиз! А главное, я влюбилась в одного из ребят, которые едут. Когда я на него смотрю, то буквально горю...

Я чего-то не понимаю.

– Значит, ты вообще не приедешь в Бостон?

– Не грусти. Ты же всё равно не любишь Рождество. А если бы ты видела этого парня, то, наверно, бросила бы Эсбена и тоже поехала с ним в круиз.

– Ладно, как хочешь.

Стеффи некоторое время молчит.

– Я обязательно к тебе приеду.

– Весной, например?

– Конечно! И летом. Хорошо?

– Да. Развлекись там как следует. И пришли мне побольше фоток. Особенно этого твоего красавчика.

– Договорились!

Я рада за Стеффи, честное слово, но всё равно слегка расстроена из-за того, что мы не проведем каникулы вместе.

– Я попрошу Саймона переслать тебе твои подарки.

– Нет-нет, не нужно мне ничего посылать.

– Конечно, нужно. Он обожает тебя радовать.

– Серьезно, он не обязан это делать.

Я смеюсь:

– Если ты думаешь, что Саймон не пришлет тебе гору гостинцев, значит, ты его за кого-то не того принимаешь.

– Ха! Да, ты права.

– Я буду по тебе скучать, – говорю я. – Поешь там и выпей как следует за меня.

– И я тоже буду страшно по тебе скучать, когда отправлюсь разграблять бар. Ну, расскажи, как у тебя дела с Эсбеном.

Я ложусь на диван и улыбаюсь.

– Хорошо, Стеффи. Реально, очень хорошо.

– Да? Давай, колись. Мы целую неделю не общались, и я хочу подробностей.

Я изливаю душу двадцать минут, пока ее зевок не дает понять, что

Стеффи устала.

– Лучше ложись, подружка. Ты, кажется, совсем вымоталась.

– Пожалуй. Слушай, Элисон. Я страшно рада за тебя. Этот шикарный парень – твой по праву. И, ей-богу, дорогуша, ему тоже повезло.

– Спасибо, Стеффи, – отвечаю я, облегченно вздохнув. – Я так по тебе скучаю, даже с твоими новыми идиотскими словечками. Каждый день скучаю. Давай, по крайней мере, чаще созваниваться, ладно? Раньше мы разговаривали каждый день, а теперь максимум раз в неделю.

– Да, ты права. У нас, конечно, куча дел, но это же не значит, что мы отделились друг от друга.

– Да. Просто... я никогда... раньше у меня не было Эсбена. Но знай: я по-прежнему твоя подруга.

– Ты моя лучшая подружка навсегда, – говорит Стеффи. – Я ни на минуту об этом не забываю.

Отложив телефон, я наконец наливаю себе кофе и заглядываю в комнату. Господи, спящий Эсбен еще больше похож на падшего ангела.

Я смотрю на часы и звоню Саймону.

– Доброе утро, детка, – говорит он – воплощенная бодрость. – Наслаждаешься кофе, который я тебе оставил?

Я громко отхлебываю из кружки.

– О да.

– Слышу. И это прекрасно. Ну, как дела?

Я рассказываю про круиз Стеффи.

– Понимаю. Что ж, Стеффи никогда не упускала возможностей, поэтому давай порадуемся, что у нее будет такое отличное приключение. Конечно, непривычно проводить праздники без нее, но мы как-нибудь справимся.

Я откашливаюсь.

– Я подумала, что в этом году мы могли бы... ну... отметить Рождество как следует.

Саймон замолкает, и я понимаю, что он старается не выказывать чересчур большую радость.

– Правда?

– Ну да. Например, поставить елку и повесить носки.

– Гирлянды? Венки? Девяносто сортов рождественского печенья?

При мысли об этом я ощущаю трепет, но пора уже избавиться от праздничной фобии. Я уже не ребенок, который всего боится. Точка.

– По-моему, отличная идея.

– Мне тоже так кажется.

Я уверена, что Саймон сейчас скачет по комнате, и ценю его усилия сохранять внешнее спокойствие даже перед лицом этих волнующих новостей.

– А как там юный Эсбен? – спрашивает он.

– Хорошо... – Я делаю паузу. – Но у него был тяжелый вечер. Он немного загрустил.

Я провожу пальцем по краю кружки.

– Не сомневаюсь, он счастлив, что есть девушка, которая может его поддержать.

– Надеюсь, что так. Я не привыкла видеть Эсбена печальным, – отвечаю я, теребя поясок халата. – Я так его люблю...

– Знаю. И, судя по тому, что ты мне говорила, он, очевидно, любит тебя не меньше. Элисон, если человеку иногда бывает грустно – это нормально. Даже если обычно он полон бодрости, у него тоже может случиться приступ уныния. Если, конечно, он живой человек.

– Ты прав, – говорю я, выпуская поясок. – Спасибо.

– Передай ему, что мне понравился последний ролик. С рисунками.

Эсбен провел день в переполненных бостонских магазинах, протягивая посетителям альбом и прося нарисовать то, что доставляет им радость, ну или хотя бы написать словами. Ролик, в котором люди держат листки с картинками и надписями – очередное его прекрасное произведение, с музыкой, десятками улыбок, а иногда со слезами на глазах. Как ни странно, мало кто нарисовал что-то материальное, хотя и находился в средоточии хаоса и жадности.

– Это было здорово.

– Я есть в Твиттере, кстати, – застенчиво говорит Саймон. – Я просто не знал, подписываться на тебя или нет.

Я смеюсь:

– Но, я так понимаю, ты подписался на Эсбена? Ну конечно, подпишись и на меня. Ты же мой папа.

Наступает долгая тишина. Кажется, мы оба слегка испугались. Хотя я могу назвать Саймона своим приемным отцом, когда говорю о нем с другими людьми, я никогда напрямую не называла его «папа».

– Да, – наконец негромко отвечает он. – Я твой папа. И я подпишусь на тебя, как только мы договорим. И обязательно буду слать тебе напоминания – «чаще звони, ешь побольше овощей, не ложись поздно».

– Эсбен научил меня банить, – сообщаю я, хихикая, – так что лучше не зарывайся.

– Я буду паинькой! Я буду паинькой!

– Ладно. Увидимся в сети. Пока, Саймон.

– Пока, детка.

Я проверяю Твиттер – и всего через две минуты Саймон подписывается на меня. Я отвечаю тем же, а затем читаю, о чем он пишет. Садоводство, готовка, куча твитов про разные реалити-шоу... а потом вижу один пост на прошлой неделе и замираю. Саймон перепостил у себя ролик Эсбена – и ответил на него собственным коротким видео. Я нажимаю «просмотр». Саймон, в строгой рубашке с галстуком, сидит за кухонным столом.

– Привет всем, – взволнованно говорит он. – Меня зовут Саймон. И... вот что доставляет мне радость.

Он берет лист бумаги и держит его перед камерой. Там написано «Элисон».

– Моя дочь Элисон. Я долго ждал ее, но оно того стоило. Она... – говорит он и сглатывает. – Она озаряет мою жизнь светом.

Саймон откладывает листок и выключает камеру.

Я нацеливаюсь пальцем на изображение сердечка под видео. Уходит несколько секунд – но все-таки я на него нажимаю. А потом выкладываю ролик Саймона у себя, под заголовком: «У меня потрясающий отец».

Я пишу Саймону: «Ничего, если мы пригласим Эсбена на ужин во время каникул?»

Никогда еще он не отвечал так быстро: «В любой день. Хоть каждый день».

«Ну, каждый день – это слишком».

«Я очень хороший повар, – замечает Саймон. – Может, ему не захочется уходить».

Я смеюсь. Саймон прав.

Из спальни доносится хриплый утренний голос Эсбена:

– Где моя подушка? Где моя одежда? Почему я один в этой постели? Я правда чую запах кофе? У меня трещит голова, потому что я перепил, или кто-то дал мне по башке, потому что во сне я позволил себе лишнее?

И это еще очаровательнее, чем его обычный бодрый тон. Я захожу в спальню и влезая на постель.

– Я так понимаю, ты не хочешь, чтобы я прыгала на матрасе?

Он стонет:

– Нет, пожалуйста, не надо!

И осторожно поднимает голову.

– Хотя... если ты будешь прыгать, я смогу заглянуть тебе под халат...

Я сажусь.

– Если это случится, мы пропустим целый этап.

Он притягивает меня к себе и обнимает.

– Давай не будем спешить.

Я не двигаюсь с места, наслаждаясь жаром, который исходит от его тела, и тем, как Эсбен держит меня в объятиях – крепко и в то же время очень нежно.

– Хочешь кофе? – спрашиваю я.

– Сейчас. Давай немножко так посидим.

Он откидывает одеяло.

– Не волнуйся. Я съел штук сорок мятных конфет, которые нашел в кармане, потому что зубной щетки у меня с собой нет.

– Спасибо, что подумал об этом.

Глупо сидеть в халате, после того как Эсбен видел меня в ночнушке. Поэтому я снимаю халат и залезаю под одеяло, а Эсбен подкатывается ко мне и ложится вплотную.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я.

– Местами паршиво, но всё будет в порядке. – Эсбен проводит рукой по моим волосам, и некоторое время мы молча лежим вместе. – Особенно с твоей помощью.

Хотя тяжело видеть Эсбена таким расстроенным, я понимаю, что наши отношения стали более сбалансированными, поскольку я тоже кое-что для него сделала. С первого дня нашего знакомства именно я требовала помощи и поддержки. Теперь я знаю, что и он может опереться на меня. Я сильнее, чем думала.

Потом я приношу ему кофе. И еще. И жду, пока Эсбен не проснется настолько, чтобы поговорить.

– Эсбен?

– Что, любимая?

– То, что было с Керри... из-за этого ты ни с кем не занимался сексом. И из-за этого так осторожен со мной.

– Отчасти да. Слушай, я знаю: то, что случилось с Керри – это изнасилование, а не секс. Две очень разные вещи. Совершенно разные.

Эсбен пьет кофе и задумывается.

– Пускай мне дико хочется заняться с тобой сексом, я буду радоваться всему, что мы делаем вместе. Девушки часто ощущают давление и начинают торопить события, потому что думают, что иначе парень уйдет. Но я не из таких.

Эсбен отставляет кружку и обнимает меня.

– Я знаю. Правда, знаю. Ты добрый, и мне всегда было с тобой уютно.

А случай с Керри... это ужасно, Эсбен. Ужасно. Но, как ты сам сказал, то, что произошло с ней, и то, что происходит с нами, – это две совершенно разные вещи. И я кое о чем тебя попрошу. Прямо. Я хочу... немножко больше.

Я поворачиваюсь к Эсбену, беру его за руку и направляю ее себе под футболку, поперек живота. От этого прикосновения по моему телу рассыпаются искры.

Эсбен целует меня в плечо и, улыбнувшись, спрашивает:

– Но тебе ведь приятно?

Я поднимаю его руку чуть выше.

– Да.

Мне так хорошо, что я опрокидываю Эсбена на постель и провожу рукой по его груди.

– Сними рубашку.

– Правда? – неуверенно спрашивает он.

Я лезу ему под одежду, так учащенно дыша, что мне приходится замолчать.

– Только до пояса, – кое-как выговариваю я. – Чтобы ничто нас не разделяло.

Эсбен немедленно перекачивает меня на спину и осторожно касается моей кожи.

– Да, – произносит он страстно и многообещающе. – Да.

Я тяну его за рубашку. Сильно.

– Сними ее. Я хочу тебя видеть.

И он обнажается. Потом я стягиваю футболку.

Прижимаясь обнаженной грудью ко мне и продолжая исследовать губами мое тело, Эсбен шепчет:

– Элисон, ты чудо, ты это знаешь? Всё в тебе прекрасно.

Я кладу его руку поверх своего лифчика, и, прежде чем Эсбен успевает что-то сказать, киваю:

– Да. Знаю.

Хотя мы оба активно движемся вверх по спектру, но все-таки умудряемся не прогулять лекцию. Каким-то чудом.

Глава 21

Рождественское чудо

После нескольких часов в машине и долгой беготни по разным делам очень приятно свернуться клубочком на кушетке у Саймона. У себя. Надо говорить именно так, ведь это и мой дом. Мы с Эсбеном и Керри тащились до Бостона целую вечность, потому что шел снег и на дорогах царил хаос. Саймон писал мне каждые пятнадцать минут, чтобы убедиться, что я еще жива, но я понимаю, что он просто волновался. Саймон знает, что у Эсбена не очень новая машина и в ней нет всех тех средств безопасности, которые мой приемный отец считает необходимыми. Пусть даже мы ехали очень долго, нам было весело – и мне не терпелось увидеть Саймона.

Сегодня мы отправились в магазин и доверху набили две тележки, поскольку Саймон планирует готовить изысканные блюда и много печь. Он пообещал научить меня базовым вещам, и я надеюсь, что сумею рано или поздно приготовить нечто съедобное. Потом он отвел меня в торговый центр и настоял на том, чтобы купить мне новую одежду, в том числе кое-что специально на Рождество и Новый год. Я не только не протестовала, но и наслаждалась. Я наслаждалась тем, что меня баловали – и мне искренне нравилось быть с ним. Особенно я порадовалась, когда ускользнула на несколько минут и купила Саймону статуэтку оленя, которой он восхищался, но никак не мог купить. Когда я подарила ему оленя и увидела на его лице восторг, то сама улыбнулась, потому что знала, что Саймон добавит эту штучковину к своей коллекции праздничных украшений.

Рождественская музыка, которая непрерывно доносилась из динамиков в торговом центре, не бесила меня, суесящиеся толпы не сводили с ума, а горячий шоколад с мятой имел вкус праздника и не напоминал о детских травмах. Всё это были новые и приятные ощущения. Саймон, правда, очень хотел, чтобы я сфотографировалась с Сантой, но тут уж я воспротивилась.

Прямо сейчас я сижу, завернувшись в темно-красную шаль, в плюшевой гостиной, пока Саймон цветисто ругается, пытаюсь распутать елочную гирлянду. Пусть даже я знаю, что Стеффи вне зоны доступа, я отправляю ей селфи с обиженно надутыми губами (потому что она не со мной), а затем фотографию раздосадованного, но очень смешного Саймона. Проклятый круиз и ненадежный корабельный вай-фай! Мы не можем говорить и переписываться, и это меня буквально убивает, но я рада, что

Стеффи развлекается.

– Давай я помогу!

Я уже несколько раз предлагала свою помощь в титаническом деле распутывания гирлянды, но Саймон упорно настаивает, чтобы я сидела на месте, пила какао и отдыхала.

– Мне стыдно, что тебе пришлось так долго ждать, прежде чем украсить елку. Ведь на дворе девятнадцатое декабря!

– Конечно, я ждал тебя, глупышка. Нужно было просто купить новую гирлянду. Но этот бой я должен выиграть своими силами! – Он яростно потрясает пучком проводов, и внезапно тугой моток распадается.

– Ха. Ничего себе.

Он смотрит на меня:

– Это рождественское чудо!

Я показываю ему язык.

– Нет.

– Значит, твое праздничное настроение привлекло рождественскую удачу. Как тебе такой вариант?

На Саймоне колпак Санты, ярко-зеленая рубашка и красный галстук – всё это нелепо, но невероятно мило.

– Кстати говоря, очень приятно видеть, что ты так радуешься празднику. К этому приложил руку Эсбен? – спрашивает Саймон с улыбкой.

– Возможно, – признаю я. – Хотя дело не только в том, что у меня появился парень. Эсбен показал мне, что в мире много хорошего. И что не надо заикливаться на прошлом.

Я плотнее закутываюсь в одеяло.

– Ведь я там застряла...

– Да, и это вполне понятно. Тебе пришлось нелегко.

Я наблюдаю, как он распутывает последние узлы.

– Прости, Саймон.

Он отвлекается от гирлянды и смотрит на меня:

– За что?

– За то, что... плохо справлялась.

– В смысле?

– Ну... из меня получилась плохая дочь.

Саймон бросает гирлянду и садится рядом со мной.

– Элисон, никогда больше так не говори.

– Ты не жалеешь, что удочерил меня? Ведь из-за этого ушел твой парень. Он хотел взять милого малыша, а не угрюмого подростка.

А потом я задаю Саймону вопрос, который никогда не задавала раньше:

– Как ты вообще про меня узнал? В один прекрасный день мне сказали, что есть потенциальный приемный отец, который хочет со мной познакомиться. Мы с тобой поговорили примерно час – подозреваю, я была очень скучным и унылым собеседником – а потом я узнала, что ты хочешь меня удочерить. Я так и не поняла, почему.

– Элисон, милая... – Саймон машет рукой. – Во-первых, Джейкоб был просто придурок. Я, наверное, всегда это сознавал, но бывают такие отношения... ну, понимаешь, когда ты как будто попал в ловушку и из-за собственной глупости не можешь выпутаться. В общем, я рад, что он ушел. Это лучшее, что случилось в моей жизни. После тебя.

Он ласково улыбается.

– Да, мы действительно планировали взять маленького ребенка, но на стене в службе опеки висели фотографии – сотни фотографий детей, которые нуждались в семье.

– Как старомодные объявления о розыске, – говорю я, закутываясь в шаль. – Только нас никто не искал и не хотел.

Саймон кивает:

– Да. Так это и ощущалось. Очень грустно и несправедливо. Короче говоря, я смотрел на фотографии – и вдруг кое о чем подумал. Во-первых, что я не имел никакого представления о том, сколько подростков живут в приютах. Во-вторых, – и это главное – что один из них должен жить со мной. А именно ты. Только тогда я понял, что вообще-то мне не нужен младенец. Я не хотел греть бутылочки, наблюдать за первыми шагами, слышать первые слова. Детский сад, начальная школа...

Он откидывается на спинку и скрещивает ноги.

– Всё это меня не интересовало. Да, я хотел быть отцом. Но быть отцом – значит провести с ребенком целую жизнь, а не только возиться с малышом.

Я опускаю голову и терблю бахрому шали.

– Моя фотография тоже там была?

– Да, – отвечает Саймон. – Под каждым снимком коротко говорилось о ребенке. В том числе – сколько лет он провел в системе. Когда я дошел до твоей фотографии, то узнал, что ты прожила в приюте больше шестнадцати лет. Что ты любишь читать и отлично учишься. Ну и что-то еще, уже не помню. Дело было не в каких-то сведениях о тебе... – Он ненадолго задумывается. – А в том, что я почувствовал, когда увидел твою фотографию. Это невозможно объяснить. Я просто ощутил некую связь – и

сразу понял, что хочу быть твоим отцом. Я стоял в коридоре перед твоей фотографией так долго, что Джейкоб пошел меня искать.

Я смотрю на Саймона.

– И ему это не понравилась.

– Да. А мне разонравился он.

Саймон произносит это с бунтарским видом и улыбается. Я тоже.

– Нет.

– Ну ладно. Я его не возненавидел, но сразу понял, что между нами что-то серьезно разладилось. Он совсем не разделял моих чувств. Поэтому мне пришлось сделать выбор. И я выбрал тебя. И себя. Я получил шанс понять, что на самом деле мы с Джейкобом не подходили друг другу. А что касается желаний удочерить тебя... никакое другое решение в жизни не давалось мне так легко. Конечно, я боялся, что не понравлюсь тебе или что ты не захочешь жить с мужчиной-геем. В тот день, когда мы познакомились, я, наверное, переодевался раз десять. У меня была целая стопка вещей, которые я купил для тебя, но все они казались дурацкими, и я оставил их дома. Если бы они тебе не понравились, то, возможно, ты подумала бы, что из меня получится плохой отец... – Саймон, кажется, искренне взволнован. – Я очень нервничал, потому что не сомневался, что предназначен быть твоим папой. Иногда просто знаешь это, и всё. Без какой-либо причины. Просто знаешь.

Четыре месяца назад я бы, возможно, не согласилась, но только не сейчас.

– Да. Жаль, что я не знала этого раньше. Прости, что я сразу не поняла, что ты мой папа.

– Милая, не извиняйся. Я был не вправе требовать от тебя слишком многого.

Я чувствую, как подступают слезы.

– Но теперь я знаю. Правда, знаю.

Саймон обнимает меня, и в ответ я крепко прижимаю его к себе.

– Я тебя люблю, Саймон.

Его объятия – воплощенная отцовская забота и ласка.

– И я люблю тебя, Элисон. Очень люблю.

– Вообще-то, – говорю я, – ты понравился мне в тот день, когда мы познакомились. Мы говорили про Джейн Остен. И про то, что оба терпеть не можем зоопарки. И ты сказал, что ненавидишь все сухофрукты, кроме сушеной клюквы.

– Это так. Зачем брать идеальный свежий фрукт и портить его? Но сушеная клюква в салате из рукколы – совсем другое дело. И немножко

голубого сыра. Устоять невозможно...

Он упирается подбородком мне в макушку.

– Нас объединяла любовь к фильмам восьмидесятых, к романтическим закатам и к шуму волн, которые разбиваются о берег. Мы подходили друг другу. Вот и всё. Ты с первой минуты стала моей дочерью.

Я опускаю голову на плечо Саймона.

– Ты покупал разные штуки, чтобы убедить меня остаться с тобой?

Он смеется:

– Мне очень стыдно, но... да.

– Например?

– Вообще-то они до сих пор у меня остались, если тебе интересно.

– Правда? – Я сажусь и поворачиваюсь к нему.

Это совершенно в духе Саймона.

– Мне очень интересно!

Он живо скрывается в своем кабинете, и ему даже не приходится долго искать коробку.

Саймон взволнованно смотрит на меня, когда я открываю ее. Я смеюсь:

– Не беспокойся. Я не уйду от тебя, если вдруг обнаружу там что-нибудь стремное.

– И всё-таки поосторожнее. Я тогда очень волновался. И сейчас, кажется, тоже...

В коробке, разумеется, лежит куча вещей, которые бы мне понравились. Три звенящих серебряных браслета от «Тиффани», подарочный набор духов от «Кальвин Кляйн», кашемировые шапка и шарф, косметичка, набитая губной помадой. Наконец я вытаскиваю комикс про Чудо-Женщину и парные металлические браслеты.

– Дурацкие, да? – спрашивает Саймон.

– Нет, они чудесны. – Я, не отрываясь, смотрю на браслеты. – Как ты узнал, что я люблю Чудо-Женщину?

– Я подумал, что тебе пришлось отразить немало ударов. И что ты, наверное, крепкая как сталь.

– Вовсе нет, – тихо отвечаю я. – Эти браслеты бы мнегодились.

– Ты и сейчас крепкая. Просто стала счастливее.

Он прав.

– Это прекрасные подарки.

Я глубоко тронута и не знаю, что еще сказать.

Саймон гладит меня по спине, притягивает к себе и обнимает.

– Ну что, давай вешать гирлянду, детка?

Он хлопает в ладоши.

– Сейчас мы украсим дом!

Саймон лезет на стремянку и начинает вешать гирлянду. Я держу свободный конец и подаю ему по мере необходимости.

– Ну, раз уж ты не хочешь, чтобы я покупал тебе машину... – Он замолкает и ждет, когда я красноречиво закачу глаза, – как насчет списка подарков к Рождеству?

Это очень серьезно, поскольку я не из тех, кто любит просить. Но ради его спокойствия я задумываюсь.

– Постельное белье, которое ты подарил мне в начале года... Оно просто замечательное, и я хочу еще комплект.

– Заметано. Дальше.

– Новый чехол для мобильного.

– Заметано. Что еще?

Мы заканчиваем вешать гирлянду, когда я наконец отвечаю:

– Может, съездим куда-нибудь летом?

– Конечно. Ты, Стеффи и я? Или как?

– Только мы с тобой, – говорю я.

Саймон развешивает фонарики по ветвям, прежде чем ответить:

– Охотно. Куда бы ты хотела? Мартас-Винъярд? Кейп-Код? Нантакет? Хэмптонс?

Я не удерживаюсь от смеха.

– Необязательно ехать в такие дорогие места. Я не против просто полежать на пляже. Пожить в маленьком домике. Ничего сверхъизысканного, ладно?

– Значит, шикарный коттедж, – произносит с улыбкой Саймон. – Каждый вечер будем варить омаров и кататься по берегу.

– И еще кое-что, – говорю я, принимаясь с преувеличенным усердием поправлять фонарики. – Я, кажется, уже об этом спрашивала... можно Эсбену прийти к нам на ужин?

– Это не подарок на Рождество, но я абсолютно за! – восклицает Саймон, и его энтузиазм буквально ощутим. – В любой вечер. На закуску будет копченый лосось и фаршированные яйца, на горячее – говядина «Веллингтон», а на десерт бисквит со взбитыми сливками!

– Э... я представляла что-то менее торжественное.

– Ну конечно. Макароны с кетчупом, – говорит Саймон, шутливо надувшись.

– Ладно, ладно. Покажи, какой ты хороший повар. И вино. Надо купить вино.

– Зачем? Боишься, что твой старый папа и бойфренд не понравятся друг другу?

– Немножко, – признаюсь я.

– Не надо. Я уже обожаю Эсбена. Человеку, который доставляет тебе радость, гарантирована моя любовь.

– Ну хорошо.

– Давай лучше придадим дому праздничный вид, чтобы впечатлить Эсбена!

Саймон шагает за коробкой с украшениями.

– За работу!

Глава 22

Танцы

Саймон поправляет фартук и оглядывает кухню.

– Так. Кажется, всё неплохо. Эсбен любит сыр? Надеюсь, что да!

Я смеюсь:

– Почему ты волнуешься сильнее, чем я? Ты обязательно ему понравишься. И сыр. Все сыры, – я смотрю на поднос, – все девять сортов.

– Я слегка перегнул палку?

– На меньшее я и не рассчитывала.

Я иду к раковине, чтобы помыть руки, и качаю головой, глядя на тарелку с довольно неуклюжими фаршированными яйцами своего изготовления. Разумеется, я не ожидала, что мне сами собой передадутся кулинарные таланты Саймона, но даже его искренняя попытка чему-нибудь меня научить с блеском провалилась.

– Слушай, Саймон, – осторожно начинаю я, – теперь даже я начала ходить на свидания. И я беспокоюсь о тебе.

– Обо мне? Почему? – спрашивает Саймон.

Он стоит над блюдом с сырами, внимательно разглядывая их и перекладывая. По-моему, он сошел с ума.

– Потому что у тебя никого нет. Ведь так? Ты ничего мне не говорил.

Я вытираю руки и ненадолго замолкаю.

– Или ты просто скрывал... потому что я была такая замкнутая и злая.

– Элисон! – Саймон перестает возиться с сырами и сердито смотрит на меня. – Не говори о себе так. У меня никого нет, я ни с кем не встречаюсь. Честно говоря, я не умею знакомиться. Что ты мне предлагаешь? Отправиться в моем возрасте в гей-клуб?

– Тебе всего сорок три! Но, пожалуй, ты прав, клуб – это не лучший вариант. Как насчет сайта знакомств...

Меня прерывает звонок.

– Он пришел! Пришел! – кричит Саймон. – Где виноград? А, ладно, потом положу...

Он срывает фартук и лучезарно улыбается.

– Ты готова? Я нормально выгляжу? Кто откроет дверь? Я? Или ты сама его приведешь?

Саймон просто спятил.

– Ты отлично выглядишь. Давай я открою дверь, а ты пока принесешь вино.

– Да. Отличная мысль. Сейчас. – Он делает большой глоток. – Тебе, кстати, очень идет красное.

Я надела кое-что из вещей, которые Саймон купил вчера, и, надо признаться, мне очень нравится пушистый красный мохеровый свитер. В сочетании с черными кожаными брюками получился комплект, который одобрила бы Стеффи. Я иду к двери – и, честное слово, радуюсь фонарикам, гирляндам и бесчисленным украшениям, развешанным по дому. Когда Саймон что-то делает, то обязательно на все сто. И это здорово.

Я едва успеваю открыть дверь, как Эсбен начинает:

– Я знаю, что выгляжу глупо. Извини. Мать заставила меня надеть костюм. Я сказал, что это бред, никто не приходит в гости к собственной девушке в строгом костюме, но в какой-то момент проще стало согласиться, чем убедить ее, что на дворе не тысяча девятьсот сороковой год.

Ему уж точно не следует извиняться, потому что выглядит Эсбен... шикарно. На нем черный костюм, красная рубашка и разноцветный галстук. Я так потрясена, что теряю дар речи. И двигаться тоже не могу. Вообще ничего не могу.

– Боже мой... всё так плохо? Нужно было взять с собой какие-нибудь вещи и переодеться в «Макдоналдсе». Элисон? Пожалуйста, скажи что-нибудь, иначе я чисто от унижения начну раздеваться прямо здесь, на крыльце.

– Прости, прости, – говорю я, улыбаясь. – Хотя, знаешь, это звучит соблазнительно... Но ты прекрасно выглядишь. Честное слово. Мне уже нравится твоя мама.

Я открываю дверь пошире и ежусь от холода.

– А мне нравится, что эти брюки как будто нарисованы на тебе.

Эсбен обвивает руками мою талию и касается губами местечка под ухом. Он знает, что это сводит меня с ума.

Подарочный пакет у него в руке шуршит за моей спиной. Я привыкла видеть Эсбена каждый день и за этот короткий промежуток, в течение которого мы жили порознь, переполнилась тоской и желанием. Но здесь Саймон и мясо «Веллингтон», поэтому я не прижимаю Эсбена к двери, а беру его за руку и веду в гостиную. Мой отец отчаянно пытается сохранять спокойствие, когда ставит тарелку с копченым лососем на кофейный столик, рядом с безумным ассортиментом сыра и моими несчастными фаршированными яйцами.

Саймон выпрямляется и гостеприимно улыбается.

– Судя по тому, что Элисон сияет ярче, чем чудовищный надувной Санта у соседей, ты, видимо, Эсбен.

– Саймон! – восклицаю я и смеюсь.

Эсбен делает шаг вперед и жмет ему руку.

– Очень приятно познакомиться, сэр. Я слышал о вас много хорошего.

Саймон указывает на пакет у него в руках.

– А. Это передала моя мама. Кажется, там какие-то украшения.

– Как мило с ее стороны. А это, – говорит Саймон, показав на бархатный мешочек на буфете, – передай родителям. Бутылка красного вина из одного калифорнийского винограда, который я просто обожаю.

Калифорния. Я немедленно вспоминаю про Стеффи. Надеюсь, она сейчас отрывается по полной программе, потому что мне бы очень хотелось, чтобы сейчас моя подруга была здесь, с нами.

Эсбен, садясь, бросает взгляд на кофейный столик.

– О, сыр! Вы посмотрите на эту прелесть...

К восторгу Саймона, он наклоняется над сырной тарелкой и изучает ее сверху.

– Какая красота. Мне очень жаль разрушать ваше произведение искусства, но, если я не ошибаюсь, это ведь «Сен-Андре»?

Саймон, самодовольно улыбаясь, смотрит на меня.

– Да! Пожалуйста, угощайся.

Он протягивает Эсбену тарелку, а я сижу и улыбаюсь, когда оба пускаются в прочувствованную дискуссию о сыре. Я знала, что беспокоиться не о чем.

Ужин, приготовленный Саймоном, оказывается очередным кулинарным шедевром, но, главное, мы, все трое, болтаем без остановки. Разговор течет легко и непринужденно, и дом полнится смехом.

За десертом, впрочем, мы сталкиваемся с небольшой проблемой. Под руководством Саймона я приготовила бисквит со взбитыми сливками, засахаренными ягодами, каштановым муссом и шоколадной стружкой, и выглядит он изумительно. Откинувшись на спинку, я наблюдаю, как мои любимые мужчины пробуют результат... и после первого же кусочка понимаю: что-то не так. Оба делают мужественные попытки это скрыть, но тщетно.

– Что? – спрашиваю я. – В чем дело? Я делала так, как ты говорил, Саймон!

Тот вытирает рот и некоторое время не отнимает от лица салфетку. Наконец ему удается прийти в себя.

– Есть небольшая проблемка. Соль.

– Соль? Я не положила соль?!

Я пробую бисквит. Он просто ужасен, и я немедленно выплевываю кусок в салфетку.

– О боже... – Я виновато гляжу на мужчин, но они слишком заняты – они смеются.

Эсбен пьет воду.

– Ну, зато это был очень... красивый бисквит.

– Да, – великодушно соглашается Саймон. – Эстетически ты справилась на все сто. Но, поскольку теперь мы остались без десерта, может, поедем в город? Там сейчас очень весело.

Эсбен ободряется.

– Кажется, я знаю, о чем вы думаете! «У Майка»?

– А ты умный парень, – замечает Саймон, глядя на меня. – Именно! Как насчет шоколадного чизкейка?

Саймон везет нас в Норт-Энд. Это «маленькая Италия» Бостона. Прелестный район, полный обаяния Старого Света. Над улицами висят рождественские венки, фонарные столбы обвиты белыми гирляндами, а на углу стоит Санта, собирая пожертвования.

Когда мы все усаживаемся за маленьким столиком в «Кондитерской у Майка», я смотрю на свою тарелку, слегка напуганная размером шоколадного пирога. Он буквально бросает мне вызов.

– Пожалуйста, попозируйте с этими десертами, приготовленными для великанов. Я должна их запечатлеть.

– Я создал интернет-монстра, – говорит Эсбен Саймону.

– Тихо! Поднимите тарелки!

Я делаю как минимум десять снимков и выкладываю их в Твиттере, Инстаграме и Фейсбуке, поставив тэги – #отецодиноккаповезнагулять #мойпареньэсбен и #кулинарнаяпорнография. Как только картинка оказывается в Фейсбуке, выскакивает какое-то странное окно.

– Эсбен, что это? Мне предлагают воспользоваться каким-то приложением «Друзья поблизости», – говорю я, показывая Эсбену телефон.

– Сейчас. – Он достает свой мобильник и показывает мне экран: – Видишь? Если активировать это приложение, ты сможешь видеть, кто из твоих сетевых друзей находится поблизости. Я редко им пользуюсь, потому что по жизни не знаком с большинством людей на моей страничке.

Эсбен касается экрана, и появляется список из шести имен.

– Видишь? Кое-кто тут есть. Один человек довольно близко... – Он всматривается. – Очень близко. Он здесь!

– Кто? – спрашиваю я.

Эсбен хмурится.

– Кристиан Артуро. Он иногда комментит мои посты.

Он открывает профиль Кристиана и перебирает фотографии.

– Симпатичный мальчик, – шепотом говорю я.

Эсбен прячет телефон.

– Эй, эй!

– Это правда! Но не волнуйся, он для меня слишком молод.

– Да, здесь написано, что он еще учится в школе. – Эсбен обводит комнату глазами и улыбается. – Вон он.

Его улыбка меркнет, когда он замечает парня, сидящего в другом конце зала. В реале Кристиан еще красивее, чем на фотографиях. У него темные волосы и смуглая кожа, оттененная белой рубашкой. Присмотревшись, я замечаю, что на спинке стула висит смокинг. Кристиан сидит, ссутулившись, над нетронутой порцией канноли, с таким грустным видом, что впору подойти и обнять его.

– Зайди к нему на страничку, – негромко прошу я.

Мы, все трое, наклоняемся над телефоном Эсбена и читаем верхние посты.

– Он... собирался на зимний бал, – читает Эсбен. – Взял напрокат смокинг... надеялся отлично провести вечер... а его девушка чем-то отравилась и осталась дома.

– Надо же, как грустно. – Саймон украдкой смотрит на Кристиана. – Бедный мальчик.

Эсбен не отрывается от телефона, но я вижу, что он усиленно думает.

Это Эсбен, и он не может сидеть сложа руки. Видимо, он колеблется, потому что с нами Саймон. Значит, надо его подтолкнуть.

– Эсбен, – говорю я, коснувшись его плеча. – Иди. Подойди к нему.

Глядя на Кристиана, Эсбен улыбается.

– Ты хорошо меня изучила, а?

Саймон, кажется, слегка теряется, но, когда Эсбен встает, до него доходит.

– Знаешь, твой парень – просто необыкновенный человек.

Мы смотрим, как Эсбен приближается к Кристиану, жмет ему руку и присаживается. Мы с Саймоном продолжаем есть, не сводя глаз с их столика. Через несколько минут Эсбен и Кристиан встают и направляются к нам.

– Элисон, Саймон, это Кристиан. Я предложил ему посидеть с нами.

– Конечно. Приятно познакомиться. – Саймон отодвигает стоящий рядом стул, и изумленный Кристиан садится.

– Привет, – смущенно говорит он. – Спасибо. Я очень рад. Я... э... – Он нервно смотрит на Эсбена. – Я твой подписчик. Всё это так странно... Слушай, ты крут. С ума сойти, ты просто взял и подошел ко мне. И теперь я сижу с тобой за одним столиком.

Юноша смотрит на меня.

– Ты Элисон. А вы ее отец. Я вас видел в Сети.

Я чувствую себя безумно польщенной, а Эсбен смущается, как всегда, когда кто-то говорит ему комплименты.

– Жалко, что у тебя сегодня обломились танцы.

Я киваю:

– Да. Неприятно. Твоя девушка заболела?

– Господи, Элисон, ты вживую еще круче, – застенчиво произносит Кристиан. – Вы мне безумно нравитесь, ребята... – Кристиан нервно смеется. – Ну да. Мне позвонили через десять минут после того, как я вышел из дома. Я не стал расстраивать маму, ведь она так радовалась, что я взял напрокат смокинг и собираюсь на танцы. Поэтому я взял и пришел сюда. Поесть сладкого и утешиться. – Кристиан вздыхает. – Да, вечер сложился не так, как я думал.

– Ты решил не ходить на танцы один? – спрашивает Саймон.

– Ну да... – Кристиан неуютно ерзает. – Вообще-то... у меня не девушка, а парень.

Он ждет, что мы испугаемся, и как будто еще сильнее смущается, увидев, что мы никак не реагируем на его слова.

– Так что... да. Кажется, вас это не пугает. Его зовут Даг, он мне нравится, и я ему тоже, кажется, нравлюсь... и... мы хотели сегодня повеселиться, потому что, ну... – Кристиан обводит стол взглядом. – Можно воды?

Эсбен улыбается и подвигает к нему бокал:

– Пей.

– Ну, наверное, все в школе уже знают, что я гей, и никто надо мной не смеется, но до сих пор я ни с кем не встречался. Сегодня у меня планировалось первое настоящее свидание. Ну, я так думал. Мои родители не знают, что я собирался на танцы не с девушкой. Это было очень серьезно, честно. Я хотел прийти на зимний бал и танцевать там с парнем, чтобы другие видели... не знаю, наверно, это глупо. Ничего особенного, просто школьный бал...

– Нет, не глупо, – говорит Саймон. – Для тебя это было важно. Ты хотел найти безопасный и остроумный способ рассказать о своей ориентации. Когда я учился, всё было совсем по-другому, – восклицает он

со смехом. – У вас это намного проще!

Кристиан заметно расслабляется.

– Да? Ну, наверно, ты прав. У нас в школе очень славные ребята. Но всё равно я волнуюсь. В хорошем смысле, конечно. Но мне правда хотелось прийти на бал с Дагом и наконец заявить об этом открыто. Мне очень хотелось это сделать... Ради самого себя.

– Еще не всё пропало, – говорит Эсбен. – Ну, если тебе важно именно признаться.

– В смысле? – Кристиан выпрямляется.

Ему явно становится интересно.

Я улыбаюсь, поскольку догадываюсь, что Эсбен имеет в виду.

– Надевай галстук, – говорю я. – И смокинг.

Кристиан начинает застегивать верхние пуговицы на рубашке.

Наш кавалер готов. Эсбен берет его за руку.

– Пошли.

– Куда?

– Танцевать.

Эсбен ведет его через зал, а мы с Саймоном шагаем следом.

– Что он делает? – взволнованно спрашивает Саймон.

– Что-то потрясающее. Просто смотри.

На лице Кристиана – смесь сомнения и радостного предвкушения. Он позволяет Эсбену вывести его на улицу. Там стоят три музыканта. Идет легкий снег; сегодня морозно, но не слишком, поэтому перед музыкантами собралось человек пятнадцать. Играют какую-то романтическую итальянскую музыку. Я беру Саймона под руку и наслаждаюсь.

Эсбен становится перед Кристианом.

– Конечно, это не зимний бал, но у нас есть музыка и мерцающие огоньки, и я в подходящем костюме. Станцевать с тобой твой первый танец – честь для меня.

Кристиан долго молчит, но когда он наконец открывает рот, я понимаю, что оно того стоило. Голос у него трогательно срывается.

– Я бы... очень этого хотел. Господи. Как бы я этого хотел.

Он подходит ближе.

– Никто не против?

Кристиан окидывает взглядом толпу, но вил и факелов не видно.

– А можно... можно сделать фотку? – с трудом выговаривает он. – И... выложить ее. И тогда это всё будет совсем серьезно, – добавляет он с отвагой, которая мне нравится.

– Как хочешь. Это твой вечер. Фотографии, видео... потом сам

решишь.

Эсбен быстро кивает мне и начинает медленно двигаться.

Я достаю телефон и делаю несколько снимков, а затем включаю запись, чтобы запечатлеть поворотный момент в жизни Кристиана. Меня в очередной раз потрясает умение Эсбена быть внимательным к незнакомцам. Я зачарована им – и этим танцем. Женщина-музыкант улыбается, и к танцующим присоединяется еще одна пара. Идет время, и Кристиан постепенно расслабляется. Он даже кладет голову на плечо Эсбена. На лице у него слезы – и улыбка, которая делает их прекрасными. Эсбен встречается со мной взглядом. Если бы он уже не завоевал моего сердца и доверия целиком и полностью, это произошло бы сейчас. Они танцуют три песни подряд, и, когда Кристиан медленно поднимает голову, он видит вокруг еще шесть пар, которые кружатся на тротуаре. Музыканты останавливаются, чтобы передохнуть; мы принимаемся хлопать, и певица предлагает также поаплодировать танцорам. Публика устраивает бешеную овацию. Эсбен кружит Кристиана и торжествующим жестом воздевает в воздух его руку. Аплодисменты становятся громче, и Кристиан расплывается в счастливой улыбке.

Саймон прижимает мою руку к боку.

– Что за человек. В молодости я не отказался бы от такого Эсбена...

Я думаю то же самое. Никто не отказался бы.

Кристиан смотрит на моего замечательного парня и недоверчиво качает головой:

– Спасибо... большое тебе спасибо. Я этого никогда не забуду. И тебя.

– Тебе спасибо. Я тоже впервые танцевал с парнем. – Эсбен ухмыляется и обнимает Кристиана. – Слушай, я очень рад. Давай выложим видео в Сеть. Продиктуй пост.

Саймон чуть слышно шепчет:

– Где ты нашла этого типа? Он же просто чудо.

– Это он меня нашел, – отвечаю я. – Сам нашел.

Утром на Рождество Саймон заваливает меня подарками, но самым прекрасным из них оказывается последний. Подарочный пакет набит синей оберточной бумагой с белыми звездочками, и я, улыбаясь, извлекаю из нее золотистую тиару Супер-женщины.

– Боже мой! Саймон! Как раз подходит к моим браслетам! Какая прелесть!

– Тебе нравится? Правда?

Я искренне киваю и надеваю тиару.

– Отлично, – радостно говорит Саймон. – Потому что... подожди.

Он роется за креслом и достает из-под елки еще один пакет.

– У меня тоже такая есть!

Мы, с тиарами на головах, едим вафли со взбитыми вручную сливками и свежей клубникой. За завтраком я протягиваю Саймону коробку. Надеюсь, ему понравится.

Он открывает подарок и видит фотографию в рамочке.

– Элисон...

На лице у него огромная радость. Он прижимает руку к сердцу.

– Моя милая, щедрая девочка. Ты все-таки сфотографировалась с Сантой. Ради меня.

– Да.

– Очень приятно. Спасибо, детка.

– Это лучшее Рождество в моей жизни. Ты устроил мне настоящий праздник, Саймон, – искренне говорю я.

– И за это ты получишь второй бокал шампанского.

Мы чокаемся, и пузырьки громко шипят.

В тот вечер, когда Саймон уходит спать и в доме настает тишина, мы с Эсбеном сидим на кушетке и смотрим в окно на кружащиеся снежинки. Как будто мы внутри стеклянного шара.

– Я кое-что купила тебе, – смущенно говорю я.

Моя рука слегка дрожит, когда я протягиваю ему пакет.

Он улыбается и ставит его между нами.

– Почему ты так волнуешься?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Скорей открой и не мучай меня.

Эсбен смеется и начинает снимать оберточную бумагу.

– Элисон... – тихо произносит он, увидев серебряные песочные часы.

Наверху выгравирована надпись: «Нужно всего 180 секунд». Он переворачивает часы, и мы смотрим, как песок струится из верхней половины колбы в нижнюю.

– Какой прекрасный подарок...

Он целует меня, пока песок не пересыпается. А потом подмигивает, снова переворачивает песочные часы, и мы продолжаем целоваться.

Еще несколько заходов – и Эсбен откидывается на спинку кушетки, а я кладу голову ему на колени. Он гладит мои волосы. Я смотрю в зимнее небо за окном. Ветер то успокаивается, то вновь начинает завывать.

Эсбен вкладывает в мою руку маленькую коробочку:

– Это тебе.

– Но ты уже подарил мне...

– Ш-ш. Просто открой.

Внутри лежит широкий серебряный браслет с блестящими камнями. Эсбен надевает его мне на руку. Лишь через минуту я понимаю, в какой узор складываются оранжевые, бирюзовые, желтые, красные, золотые и темно-синие камушки и что такое у меня на запястье. Я знаю, почему Эсбен сделал мне этот подарок.

– Феникс, – чуть дыша, говорю я.

– Да, – отвечает Эсбен. – Потому что ты, как в легенде, восстала из пепла.

Я сажусь и заглядываю ему в глаза.

– Ты помог мне. Эсбен, ты так мне помог...

Глядя на подарок, полный любви и глубокого смысла, я чувствую крайнюю растерянность.

– Это прекрасно, Эсбен... даже не знаю, что сказать.

Он долго смотрит на меня, и я вдруг понимаю, что его чувства перешли на новый уровень.

– Скажи просто, что любишь меня. Пожалуйста. Потому что я так люблю тебя, что едва могу дышать, когда мы не вместе. Я, конечно, уже говорил тебе это, когда напился, и зря, хотя я был абсолютно искренен. Но сейчас я повторяю: я люблю тебя.

И мне даже не приходится задумываться над ответом:

– Я тоже люблю тебя. И уже не помню, как жить без этого чувства.

– Прекрасно. Тебе и не придется без него жить.

Через шесть дней мы встречаем Новый год в городе. Посреди восторженных криков и гудения автомобильных сигналов, на морозной улице, Эсбен вновь и вновь повторяет, что любит меня. Даже в хаосе общего торжества я слышу его так ясно, как будто больше никого вокруг нет. И я говорю ему те же слова.

Глава 23

Ты владеешь моим сердцем

Такое ощущение, что мы на Аляске – так холодно в кампусе в январе. Второй день бушует метель, и говорят, что завтра занятий не будет. Это нечто неслыханное. Вечером мы с Кармен решаем, что достаточно круты, чтобы бросить вызов непогоде, и направляемся в студенческий клуб за горячим шоколадом. Хотя, закутываясь перед тем, как пуститься в обратный путь, я смотрю на Кармен и говорю:

– Знаешь, я что-то не хочу выходить. Может, переночуем здесь?

Она надвигает плотную шапку почти на самые глаза. Огромный помпон на макушке очень ей идет.

– Ни за что. Друг Эсбена, этот красавчик Дэнни, с которым ты меня познакомила, придет через полчаса, и к тому времени мне надо оттаять.

– Резонно.

Парка у меня толщиной как будто в целый метр, на руках перчатки, которые в пору великану, но я всё равно мерзну.

– У вас всё хорошо с Дэнни?

Сама не знаю, что толкнуло меня свести Кармен и Дэнни, но у обоих есть свои странности, и я решила, что они подойдут друг другу. Дэнни с его губной гармошкой, Кармен, которая вечно перекрашивает волосы... прошло всего две недели, но, очевидно, я оказалась права. И почему-то я безумно счастлива от того, что соединила этих двоих.

– Всё так хорошо, что сегодня я даже побрила ноги.

Она надвигает на шапку огромный меховой капюшон и улыбается.

Я закрываю лицо шарфом и собираюсь с духом.

– Ладно, пошли! – Мой голос звучит приглушенно, как у Дарта Вейдера, и мы обе смеемся. – Эсбен сидит у меня, потому что побоялся выходить. Мы с тобой круты.

Кармен кивает:

– Точно!

Мы быстро шагаем сквозь ледяную метель, которая безжалостно хлещет нас, и врываемся в теплый коридор общежития. Ощувив прилив энергии после вызова, брошенного непогоде, мы начинаем хохотать. Я сбрасываю куртку и шарф и топаю ногами, прежде чем зайти к себе. Эсбен сидит и что-то печатает, но, как только я вхожу, он поворачивает

голову ко мне.

– Привет, сосулька, – говорит он, прежде чем поцеловать меня.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, вешаю куртку и сажусь на постель.

Уже темнеет, и экран отбрасывает свет на лицо Эсбена. Очень романтично. Поэтому я даже не включаю лампу.

– Читаю комменты и вычищаю троллей. В основном это делает Керри, но она сейчас занята, и я пытаюсь наверстать упущенное.

– Понятно.

Я ложусь на спину и звоню Стеффи, но слышу автоответчик. Несколько недель мы с ней почти не общались, потому что во время кризиса у нее не было связи. А теперь она собирается переезжать в новую квартиру, поскольку прежний хозяин решил продать дом и выгоняет всех жильцов. Мобильник гудит, и я получаю сообщение.

«Прости, не могу говорить. Сажу в салоне, крашу волосы. Завтра ты в доступе?» – пишет Стеффи.

«Да. Как там дела с новой квартирой? Нужна помощь с переездом?»

«Всё нормально. Просто немного бесит, но я разберусь. До связи».

Эсбен вдруг издает недовольный звук.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Поскольку Керри по уши нырнула в личную жизнь, я впервые столкнулся с тем, сколько идиотов в Сети. Честно говоря, меня это начинает страшно раздражать. Я только что потратил два часа, разгребая мусор. – Он хмурится. – Ты видела фотки, которые выложила Керри?

– А. Те. Да...

В последнее время Керри выкладывает кучу фотографий себя и Джейсона.

– Ужас, – жалуется Эсбен. – Моя сестра и мой лучший друг! Гадость.

Я смеюсь:

– Почему? Очень милая парочка.

– Бр-р! Ты посмотри! Они целуются! – Эсбен увеличивает картинку и закрывает лицо руками. – Мои глаза! Мои глаза!

Я подхожу и разворачиваю стул, так что Эсбен оказывается лицом ко мне.

– Ну так не смотри на них.

Он ставит локти на колени и игриво улыбается.

– То есть я могу просто сидеть и смотреть на тебя?

– Если тебя это отвлечет.

Я придвигаюсь чуть ближе, и Эсбен касается ладонью моей щеки.

– Ты еще не согрелась?

– Не совсем.

Но от его прикосновения мне делается жарко.

Я придвигаюсь вплотную и касаюсь губами его губ. Ничего, кроме простого поцелуя, я не имела в виду, но, как только мой язык оказывается у него во рту, этот поцелуй становится необыкновенно жадным и страстным, и Эсбен немедленно отвечает, впадая в мой ритм.

Но потом он успокаивается, целует меня в щеку и выпрямляется.

– Кстати, сегодня на третьем этаже вечеринка, – говорит Эсбен, раскрасневшись и тяжело дыша. – «Ледяная вечеринка», так они ее назвали. Очевидно, будет много странных напитков. Можем пойти туда и нализаться стремными синими коктейлями.

Хотя мы вместе ходим на вечеринки и мне нравится знакомиться с новыми людьми и общаться с друзьями Эсбена, сегодня я не хочу покидать комнату. А учитывая то, как Эсбен обводит меня взглядом, он, кажется, тоже не особенно жаждет куда-то идти.

– Не люблю коктейли. Предпочитаю, знаешь ли, другое... – игриво сообщаю я.

Я хватаю Эсбена за рубашку и стаскиваю со стула. Мы валимся на кровать. Пока мы целуемся, он откатывается, пытаюсь лечь рядом, но я с силой цепляюсь за него, чтобы он оставался сверху, и раздвигаю ноги, так что он оказывается между ними и плотно прижимается ко мне. Наши поцелуи делаются энергичнее, мои руки касаются его плеч, спины, поясницы. Я вжимаюсь ладонями в тело Эсбена, притягивая его к себе. Он издает какой-то странный звук и скользит губами по моей шее. Наше дыхание учащается, а поцелуи становятся решительнее. Он отрывается, лишь когда я забрасываю на него ногу и стаскиваю рубашку через голову. Потом я сама снимаю футболку и вновь прижимаю Эсбена к себе. Страсть и желание слишком сильны, и у меня тоже вырывается стон, когда он касается языком моего живота. Мы и раньше бывали возбуждены, но до такого еще никогда не доходило.

После того как Эсбен покрывает поцелуями мою шею снизу вверх, я берусь за пояс его джинсов и расстегиваю верхнюю пуговицу.

Эсбен останавливается и приподнимается, чтобы взглянуть на меня:

– Элисон?

Я улыбаюсь:

– Что, Эсбен?

– Ты что делаешь?

Не отвечая, я расстегиваю ему джинсы.

Он на мгновение закрывает глаза и повторяет:

– Элисон?

Я обхватываю Эсбена руками и сую пальцы под ремень.

– Да, Эсбен?

– Что ты делаешь? – снова спрашивает он, улыбаясь.

– Двигаюсь дальше по спектру. Я готова.

Он изучает мое лицо.

– Правда?

– Да. Я хочу спать с тобой.

– Но мы много чем можем заняться. Я хочу, чтобы ты была твердо уверена...

– Я абсолютно уверена, – перебиваю я и ласково целую его. – Я люблю тебя и доверяю тебе. Доверяю нам. Ты понимаешь, что значит для меня сказать и почувствовать это? Господи, я так счастлива, Эсбен. Никогда не думала, что могу быть настолько счастлива. Я готова.

Я вновь целую его и дразняще провожу пальцами по телу.

– А ты готов?

– Да я был готов через две секунды после нашего знакомства.

Моя рука спускается ниже, к молнии джинсов. Я улыбаюсь:

– Можно?

Эсбен улыбается в ответ:

– Более чем. Нужно.

– Ну так займись со мной любовью.

В это мгновение он, кажется, перестает дышать.

– И позволь мне заняться любовью с тобой, – продолжаю я. – Я хочу показать, как сильно тебя люблю. Мне это нужно.

Эсбен улыбается и кивает:

– И мне тоже.

Я приподнимаю бедра и подаюсь ему навстречу.

– Отлично.

Мы начинаем с самого начала и неторопливо движемся вверх по спектру, нежно, иногда с волнением, но на каждом этапе я неизменно уверена в любви Эсбена. Его прикосновения полны заботы. Они вселяют в меня уверенность. Даже когда я сомневаюсь в том, что делаю, Эсбен не позволяет мне испугаться. Мои руки касаются тех мест, которых не касались никогда раньше, я хочу того, чего не хотела прежде, и пробую то, с чем еще не знакома. Мы вместе исследуем друг друга; мы учимся.

Потом, когда мы становимся максимально близки, Эсбен заглядывает мне в глаза. Он очень осторожен. Он говорит, как сильно любит меня, какая я красивая, каким образом его мир благодаря мне стал цельным.

– Ты завладела моим сердцем, Элисон, – произносит он дрогнувшим голосом. – Ты завладела моим сердцем.

– А ты моим, – шепотом отвечаю я.

Мы целуемся, и я обвиваю Эсбена руками, требовательно поднимая бедра навстречу его телу и впиваясь ногтями ему в кожу.

Он слегка приподнимается и перестает двигаться. Дышит Эсбен рвано и горячо.

– Ты как?

– Всё хорошо, – с трудом выговариваю я. – Пожалуйста, не останавливайся.

И он продолжает.

Потом, когда я лежу, свернувшись, в его объятиях, меня охватывает удивительное ощущение: я чувствую себя необыкновенно спокойной и цельной. Мысленно, конечно, я подпрыгиваю и восторженно пишу: я только что лишилась невинности! Мне отчаянно хочется рассказать об этом Стеффи. Но я знаю, что оторвать свое обнаженное тело от Эсбена будет просто мучительно.

– Ну... – Эсбен откашливается. – Как оно... оно вообще было...

Я начинаю улыбаться, слушая, как он пытается это сформулировать. Эсбен – самый уверенный человек на свете, и есть что-то донельзя трогательное в том, как он сейчас волнуется.

– Что?

– Я просто хочу понять... убедиться... что тебе было хорошо. Что это было хорошо. По крайней мере, не слишком ужасно.

Он вдруг напрягается.

– Это ведь не было ужасно, правда?

Я поворачиваюсь и смотрю на него:

– Ты с ума сошел?

– Честно? Сейчас я и правда слегка не в себе.

– Будь это ужасно, я бы точно не захотела повторить.

Эсбен негромко смеется:

– Правда?

– Да.

– Дай мне две минуты, потом попробуем.

Он приподнимается на локтях, отодвигает одеяло, проводит рукой по моему животу и в тусклом свете экрана обводит взглядом мое тело.

– Господи, ты просто прекрасна.

И вновь прикрывает меня одеялом.

Я не волнуюсь из-за того, что у меня слишком маленькая грудь. Или

что я мало занимаюсь спортом. Я вообще ни о чем не думаю, потому что главное событие сегодняшнего вечера, конечно, во многом заключалось в физическом контакте, но не ограничивалось им.

– Ты в порядке? – спрашивает Эсбен.

– Я прекрасно себя чувствую, – искренне отвечаю я. – А ты? Это было...

Теперь моя очередь заволноваться.

– Я... ну, разумеется, я никогда раньше этого не делала, поэтому... как это было... для тебя?

Поцелуй Эсбена – сам по себе ответ, и когда он наконец отрывается, я вижу, как у него сверкают глаза.

– Не забывай, что я тоже раньше этого не делал. Но, по-моему, мы отлично справились.

– Ну ладно, – отвечаю я без особой уверенности.

Теперь, когда всё сказано и сделано, я начинаю сомневаться.

– Элисон, послушай, – говорит Эсбен. – Это было прекрасно. Лучшего первого раза трудно желать.

Кончиками пальцев он проводит туда-сюда по моему бедру, и мое тело вновь начинает воспаляться. Затем Эсбен кладет руку мне между ног.

– И я заранее знаю, что второй раз тоже будет прекрасен...

Я не спорю с ним. Просто не могу.

В полночь мы разогреваем в микроволновке суп и доедаем сырныи крекеры, которые прислал Саймон. В надежде найти еще какую-нибудь еду в посылке, которая пришла как раз сегодня, я вскрываю коробку. Умница Саймон. В коробке лежат свежие шоколадные пирожные с помадкой и сырной глазурью, дорогое полуфабрикатное ризотто с сыром (просто божественное на вкус), несколько бутылок с водой, тоже недешевых, овсянка с коричневым сахаром и моя любимая еда – паста «Альфредо».

– Бинго! – восклицаю я.

Я вспоминаю, что сегодня пришла еще какая-то посылка, но до сих пор даже не посмотрела обратный адрес. Я улыбаюсь: хотя она адресована мне, я знаю, что это подарок Эсбену от Саймона.

– Тебе посылка, – говорю я с широкой улыбкой.

– Правда?

Я приношу коробку в гостиную и вручаю ему.

Выражение восторга на лице Эсбена невероятно согревает мне душу – по многим причинам.

– Канноли от «Майка»! – сообщает Эсбен, прочитав записку. – Господи, что за прелесть этот Саймон.

Эсбен, как я и думала, делает тысячу снимков и немедленно выкладывает их, заметив, что человек, приславший это замечательное лакомство, – мой отец. Еще он постит нашу фотографию с того вечера в кондитерской – ту, на которой Саймон выглядит особенно красиво. Мы отправляемся на кухню, едим ризотто и жадно пьем воду, пока на плите в старенькой кастрюле булькает паста. Я и не знала, что после секса так дико хочется есть. Хорошо, что Саймон всё это прислал. Надо придумать, как хорошенько отблагодарить его.

Когда мы наедаемся и понимаем, что хотим спать, то сворачиваемся клубочком в постели. Я измучена и не в силах ни о чем думать, потому что меня переполняет эйфория.

Однако когда я начинаю засыпать, мне не дает покоя странное ощущение. Что-то не так. Не со мной, не с Эсбеном. Я что-то упускаю. Неуверенность пытается пробиться ко мне, совсем как ледяная буря за окном. Я отгоняю эту мысль. Не желаю сворачивать на прежний путь тревог и негатива. Я учусь принимать хорошее. Поэтому я перестаю думать о плохом и сосредотачиваюсь на минувшем вечере. Потому что сегодня произошло всё то, о чем я никогда и не мечтала.

Глава 24

Не хватает воздуха

Когда я просыпаюсь на следующее утро, то не сразу понимаю, что уже не сплю. Это и в самом деле моя жизнь. Потрясающая и чудесная. Когда Эсбен просыпается, жизнь делается еще прекрасней, потому что мы снова занимаемся любовью. Пусть у меня болит всё тело, но чувствую я себя лучше, чем когда-либо.

Как и ожидалось, лекции сегодня отменяются. Идеальный вариант. Я, мягко говоря, не прочь посидеть дома.

Я пишу Стеффи, умоляя перезвонить, как только она проснется. Конечно, придется в подробностях пересказать ей события минувшего дня, и лучше сделать это по телефону, а не письменно. Она много лет желала мне счастья, и я непременно должна поведать подруге о своих успехах. Доказать, что моя жизнь теперь в моих руках.

Наступает вечер, а я всё еще немытая и в халате. Меня окружает ощущение, вкус и запах Эсбена, и это прекрасно. Эсбен читает книжку, валяясь в постели полуодетый, а я хожу по комнате, прибираюсь и глупо улыбаюсь собственным попыткам навести абсолютно ненужный порядок. Господи, я так счастлива, что даже не знаю, чем заняться.

Наконец у меня звонит телефон, и я буквально бросаюсь за ним через всю комнату.

– Стеффи!

– Привет, подружка.

– Боже, как я по тебе скучала! Что у тебя такое с телефоном? Почему ты не купила новый? Я так хочу увидеть твоё милое лицо! – выпаливаю я. – У меня новости. Я страшно рада, что ты позвонила.

Я захожу в пустую спальню и наполовину притворяю дверь.

– Ну, как твоя безумная поездка? Я хочу знать всё!

– Элисон, мне надо с тобой поговорить. – Голос у Стеффи какой-то странный, но я пока не понимаю, в чем причина.

– Ладно. Конечно. Что случилось?

Долгое молчание, которое меня пугает.

– Эсбен у тебя? – спрашивает Стеффи.

– Да. А что?

– Хорошо. Пусть лучше он сейчас будет с тобой.

Ее голос звучит монотонно и слабо, и у меня что-то сжимается в груди.

– Извини за плохие новости.

– Стеффи... – Я сажусь на постель. – Говори.

– Элисон, ты моя лучшая подруга. Всегда была ею и будешь. Я знаю, что ты любишь меня, поэтому я прошу тебя выслушать и сделать так, как я прошу.

– Что случилось?!

Я чувствую приступ паники. Сердце так колотится, что я не успеваю дышать.

Ясно, что стряслась беда. Смысл слов Стеффи до меня еще не дошел; они пока не проникли в сознание, но я просто знаю.

– Мне будет нелегко. Скажи, что ты выслушаешь и не станешь спорить. Как моя лучшая подруга, ты должна сделать это ради меня.

Я резко вдыхаю и выдыхаю, уже предчувствуя наступающую боль.

– Да.

– Я соврала тебе, Элисон. Я никуда не ездила. И в новую квартиру я тоже не собираюсь.

Ничего не понимаю.

– Так. Ну и что...

– Ты помнишь – в детстве у меня был рак. Я тебе, впрочем, мало об этом рассказывала. У меня образовалась опухоль в плече. Мне сделали операцию, чтобы ее удалить. Потом – тяжелая химиотерапия. Просто жуткая. Но она помогла. После этого меня много лет обследовали, тестировали, проверяли, и долгое время всё было чисто.

Стеффи замолкает, подбирая слова, и я захлопываю рот рукой, чтобы не закричать вслух.

– После такой мощной терапии нормальные клетки становятся чрезмерно плодовитыми. Начинается перепроизводство белых телец. В свое время это меня спасло, но всегда был риск, что из-за этого разовьются другие виды рака. И сейчас...

– Нет, – говорю я.

И повторяю – спокойно, но настойчиво:

– Нет!

Я этого не допущу. Никогда, ни за что.

– У меня неизлечимая форма рака. Называется острый миелоцитарный лейкоз. Всё очень серьезно.

Я собираюсь и перестаю паниковать. Сосредотачиваюсь на фактах, потому что больше ничего не остается.

– Так. И какие планы?

– Никаких. Здесь ничего не поделаешь.

– В смысле?

Перед глазами всё плывет, поэтому я зажмуриваюсь.

– Единственный вариант – химиотерапия, как раньше. Хотя я тогда была маленькая, я прекрасно помню, какой ад пережила – и твердо знаю, что второй раз этого не будет. Химиотерапия вообще не бывает приятной, но тот конкретный вид, который я проходила, – это нечто. И я больше не хочу. Ни за что. Исключено.

Решимость в голосе Стеффи пугает меня до чертиков.

– Я принимаю лекарства, но толку от них немного.

Я не смирюсь. Мы не позволим раку убить Стеффи, после всего, что она с успехом выдержала. Я начинаю мерить шагами комнату.

– Стеффи, ты должна лечиться. Я приеду и останусь с тобой. Я помогу тебе пережить терапию. Это очень тяжело – я всё понимаю – но мы справимся.

Я знаю, что через несколько секунд у меня не останется сил, и пусть лучше она поскорей согласится.

Стеффи отвечает – очень тихо и нежно:

– Нет, Элисон. Я не буду проходить химиотерапию. И тебе не позволю при этом присутствовать. Даже если я смирюсь, к тому ограниченному времени, которое мне осталось, прибавится всего пара месяцев. В лечении нет смысла.

Пара месяцев.

Я судорожно хватаюсь за стол. Сейчас упаду. Это невозможно. Я вижу какой-то яркий, необычайно достоверный кошмар. Но я проснусь. Проснусь, и окажется, что всё в порядке.

– Стеффи... Стеффи...

Я задыхаюсь. Мне не хватает воздуха.

– Послушай, Элисон. Послушай очень внимательно.

Она чуть не плачет, и у меня сжимается сердце, когда я слышу, как у нее прерывается голос. Я привыкла, что Стеффи мужественная и храбрая.

– Мне очень жаль, что так вышло. Ни о чем другом я так не жалею. Я собиралась сказать тебе раньше, но не смогла.

– За этим ты и приехала...

Я встаю и начинаю бешено метаться из спальни в гостиную и обратно, как будто пытаюсь убежать от страшного известия.

– Ты тогда уже знала, что больна?

– Да. Только что узнала. Но я боялась представить, как ты тогда будешь на меня смотреть, и откладывала, пока время не начало поджимать.

Я просто была не в силах вообразить твое лицо, твои переживания... Но теперь я всё время уставшая, я ужасно себя чувствую, и ты должна знать, в чем дело.

Я стараюсь контролировать голос и слова.

– Стеффи, чем я могу помочь? Наверняка есть какие-то варианты. Я немедленно к тебе вылечу. Я что-нибудь придумаю. Только не отказывайся. Мы найдем другого врача, другую клинику. Мы всё уладим, слышишь?

– Блин, Элисон, это нельзя уладить! – От ее резкого тона я вздрагиваю, как от удара. – Это нельзя уладить. Точка. Я умру.

То, что говорит Стеффи, наконец доходит до меня во всей полноте, и я невольно застываю на месте. Останавливается время, сердце, жизнь.

– Когда?

Тишина мучительна. Наконец Стеффи отвечает:

– Два-три месяца. Плюс-минус.

Звук, который вырывается из моей груди, очевидно, громок и страшен, потому что рядом со мной тут же оказывается Эсбен. Я прихожу в себя на полу, сама не зная, как оказалась там. Я лежу, вжимаясь головой в ковер и крепко стискивая в руке телефон. Эсбен обнимает меня за талию и пытается поднять. Но я не в силах пошевелиться.

– Не надо ничего говорить, Элисон, – спокойно, очень спокойно продолжает Стеффи. – Всё решено, мне очень жаль, но дальше будет именно так. Я так хочу.

В ее словах я слышу искреннюю боль.

– Это – последний раз, когда мы с тобой разговариваем.

– Нет! Нет! – Я бью рукой по полу. – Стеффи, нет!

– Да. Будет очень плохо, и я не хочу, чтобы ты видела, как я гнию заживо. И – нет, не надо возражать... прекрати. Ничего не говори! – предупреждает она, когда я уже не могу сдерживаться. – Мало того, что тебе придется наблюдать, как болезнь убивает меня. Мне страшно подумать, что после этого будет с тобой. Страшно.

Она на пределе – это ясно – но продолжает, прямо и откровенно:

– Это мой выбор, и я его принимаю. В жизни мне не так часто выпадала возможность что-то решить, но, по крайней мере, в отношении собственной смерти я вольна выбирать. И ты с уважением отнесешься к тому, о чем я прошу. Я люблю тебя и всегда буду любить, но попрощаемся мы прямо сейчас.

У меня всё чернеет перед глазами.

– Нет! – кричу я. – Нет, не надо! Я могу помочь! Могу что-нибудь

сделать!

За спиной я слышу какие-то звуки. Кто-то касается моего плеча. Наверное, это Эсбен – он пытается прижать меня к себе – хотя я уже ни в чем не уверена.

– Я очень тебя люблю, Элисон, – повторяет Стеффи. – Не забывай этого. Но я хочу умереть одна. Не звони, не пиши. Вообще не пытайся со мной связаться. Иначе мне будет еще тяжелее, понимаешь? Каждый звонок, каждая эсэмэска будут напоминать про мою болезнь. Про то, как я себя чувствую. Ну или ты будешь старательно об этом умалчивать, а у меня нет сил притворяться. Я и так уже всё время чувствую себя очень паршиво, а от этого будет намного хуже, и я не хочу на тебя срываться. Потому что ты моя подруга, ты хочешь помочь... но не можешь. Ты ничего не можешь сделать. Никто не может. У меня отличные врачи, отличные медсестры, и... все заботятся обо мне изо всех сил. Я в хороших руках. Просто... я больна. Никто не виноват, но моя болезнь неизлечима. Неизлечима.

Стеффи говорит так откровенно, и боль в груди становится всё сильнее.

– Пожалуйста. Я люблю тебя. Ты моя лучшая подруга. Даже сестра. Я так рада, что ты нашла Эсбена, что ты влюблена и твой парень поможет тебе пережить горе. И Кармен. И остальные. Ты справишься. Понятно? Ты справишься. Обязательно.

Я едва слышу себя через пелену горя.

– Перестань прощаться! Не смей. Господи, Стеффи, не надо. Я люблю тебя. Я так тебя люблю. Не смей говорить мне «до свиданья»! Так нельзя...

– Эсбен у тебя? – спрашивает она – с необыкновенным терпением.

Я не знаю. Ничего не знаю. Где я, что я слышу...

– Эсбен? – Дыхание у меня обрывается, и говорить трудно. – Ты здесь?

– Да, – твердо отвечает он.

Наконец я замечаю, как крепко он меня держит. Я перестаю сопротивляться и позволяю ему поднять мое обмякшее тело с пола. Лежа у него на груди, я отвечаю:

– Да. Он здесь.

– Отлично. Доверься ему. Он поможет тебе пережить это. Так будет лучше.

Стеффи очень спокойна. Проходит много времени, прежде чем она вновь заговаривает, и это пугает меня еще сильнее.

– Мне больно. Я предупредила. Я бы очень хотела, чтобы был другой способ тебя подготовить, но его нет.

Голос Стеффи начинает срываться, и она делается напористой – так,

что по моей спине пробегает ледяная дрожь.

– Я сейчас положу трубку. Так надо. Пожалуйста, пойми: мне этого не хочется точно так же, как и тебе. Если бы я знала, что выдержу, я бы не стала тебя прогонять. Но так правда будет проще. Скажи, что ты всё понимаешь.

– Нет! – Я буквально раскалываюсь на кусочки. – Это неправильно. Позволь мне быть с тобой! Ты всегда и всё делала сама. Но хотя бы не умирай в одиночестве! – умоляю я.

– Именно это я должна сделать одна. Хватит. Пожалуйста, прекрати, – строго говорит Стеффи. – Скажи, что ты всё понимаешь. Скажи, что проживешь интересную, насыщенную жизнь и что моя смерть тебя не остановит. Ты будешь счастлива, правда? Ты будешь счастлива – в память обо мне?

Стеффи упрощает меня, но при этом полностью владеет собой.

– Сделай мне такой подарок, Элисон. Пожалуйста. И отпусти меня.

В ее словах звучит бесконечное отчаяние, и я знаю, что должна буду исполнить просьбу подруги. Если я прилечу, передо мной закроют дверь. Я знаю Стеффи. Я в очередной раз вспоминаю, что она всю жизнь упрямо отказывалась от моей помощи. Любой. Если бы я поняла это раньше, много лет назад, то, возможно, настойчивей требовала бы, чтобы она позволяла мне помогать хоть иногда. Но, очевидно, ее броня в тысячу раз толще моей. После всего, что подруга сделала для меня, не остается ничего другого, кроме как исполнить ее просьбу. Пусть даже я совершенно этого не хочу.

– Ладно, – говорю я сквозь слезы. – Да. Я понимаю. Обещаю. Сделаю всё, что ты хочешь. Я люблю тебя. Люблю тебя, Стеффи.

– Будь храброй. Не бойся. Не бойся. Ты справишься.

Она отключается, и я почти совсем забываю, как надо дышать. Впрочем, кричать я не разучилась.

Эсбен прижимает меня спиной к своей обнаженной груди, пока я плачу. Если бы не он, я бы упала. Я ничего не могу, только рыдаю и отдаюсь раздирающей боли.

Я впервые понимаю, что такое «слепящая боль». Муки, которые я испытываю, лишают меня зрения; вырвавшись из рук Эсбена, я ползу вперед и хватаюсь за что попало. Кушетка несколько раз громко стучится об пол – наверное, это я ею стучу. Разбивается стакан, что-то с грохотом падает. Я катаюсь по комнате, и от собственного воя у меня звенит в ушах.

– Элисон, не надо. Любимая, не надо. – Эсбен хватается за меня, притягивает к себе и заключает в объятия, вынув из моей руки телефон.

Я хочу прильнуть к Эсбену, но ноги подкашиваются, и я падаю на пол.

Эсбен на руках несет меня к постели, осторожно укладывает и ложится сам, лицом ко мне. Я цепляюсь за него, плачу и умоляю:

– Хватит! Прекрати! Сделай так, чтобы это закончилось!

Я снова и снова выкрикиваю имя Стеффи, а потом вдруг замолкаю, вытираю глаза и смотрю на Эсбена.

– Подожди. Ты ведь можешь всё исправить. Ну, давай. Сделай что-нибудь.

Он непонимающе качает головой.

– В чем дело? У Стеффи какие-то проблемы?

Я с силой толкаю его.

– Она снова заболела. Давай, скажи, что ты это разрулишь. Сделай что-нибудь! Хоть кто-то же должен знать, как ей помочь.

Эсбен громко выдыхает.

– Стеффи говорит, что больна смертельно, но она наверняка ошибается. Мы этого не допустим. Помогите. Поверните время вспять. Ты наверняка можешь что-то сделать. Ну так не тяни – ради меня. Пожалуйста, Эсбен, пожалуйста...

Он прижимает меня к себе, и я пытаюсь сопротивляться, но сил уже нет.

– Мне очень жаль... – начинает Эсбен.

– Нет-нет-нет, не надо так говорить. Не надо! Пожалуйста. Всего одно маленькое чудо. Ты же волшебник, ты можешь что-нибудь придумать.

Я снова плачу, потому что знаю, что схожу с ума и прошу невозможного.

– Я бы сделал для тебя что угодно. Честное слово. Но тут я бессилен. Господи, я так тебе сочувствую.

Я срываюсь. Несколько часов плачу и задыхаюсь от боли, а Эсбен утешает меня. В конце концов слезы заканчиваются, голос срывается, а горло так болит, что тело начинает бунтовать и отказывается плакать дальше. Я опустошена.

Глава 25

Спасение

Проходит три недели, прежде чем я прихожу в какую-то норму. Я посещала лекции и выполняла задания, но за пределами этого либо ничего не ощущала, либо постоянно рыдала от горя. Я лишилась всех сил, и понадобилось очень много времени, чтобы вновь научиться дышать. Но я борюсь. Я знаю, что Стеффи хочет этого. Она бы расстроилась, если бы узнала, какой эффект произвела на меня ее болезнь, поэтому я должна выбраться из бездны отчаяния любой ценой.

Помощь Керри и Кармен бесценна. Они очень терпеливы и позволяют мне выплакаться, когда я в этом нуждаюсь. Хорошо, что у меня есть новые друзья, – но я постоянно напоминаю себе, что вовсе не пытаюсь заменить ими Стеффи. Эта мысль возникает чаще, чем хотелось бы. А друзья Эсбена, Джейсон и Дэнни, заключают меня в свои медвежьи объятия так часто, что просто удивительно, почему я еще не покрылась синяками. Но каждый раз, когда меня утешают, я вспоминаю, что рядом со Стеффи нет никого, кто утешил бы ее. Переносить отчуждение подруги ничуть не проще от того, что это было ее решение и сознательный выбор.

Через три дня после звонка Стеффи я обо всем рассказала Саймону. Он хотел приехать, но я отказалась. Я подумала, что, увидев его, снова сорвусь, ведь мы оба так любим Стеффи.

Однажды субботним утром я просыпаюсь – и принимаю решение провести этот день самым обычным образом. Я должна прийти в себя.

В пустой комнате снова скапливаются неоткрытые посылки от Саймона. Всюду хаос и застой. Нужно понемногу двигаться дальше, поэтому я, для начала, открываю самую большую коробку.

Через несколько дней после звонка Стеффи я выяснила, что разбила кофеварку и стеклянный кофейник, а также опрокинула свой маленький холодильник, переколовив внутри все бутылки. Я ничего этого не помнила: Эсбен прибрался, прежде чем я увидела беспорядок, который развела. Наверняка я сломала что-то еще. Но какая разница?

Впрочем, кофеварки мне действительно не хватает. Каждый раз я ее машинально ищу – и меня непременно накрывают воспоминания о случившемся и новый приступ боли.

Теперь я аккуратно достаю из коробки новую кофеварку и кружки и

расставляю их на столе. Всё выглядит совсем как раньше, но это иллюзия. Потому что жизнь изменилась.

«Я храбрая. Не буду бояться. Не буду».

Надо двигаться дальше.

Еще слишком рано, чтобы сказать, что день удался. Попытаюсь в течение этого дня хотя бы не срываться каждую минуту. Эсбен ушел, когда я спала, и я не знаю, где он. Час я трачу на уборку, затем меняю постельное белье, моюсь, сушу волосы, варю кофе и в целом делаю вид, что моя душа не представляет собой кровавые ошметки.

В начале двенадцатого входит Эсбен, стряхивая снег с волос.

Он светлеет, бросив на меня взгляд.

– Привет, детка. Хорошо выглядишь.

– Я помылась и надела что-то помимо пижамы, – отвечаю я, пытаюсь улыбнуться. – Решила, что однажды это должно случиться.

Эсбен вешает куртку и обнимает меня.

– Я знаю, что тебе тяжело, – говорит он и гладит мою спину. – По-прежнему ничего?

Он постоянно это спрашивает, хотя мы оба знаем, что Стеффи не напишет. Я прижимаюсь к Эсбену и качаю головой:

– Ничего.

Каждый день я звоню ей. Каждый божий день. Надеюсь, что она передумает и разрешит мне приехать. Но Стеффи не отвечает на звонки. Каждый раз я слышу автоответчик. Иногда я оставляю сообщение, иногда нет, потому что никакие мои слова до сих пор не изменили ее решения. Я попросила Эсбена и Саймона позвонить Стеффи, но она просто скрылась от мира. Все странички в соцсетях закрыты, электронные письма возвращаются как «неотправленные».

Я прерывисто вздыхаю.

– Наверно, пора остановиться. Она этого хотела. Нужно смириться.

– Да, наверное, – негромко отвечает Эсбен.

– Но я постоянно представляю, что она переживает сейчас и как себя чувствует. Больно ли ей и кто окружает ее в больнице... – Я с трудом дышу, когда выговариваю эти слова. – Насколько всё плохо. И сколько... – Я начинаю задыхаться. – И сколько еще осталось. Стеффи страшно? Может быть, одиноко, грустно? Или она злится?

С ума сойти, я говорю это вслух. К такому я не готовилась.

– Думаешь, кто-нибудь позвонит мне, когда... когда она умрет?

– Да. Конечно. Стеффи об этом позаботится.

Уверенность в голосе Эсбена немного успокаивает меня.

– Стеффи всегда напоминала самоотверженную мать, которая пойдет на что угодно ради своего ребенка. Она заботилась обо мне гораздо чаще, чем принимала помощь от меня. Так было всегда. И это неправильно. Я спасла ее один раз, когда дала в глаз тому парню. И теперь я хочу сделать то же самое. Прогнать рак. Прогнать боль. Эсбен, я бы охотно поменялась с ней местами, честное слово.

– Знаю. Но Стеффи такой человек, и ты не в силах изменить ее характер, особенно сейчас. Это ее выбор. Если ей легче ждать смерти в одиночестве, без тебя, позволь Стеффи это сделать.

Я киваю, стараясь сохранять спокойствие.

– Мне надо отвлечься. Подумать о чем-нибудь другом. Хотя бы ненадолго.

– Правильно. Чего ты хочешь?

Его объятия и ставшая такой привычной забота заставляют меня желать большего. Эсбена не бывает слишком много. Поэтому я поднимаю голову и целую его.

– Вот это. Вот чего я хочу.

Я провожу рукой по его груди, по плечам, начинаю расстегивать рубашку...

У Эсбена перехватывает дыхание, когда я касаюсь ремня брюк.

– Элисон, ты уверена? Мы этого не делали... с того самого утра.

Я касаюсь губами и языком его шеи, и Эсбен одним быстрым движением подхватывает меня и несет в спальню. Я обвиваю ногами его талию. Прикосновения Эсбена, то, как он двигается и дышит, напоминают мне, что я живая. Это именно то, что надо. Вместо того чтобы раствориться в Эсбене и его любви, я делаю обратное. Вновь обретаю себя.

Потом, когда я лежу у него на груди, а мое тело еще переживает бешеный ритм, Эсбен спрашивает:

– Ты в порядке?

– Кажется, да. По возможности.

Я перекатываюсь на живот и приподнимаюсь на локтях.

– Лучше, чем с утра.

– Я так рад, что ты снова улыбаешься, – говорит Эсбен, но я знаю, что он волнуется за меня.

– Стараюсь, – отвечаю я, поцеловав его. – А где ты был сегодня утром?

– Ах да... – Он смеется и тянется через меня за телефоном.

Эсбен показывает мне свою домашнюю страничку, и я несколько минут читаю. И улыбаюсь.

– Этот старичок сидел в кофейне, куда ты меня водил. Я его помню. Ты

подарил ему щенка?

Эсбен пожимает плечами:

– Он сидит там каждый раз, когда я захожу, и вид у него всегда очень грустный. Мне это не давало покоя. Я с ним заговорил, и оказалось, что он совершенно одинок. Единственная дочь живет на другом конце страны и звонит ему раз в год. Он был такой расстроенный и подавленный, и я подумал... ну, щенок – это же здорово. Я свозил его в приют и помог выбрать маленького черного лабрадора. Правда, хорошо?

Я увеличиваю картинку. Щенок, несомненно, очаровательный, настоящий меховой клубочек, но не это самое главное.

– Боже, твой старичок просто светится. Посмотри, он по-настоящему счастлив!

– Ну да. Он на пенсии и целый день дома. Идеальный хозяин.

– А в приюте было очень уныло? Все эти собаки, которые никому не нужны...

– Честно говоря, да.

– Мне всегда было жалко взрослых собак, которых никто не хочет брать. Все просят себе щеночка, ну или, по крайней мере, молодого пса, а взрослые животные торчат в приюте годами. Прямо как я, – усмехнувшись, говорю я.

Эсбен проводит пальцами по моему обнаженному плечу.

– Люди сами не знают, чего лишаются.

– Когда-нибудь я возьму из приюта безобразную взрослую собаку. Такую страшную, что я одна на целом свете буду считать ее милой. Самую неприглядную.

– Отличная идея.

Эсбен, видимо, на меня влияет: я наполняюсь энергией и начинаю гуглить «некрасивых собак», «взрослых собак» и «собак, которых никто не хочет брать». Пока я лазаю по Интернету, Эсбен молчит. Потом я смотрю на браслет у себя на запястье и говорю:

– Есть идея.

Улыбка Эсбена просто заразительна. Он восторженно притягивает меня к себе и щекочет.

– Я ждал этого. Слушаю тебя.

Я смеюсь:

– Ты еще даже не знаешь, о чем речь!

– Знаю!

Я закатываю глаза.

– Ну конечно. Ведь ты сам, можно сказать, это придумал. Ну, так ты

мне поможешь?

– Разумеется. За дело.

– Прямо сейчас?

– Сейчас.

Он хватает сброшенную нами одежду и заваливает меня джинсами и рубашками.

Я радуюсь жизни впервые после звонка Стеффи, и мне даже неловко от того, что я смеюсь не переставая.

– Я так рада.

– Вот и умница. – Эсбен садится и запускает руки мне в волосы. – Я тобой горжусь.

– Думаешь, у нас получится? В приюте не будут возражать?

– Ни за что.

Звонит мобильник, и я подсказываю. Всегда есть шанс, что позвонит Стеффи.

– Привет, Саймон. – Я делаю большие глаза и пытаюсь прикрыться рубашкой, которую Эсбен бросил на кровать. Невозможно говорить с Саймоном, когда я полуголая и мой парень сидит на мне!

– Только не сердись, – говорит Саймон. – Я просто забеспокоился. Очень. Короче, я еду к тебе.

– Я совсем не сержусь, но зачем ты...

Я соскальзываю с постели и приседаю в странной позе, пытаюсь одеться одной рукой. Эсбен начинает смеяться, и я сердито смотрю на него, приказывая замолчать.

– Когда ты приедешь?

Саймон откашливается.

– Примерно через шесть минут.

– Шесть минут!

Эсбен выскакивает из постели и натягивает белье и джинсы.

– Ух. Ну ладно.

По моим волосам скорее всего видно, что я недавно занималась сексом. Я лихорадочно принимаюсь причесываться, пока Эсбен помогает мне надевать лифчик.

– Ты не против съездить в одно место с Эсбеном и со мной? Мы тут кое-что придумали.

– Как угодно. Я просто хочу тебя увидеть. Буду ждать там, где оставил машину, когда привез тебя в колледж в сентябре.

Мы поспешно собираемся и выскакиваем. Я осматриваю улицу в поисках машины Саймона, но, видимо, он еще не подъехал. Мы стоим на

крыльце и с каждой секундой всё сильнее мерзнем; чтобы скоротать время, Эсбен дарит мне обжигающий поцелуй. Когда его язык начинает всерьез меня воспалять, раздается громкий гудок, от которого я подсакиваю. Я снова оглядываюсь, но Саймона по-прежнему нигде нет. Я собираюсь повернуться к Эсбену и продолжить, однако гудок звучит опять, на сей раз громче. Я отодвигаюсь и смотрю по сторонам.

– Подожди... это Саймон?! – Я спускаюсь с крыльца и смотрю на блестящую серебристую машину. – О боже... ну да.

Я подбегаю к машине и вижу улыбающегося Саймона, который машет мне.

Он опускает стекло.

– Привет, ребята!

– Вот это тачка! – восклицает Эсбен.

– Когда ты успел купить «Порше»? – спрашиваю я. – С ума сойти!

– На старой машине я накатал почти двести тысяч миль, – отвечает Саймон, пожав плечами. – Вот и подумал: почему бы нет? Залезайте. Вы, наверно, замерзли. Хочешь за руль?

– Ни за что, – говорю я, качая головой. – Побойсь ее разбить.

Саймон показывает мне язык.

– Эсбен, а ты готов?

– Серьезно? Конечно, готов! Вы уверены?

Вместо ответа Саймон выходит и направляется к пассажирскому месту.

– Йо-хо-хо! – восклицает Эсбен и лезет за руль.

Прежде чем сесть, Саймон крепко обнимает меня, и я чувствую, что мою грудь переполняют эмоции.

– Я так рада, что ты приехал. Спасибо.

– Я всегда буду рядом. Ты справишься. Обязательно.

Через двадцать минут мы идем по длинному коридору приюта, уставленному металлическими клетками. Мы посвятили Саймона в наш план, и он пришел в восторг. Собачий лай торжественно звучит в моих ушах, и я едва слышу Фэйт, сотрудницу приюта, которая время от времени останавливается, чтобы рассказать нам про отдельных питомцев. Именно она помогла Эсбену найти подходящего щенка для старика – и немедленно оценила мою идею. Мы решили сфотографировать собак и поведать нашим подписчикам о том, какие они все необыкновенные, в надежде поощрить потенциальных хозяев. Моя задумка – сделать так, чтобы люди начали мыслить шире, чтобы они обращали внимание не только на милых пушистиком. Пока Фэйт рассыпается в комплиментах, я подмигиваю

Эсбену и шагаю дальше по коридору, заглядывая в вольеры.

Я останавливаюсь перед огромным косматым псом. Ноги у него непомерно длинные, шерсть странного цвета, морда непропорционально большая. Это не самая привлекательная собака в приюте, и я немедленно в нее влюбляюсь. Она сидит в углу вольера, и я вижу печальные темные глаза, полускрытые завитками меха. Воплощенное уныние. Когда я присаживаюсь и окликаю пса, он даже не подходит. Наоборот – он отворачивается. Я читаю надпись на табличке, которая висит снаружи клетки.

– Эсбен, – зову я громко, чтобы перекрыть лай. – Посмотри. Давай начнем с этого малыша.

Он кивает, и Фэйт приносит поводок.

– Можете вывести его, если хотите. Там лучше освещение. Это Брюс Уэйн, – говорит она с просительным выражением лица. – Мы даем собакам смешные имена, чтобы привлечь потенциальных хозяев. Звучит глупо, но, как ни странно, помогает. Брюс очень застенчивый. Он у нас уже два года, а до этого четыре года прожил в другом приюте. Ему девять, и... – Фэйт останавливается на мгновение, – никто никогда даже не просил разрешения вывести его на прогулку. У меня просто сердце разрывается. Мне он очень нравится, и я бы сама его взяла, но шестую собаку просто не потяну. А ему так нужно отдохнуть...

– Можно с ним погулять? – спрашиваю я.

– Конечно. Он нервничает, так что не спешите. Но вообще Брюс очень ласковый.

Я смотрю на Саймона, и он одобрительно кивает:

– Ты знаешь, что делаешь. Наверняка знаешь.

Он прав. Я хорошо понимаю этого пса. Слишком хорошо.

Краем глаза я вижу, что Эсбен достает телефон, чтобы запечатлеть результат.

Дверца вольера распахивается; я медленно наклоняюсь и вползаю внутрь, держась поближе к входу.

– Привет, Брюс, – негромко говорю я. – Привет, мальчик.

Он не отзывается. Тогда я сажусь, прислонившись к бетонной стене.

– Всё хорошо. Я просто посмотрю на тебя.

И я смотрю. Долго. Каждые несколько минут Брюс мельком взглядывает на меня и отворачивается. Я подбираюсь на шаг ближе, говорю несколько ласковых слов и снова жду. Я проведу тут целый день, если понадобится. Когда я подхожу почти вплотную, он вдруг разворачивается и внезапно, без предупреждения, кидается навстречу. Сначала я пугаюсь,

подумав, что этот великан сейчас меня загрызет, но оказывается, он просто решил забраться мне на колени. Он такой огромный, что едва на них помещается, но я не сопротивляюсь. Брюс наваливается на меня всем весом. Я смеюсь и глажу его. Он вонючий, неуклюжий и необыкновенно милый. Я касаюсь лицом пахнущего псиной меха, чтобы этот добрый пес почувствовал, как сильно я его люблю, какой он хороший. Брюс начинает вилять хвостом.

– С ума сойти, – говорит Фэйт, медленно входя и подавая мне поводок. – Он ни разу не вилял хвостом, с тех пор как оказался здесь. Ни разу. У вас просто волшебные руки.

Я чешу Брюса за ухом и застегиваю ошейник. Виляние еще усиливается, когда я встаю и тяну пса наружу. Я потрясенно смотрю на Саймона, и его лицо отражает все мои чувства.

– Пойдем гулять, что ли, – произносит он.

Брюс буквально тащит меня по коридору, вслед за Фэйт, и я смеюсь от восторга, когда мы выходим в просторный огороженный дворик. Жаль, что поводок слишком короткий. Обезумевший Брюс радостно скачет вокруг. Я снова глажу его, и он плюхается на спину, подставляя брюхо. Всё это так странно – печальная жизнь Брюса, похожая на мою... Хотя мой внешний вид вряд ли был единственным фактором, смущавшим приемных родителей, у нас с Брюсом и правда есть нечто общее: мы никому не нравились. Совершенно искренне и без всякой объективной причины. Никто не хотел нас брать. Вначале мы оба были полны сил и энергии, но с течением лет утратили всякий оптимизм. Это трудно было не заметить. Я понимаю, почему мы не пользовались успехом.

Но я учусь на чужих ошибках. И мне известно, что под безобразным обликом у этой собаки кроется золотое сердце.

– Саймон, правда, он милый? Большинство людей, конечно, не обратят на него внимания, но он необыкновенный, правда?

Саймон опускается на колени.

– Да. Посмотри. В душе он веселый щенок. Ну разве ты не прелесть, Брюс? Большой мальчик, которому немножко не повезло в жизни, да? Теперь тебе лучше? Да?

Он воркует и почесывает живот Брюса.

– Элисон напомнила тебе, что ты тоже достоин любви. Не меньше остальных. Да?

Следующие десять минут все возятся с Брюсом. Мы позируем Эсбену, стараясь продемонстрировать, какая это замечательная собака.

– Я повесил пост! – радостно говорит Эсбен. – Там видео и фотки.

Брюса наверняка заберут сегодня же. И табличку с его биографией я тоже выложил. Так, ну что, тут еще куча собак, которых надо сфоткать, поэтому давайте...

– Эсбен, – произносит Саймон каким-то странным голосом. – Кажется, я сейчас попрошу тебя отредактировать пост.

– В смысле? – спрашиваю я.

Хотя всё уже понимаю. И качаю головой. Какой же потрясающий человек Саймон.

– Потому что, – продолжает Саймон, горделиво выпрямляясь и не сводя глаз с Брюса, – потому что мистер Брюс Уэйн уже нашел себе новый дом. Если дирекция приюта согласна.

Фэйт улыбается:

– Сейчас приготовлю бумаги.

Я снова присаживаюсь и глажу Брюса.

– Саймон, ты уверен? Ты вовсе не обязан... Ты правда хочешь взять большую старую собаку? Которую тебе придется везти домой в новеньком «Порше»?

– Да. Хочу. И я ни за что не брошу этого мальчика после того, что увидел здесь. По-моему, он будет очень круто смотреться в машине рядом со мной. Кто знает? Может, он станет моим талисманом, и меня засыплют приглашениями на свидания... – Саймон наклоняется и кладет ладонь мне на плечо. – Кроме того, нужно немного отвлечься. Сейчас нам нелегко, а будет еще тяжелее.

Он прав. Я знаю, что Саймон тоже переживает из-за Стеффи.

– Наша семья просто станет чуть больше. – Он пытается ободряюще улыбнуться. – И сильнее!

Саймон позировает с пускающим слюни Брюсом, и Эсбен ставит тэги: #брюснашелновыйдом #папамоейдевушкиэлисон #этопобеда

Пока я, с идиотским выражением лица, держу на руках рэт-терьера, который больше похож на крысу, чем на собаку, Эсбен проверяет комменты.

– Люди просто в восторге!

– Да? – спрашивает Саймон, бросая Брюсу мячик, на который тот не обращает никакого внимания.

– Слушайте, Саймон, – с улыбкой говорит Эсбен. – Кажется, у вас появился настоящий фан-клуб.

– Да?

– Зайдите в Фейсбук.

Саймон достает телефон.

– Пятьдесят восемь запросов на добавление в друзья! И... десять личных сообщений.

– Куча народу поставила тэг #клевыйпапа, – со смехом замечает Эсбен.

– Супер. Наверное, сплошь женщины. – Саймон нарочно надувается.

– Э... нет. – Эсбен помахивает телефоном. – Много комментов от мужчин. В том числе есть и симпатичные.

– Правда? – Впервые за целый час Саймон отрывается от собаки. – Я посмотрю...

Я фоткаюсь с бесчисленным множеством собак и улыбаюсь так, что щеки болят. Меня переполняет ощущение, что я и правда могу принести какую-то пользу этим собакам, на которых все махнули рукой. В процессе я еще лучше понимаю Эсбена. Помощь другим – воистину целительная сила.

Эсбен выкладывает последнее фото – я с необыкновенно милым золотистым лабрадором, который непонятно почему еще не нашел себе хозяина, – и я прислоняюсь к нему.

– Этот пес просто прелесть. Грустно, что он совсем один. Но я знаю, что скоро он найдет новый дом. Его будут любить, и он забудет свое прошлое. Я это знаю, – говорю я, вдыхая запах Эсбена. – Мне теперь намного лучше. Спасибо.

– Это всё ты придумала, любимая. Только ты. – Эсбен обнимает меня и притягивает ближе.

– Один день пережит, – объявляю я, стараясь говорить как можно увереннее и храбрее. – Теперь надо как-то пережить следующий.

– Давай что-нибудь делать каждый день, если хочешь, – предлагает Эсбен. – Пока тебе это будет нужно.

Возможно, мы так и поступим. Я пока не представляю, как жить в ожидании звонка.

Звонка с известием, что Стеффи умерла.

Глава 26

Социальная катастрофа

На второй неделе марта погода начинает улучшаться. Отличный повод куда-нибудь смотаться на каникулы. Мы с Саймоном собирались съездить в Вашингтон и посмотреть всякие интересные места, но случилась огромная забастовка сотрудников авиалиний, и наши билеты пропали. Я расстроена, но в то же время так измучена от ночной зубрежки и бесконечных контрольных, что не прочь отдохнуть, никуда не выезжая. Саймон предлагал мне провести каникулы с ним, но, полагаю, он не станет возражать, если я просто решу проспать целую неделю.

Эсбен и Керри завтра отправятся домой, а я останусь в кампусе, в числе немногих студентов, которые никуда не поедут на каникулы. Но вообще-то я не против тишины. Мне хочется побыть одной, и это здоровое желание, в отличие от того, что было в прошлом году. Я горжусь своими успехами.

Эсбен стремительно стучит по клавишам ноутбука, и я, лежа на кровати, поднимаю голову, чтобы посмотреть, чем он занят. Он сидит, прислонившись к стене и положив ноги поверх моих. Судя по суровому выражению лица, настроение у него не лучшее. Я закрываю глаза на несколько минут. Мы оба совершенно вымотались за минувшую неделю, хотя я все-таки не вполне понимаю, что такое с Эсбеном. Он без особого труда написал две большие контрольные, но в последний месяц что-то явственно не дает ему покоя. Это лишь случайные проблески, но я их замечаю. Я пыталась расспрашивать, но Эсбен неизменно заверял, что всё в порядке.

Сомневаюсь.

Видимо, я заснула. Когда Керри, едва успев постучать, вбегает в комнату, я испуганно подскакиваю.

– Привет, мои милые, – говорит она.

Я отвечаю не сразу:

– Привет, Керри.

Я тру глаза и зеваю.

– Ты прямо светишься.

Она кружится.

– Потому что я очень счастлива. Я влюблена, схожу с ума, полна

энергии и всё такое.

Керри украдкой смотрит на брата, который не отрывается от экрана, а затем, подняв брови, переводит взгляд на меня:

– Я хотела поговорить с тобой.

– Конечно, – отвечаю я. – Подожди минутку.

– А это что за грубиян? – спрашивает она.

Мне приходится подтолкнуть Эсбена локтем, чтобы отвлечь от ноутбука.

– А? Что? Ой, Керри, извини.

– Привет, Синий мальчик. Ты чего такой мрачный?

– Честно говоря, я даже не представлял, сколько дерьма тебе приходилось фильтровать в Сети.

– В смысле? – спрашивает Керри.

Она садится на стул и хмурится.

Эсбен крутит головой, чтобы размять шею.

– Ты перестала удалять дурацкие комменты и банить троллей.

– Ой, – Керри мрачнеет. – Я как-то забыла. Прости, пожалуйста, Эсбен.

– Не извиняйся. Ничего страшного. Ты... занята. У тебя бурная личная жизнь. Я всё понимаю. Это здорово. Просто мне пришлось почистить посты за несколько прошлых месяцев, и... теперь я прозрел, – говорит он почти бесстрастно. – Я и не осознавал масштаб... уровень агрессии.

Он качает головой. Выражение лица у него довольно жуткое.

– Какое-то невероятное количество злобы. Ее слишком много. Слишком.

Керри перестает улыбаться.

– Эсбен, это же просто идиоты.

– Надо их игнорировать, – говорю я, но без особой уверенности.

– Как мне игнорировать, например, вот этого типа?! Я сейчас открыл пост про день рождения Кэсси. Какой-то придурок написал... – Эсбен качает головой и несколько раз переводит дух, прежде чем прочесть: – «Девчонка реально очень стремящаяся. Я бы тоже не пошел, бугага». А под фоткой маленького шнауцера из приюта написано: «Фу, блин, какая мерзость, его давно надо было пристрелить».

Эсбен бьет кулаком по стене.

– Всякие гадости про нашего профессора и его бывшего друга. Про Элисон и про меня. Отвратительные, мерзкие оскорбления, которые я не буду читать вслух. Я их уже удалил. Но почему? – спрашивает он, безнадежно глядя на нас. – Почему? Я не понимаю. И не пойму. И не хочу. Не желаю понимать этих людей.

– Блин... – Керри проводит рукой по волосам. – Это я виновата. Слушай, всегда так было, но обычно я успевала поудалить пошлятину. Извини, пожалуйста. Ты не должен был это видеть...

Эсбен внезапно повышает голос:

– Нет, должен! Я должен был видеть каждое слово. Ты слишком меня оберегала, а я смотрел на мир сквозь розовые очки. Я и раньше, конечно, видел в Сети много гадостей, но... это уж как-то слишком. Я дошел до предела.

Он фыркает и трет глаза.

– Господи, я наивный идиот. Я, оказывается, хочу видеть вокруг только добрых, порядочных людей, которые поддерживают меня и благодарят за потрясающее видео. Я был как слепой. Да еще придирался к неграмотным комментам. Что, люди, типа, совсем писать разучились?

Керри мягко отвечает:

– Не обращай внимания на всяких придурков. Они ничего не понимают. То, что они пишут, не имеет отношения к нам. Оторвись, пожалуйста, от компа и послушай. Чтобы делать то, что делаешь ты, надо держать в уме, что не все тебя будут поддерживать и отвечать так, как тебе хочется. Так, как должен реагировать нормальный человек.

– Не знаю.

Эсбен позволяет ноутбуку скатиться на кровать.

– Я не согласен. Seriously, ну в чем смысл? Я никого не могу заставить измениться, ведь так? А раньше я думал, что реально меняю людей. Очень глупо, да? Посмотри на Кэсси. Господи, кем надо быть, чтобы написать гадость о ребенке? Не знаю... не могу понять. И это только верхушка айсберга. Что еще я пропустил?

– Эсбен... – говорит Керри с тревогой. – Это неважно. Единомышленников у тебя намного больше.

Он качает головой:

– Не знаю, верить ли им.

– Ты разве забыл, скольких собак разобрали по домам? Забыл, как Фэйт написала тебе в диком восторге? Потенциальные хозяева буквально засыпали приют письмами, не говоря уже о пожертвованиях со всей страны. Их едва успевали принимать!

– Это правда, – соглашается Эсбен.

– А мама Кэсси на прошлой неделе написала тебе очередное благодарственное письмо, – напоминает Керри.

Я кладу ноутбук обратно на колени Эсбена.

– Ты знаешь, как дела у Кристиана – у того мальчика, с которым ты

танцевал? Посмотри. Кажется, у него всё очень хорошо. У тебя сразу поднимется настроение.

Эсбен медлит. Когда я кладу его руки на клавиатуру, он улыбается.

– Ладно, ладно. Возможно, ты права.

– А пока будешь читать, – говорит Керри, – пусть Элисон угостит меня какими-нибудь вкусняшками от Саймона. Уже давно пора обедать, и я умираю от голода.

Она потирает руки с таким ненасытным видом, что я невольно начинаю смеяться.

– Конечно.

Я глажу Эсбена по плечу и выбираюсь из постели.

– На этой неделе, – официальным тоном объявляю я, – у нас маринованные артишоки, три сорта оливок, печенье с розмарином, запеченный паштет, соус из жареного красного перца. Саймон, кажется, решил прислать лучшие закуски.

Керри прижимает ладони к груди.

– Господи, я его обожаю.

Раскладывая всю эту потрясающую еду в своей убогой гостиной, я чувствую себя немного глупо, но Керри просто в восторге и ест за двоих.

Мы уже наполовину прикончили паштет, когда из соседней комнаты слышится вопль Эсбена:

– Черт! Черт!

Мы замираем.

– Всё! К черту! Хватит! – кричит он с неслыханной прежде яростью.

– Эй, Синий мальчик, что случилось? – спрашивает Керри, стараясь говорить спокойно.

Эсбен появляется на пороге, держа в руке открытый ноутбук.

– Ты хотела, чтобы я посмотрел, как дела у Кристиана? Я это сделал и просто счастлив! Теперь я точно знаю, что так будет всегда: шаг вперед и сто назад.

– Что случилось? Что? – спрашиваю я.

Эсбен, кажется, на грани слез.

– Помнишь тот пост? Когда, типа, все его поддерживали. Так вот, это ерунда. Потому что есть два человека, которые не порадовались за Кристиана. Ни капельки. Его родители. Они понятия не имели, что он гей. Они решили, что это отвратительно, и вышвырнули его из дома. Вообще перестали с ним общаться.

Ноутбук дрожит у него в руке.

– Сейчас Кристиан в основном живет у друзей, но несколько раз ему

уже приходилось ночевать в парке. И он понятия не имеет, что делать в следующем году и как заплатить за колледж, ведь уже слишком поздно просить стипендии...

– Боже мой, – негромко произношу я.

– Он понятия не имел, что его родители так отреагируют.

Эсбен вдруг швыряет ноутбук об стену, и мы с Керри вздрагиваем.

– Что это за люди? Кем надо быть, чтобы так ненавидеть собственного ребенка? Что за сумасшедший дом? Объясните мне! Это я виноват. Я. Не нужно было лезть к Кристиану. Если бы я не пристал к нему, он не потерял бы семью.

Эсбен буквально обезумел. С каждым словом он говорит всё громче:

– Кто знает, сколько еще вреда я причинил? Взять хоть этих собак. Вдруг они попали в руки живодеров, которые будут их бить или морить голодом! Никому нельзя помочь. Во всяком случае, без последствий. Нельзя.

Он меряет комнату шагами.

– Кончено. Хватит. Я ставлю точку. Закрою свои страницы, всё удалю. К черту. Знаешь что, Элисон? Наверно, ты была права. Людям нельзя доверять. Они подводят. Когда речь идет о чем-то большом и серьезном, тебя обязательно кинут.

– Хватит, – резко говорит Керри.

– Но это правда! – кричит Эсбен. – Что бы я ни сделал. И время тоже нельзя повернуть вспять, не так ли, Керри? Ни для тебя, ни для других. Невозможно изменить прошлое.

– Никто и не ждет, что ты повернешь время вспять, Эсбен, – произносит Керри – негромко, но очень уверенно. – И никто этого не просит. Ты сделал мою жизнь намного лучше и помог мне исцелиться. Огромным количеством способов. Ты это знаешь. Ну же! Ты знаешь! – твердо повторяет она.

Эсбен ее не слушает.

– Я только подливаю масла в огонь! – выпаливает он. – Создаю место, где люди могут свободно выражать свою ненависть. Господи, это и есть конечный результат того, что я делаю?! Я даю тысячам идиотов возможность обосрать чужую надежду, любовь и так далее? В этой игре нельзя победить...

– Не говори так, пожалуйста, – прошу я. – Не забывай о тысячах людей, которых ты растрогал и ободрил. Их голоса звучат громче. Посмотри на меня! Вспомни, как ты помог мне! Как изменил меня, сделал сильнее и энергичнее, чем когда-либо!

Эсбен на мгновение смягчается.

– Ты – другое дело, Элисон. Совсем другое. Мы были один на один. Это касалось только нас с тобой. Ну и, кроме того, ты – необыкновенный человек. А в Сети, с толпами подписчиков, всё совсем не так...

Прежде чем я успеваю подойти к нему, он распахивает дверь и выходит.

– Мне пойти за ним? – спрашиваю я у Керри.

– Не надо. Я сама. Попробую его успокоить... – Она медлит на пороге. – Элисон, не огорчайся. Даже я знаю, что хороших людей больше, чем плохих. У Эсбена взрывной темперамент, вот и всё. В этом есть и плюсы, и минусы... – Она похлопывает ладонью по двери. – Эмоциональные люди бывают необыкновенно щедры и ужасно чувствительны. Сейчас Эсбену больно. Это побочный эффект победы. Дай нам немножко времени, ладно? Всё будет хорошо. Он не первый раз так взрывается – и не последний.

Ноутбук Эсбена лежит на полу, и я поднимаю его, чтобы оценить повреждения. Когда я беру ноутбук за основание, экран отваливается, и на пол сыплются осколки. Пройдясь по ковру пылесосом как минимум четыре раза, я убираю еду, которой лакомились мы с Керри, затем сажусь на безобразную оранжевую кушетку и жду.

Жду. Намного дольше, чем рассчитывала.

Я скучаю по Саймону. Может, надо поехать к нему вместе с Эсбеном и Керри на этой неделе. Я позволяю себе отвлечься, думая о Саймоне, потому что мне очень тревожно и неудобно из-за всего, что происходит. Страшно подумать, что мужчина, которого я так люблю, переживает кризис.

Через сорок пять минут после ухода Эсбен и Керри возвращаются. Эсбен, кажется, пришел в себя, и я немного расслабляюсь.

Едва успев войти, он говорит:

– Элисон, прости, я вел себя как ненормальный...

– Перестань. Ничего страшного. Не извиняйся, не надо.

Я похлопываю по кушетке рядом с собой, и он садится.

– Я даже не представляю, каково это – делать то, что делаешь ты. В таком масштабе. Ты тратишь много душевных сил, и я прекрасно понимаю, что можно... отчаяться. Подумать, что бой заведомо проигран.

– О да.

– Одна негативная фраза как будто перевешивает тысячу позитивных откликов. В море любви ты видишь одного-единственного тонущего человека...

Унылое лицо Эсбена кажется незнакомым.

– Да.

Керри садится на пол и смотрит на брата.

– Если ты хочешь прекратить или сделать перерыв, ничего страшного.

Его жесты, выражение лица, свидетельствующее о внутренней борьбе... за этим страшно наблюдать.

Эсбен растерян.

Он долго думает, прежде чем сказать:

– Видимо, так и надо. Вряд ли у меня есть выбор. Всё вышло из-под контроля, и я ничего не могу поделать. Наверно, и никогда не мог, но мои подписчики...

– Правда, – соглашается Керри. – С осени их стало намного больше. В Твиттере – около семисот тысяч. Просто безумие какое-то. Не бывает, чтобы к человеку, который проявляет такую активность в Сети, в процессе не прицепились какие-нибудь придурки. Это несправедливо, утомительно... и бесит.

Эсбен – воплощенные боль и скорбь.

– И сейчас они заглушают остальные голоса. Это совсем не то, на что я рассчитывал... – Он хватается сестру за руку. – Керри, ты не виновата. Ты слишком много брала на себя. Оберегала меня. Я понимаю.

– Ну так уйди из Сети, – предлагает она. – Просто уйди в офлайн.

– Элисон, ты не против? – Эсбен поворачивается ко мне, необыкновенно встревоженный.

– Совершенно, – отвечаю я. – Я не хочу, чтобы ты был несчастлив. Ты думал, что это будет весело... что количество любви в мире увеличится. И что ты станешь счастливее. Но если не получается, значит, надо бросить.

Он стискивает мою руку и делает глубокий вдох.

– Хорошо. Хорошо.

У меня звонит телефон, и, услышав мелодию звонка, я холодею. Я напрягаюсь и свободной рукой хватаюсь за плечо Эсбена, тщетно пытаюсь подобрать слова.

– Нет, нет...

Мне хочется кричать, вопить, но в то же время я едва способна выговорить одно короткое слово...

– Что? – спрашивает Эсбен.

– Элисон! – восклицает Керри, подбежав ко мне.

Прежде чем мои глаза наполняются слезами, прежде чем всё вокруг начинает расплываться, я смотрю на экран и убеждаюсь, что не ошиблась.

– Это номер Стеффи. Эсбен! Значит, кто-то...

Господи, я не могу дышать.

– Кто-то звонит... чтобы сказать...

Не могу договорить. И не могу ответить на звонок.

Комната начинает вращаться, и я передаю телефон Эсбену.

– Ты хочешь, чтобы я ответил? Точно? – негромко уточняет он.

Я киваю:

– Алло?

Голос Эсбена звучит как-то странно – его заглушает паника, заполнившая мое сознание. Я не слышу больше ничего из того, что он говорит. Просто пытаюсь дышать. Только когда Эсбен встряхивает меня за плечи, громко повторяя мое имя, мне удается сосредоточиться.

Эсбен стоит передо мной на коленях.

– Звонит Стеффи.

Я смотрю на него, не в силах понять эти простые слова.

– Это Стеффи. Она хочет с тобой поговорить.

Я в замешательстве качаю головой.

– Элисон? Звонит Стеффи. Она просит тебя позвать. Я серьезно. Поговори с ней.

– Что? Что?..

Я захлопываю рот ладонью, чтобы подавить рвущиеся рыдания, и смотрю на Эсбена с отчаянием, надеждой и страхом.

Он заставляет меня взять телефон и шепчет:

– Всё хорошо. Но ты ей нужна.

– Стеффи?

– Элисон...

Боже, какой у нее слабый голос.

– Я здесь. Я люблю тебя, – инстинктивно шепчу я.

– И я тебя тоже люблю. Очень. – Я слышу, что она говорит с усилием. – Я ошиблась...

Так трудно сдерживать слезы.

– Что ты имеешь в виду?

– Я думала, что хочу... уйти одна, но я не могу.

– Да. Да...

Я должна собраться. Любой ценой. Поэтому я встаю и начинаю ходить по комнате, приглаживая рукой волосы.

– Скажи, чего ты хочешь. Всё, что угодно.

Я останавливаюсь и смотрю на Эсбена. Он внимательно слушает – и ободряюще кивает. Он поможет, что бы мне ни пришлось сделать.

– Осталось немного, Элисон, я это чувствую. И мои сиделки тоже...

Плач Стеффи разрывает мне сердце.

– Я не хочу умереть, не повидав тебя. Ты мне очень нужна.

– Я прилечу. Скоро. Обещаю, я прилечу.

Но, сказав это, я осознаю масштаб проблемы, и расстроенное лицо Эсбена подтверждает мои опасения. Тем не менее я заверяю Стеффи:

– Я скоро буду. Ты только держись, ладно? Держись.

– Спасибо.

– Я позвоню, когда куплю билеты.

– Мои сиделки... Ребекка и Джейми...

Я слышу, как она с трудом дышит.

– Я почти всё время сплю. Они ответят на звонок. Я попрошу прислать тебе их телефоны. Я в клинике Сидер-Синай.

– Хорошо, милая, я уже собираюсь. Я прилечу. Обязательно.

Остаток сил уходит на то, чтобы отложить телефон – и не рухнуть на пол.

– Стеффи зовет меня. Уже почти конец...

– Я слышал. – Эсбен прижимает меня к себе и гладит по спине. – Но сейчас забастовка авиалиний. Плюс весенние каникулы. У нас проблема...

Я отстраняюсь и в ужасе смотрю на него:

– Я же не сумею добраться до Стеффи. И что делать?

Он улыбается:

– Я сказал «у нас проблема», а не «мы не сумеем ее решить». Керри?

Она немедленно оказывается рядом.

– Я готова. Что нужно?

– Проверить, летит ли что-нибудь из Бангора и Бостона. Посмотри Манчестер, Нью-Хэмпшир. Что угодно. Мы доберемся до Лос-Анджелеса. Так или иначе.

– Ты едешь со мной? – Я благодарно опускаю голову ему на грудь.

– Нам придется выбивать себе билеты всеми правдами и неправдами. Будет проще, если я составлю тебе компанию. То есть если хочешь, конечно.

– Хочу! Без тебя я вряд ли справлюсь.

– Справишься, но ты вовсе не обязана тащить всё это в одиночку, – говорит Эсбен, обнимая меня. – Мне нужна фотография Стеффи. У тебя есть что-нибудь на компьютере? Можешь переслать?

– Есть, а зачем?

– Просто перешли, потом собери самое необходимое, и поехали. Я тебя отвезу... куда-нибудь. Керри, как дела?

– Минуту, минуту... я пытаюсь найти хоть что-то.

Керри качает головой.

– Дэнни тут? – спрашивает Эсбен.
– Нет, уехал домой.
– Тогда позови Джейсона. Он нам нужен. Я напишу пост, ты будешь мониторить Твиттер, а Джейсон – Фейсбук.
Керри шутливо тычет брата в плечо.
– Да уж, ты всерьез взялся за дело, если подключаешь Джейсона.
– Замолкни. Ты же знаешь, что я его люблю.
– Слушайте, что происходит? – спрашиваю я, почти утратив дар речи. – Что вы делаете? Эсбен, ты пишешь об этом в Сети?
– Если ты не возражаешь. Других вариантов я не вижу. – Он обвивает рукой мои плечи и целует меня в макушку. – Сотни тысяч человек узнают об этом. И они помогут нам добраться до Стеффи.
– Две минуты назад ты собирался уйти в офлайн. Неужели ты думаешь, что это сработает? Господи, Эсбен, одно дело – устроить ребенку праздник или найти хозяев для собачки. Но такое даже тебе не под силу.
– Посмотрим, – говорит Эсбен и крепко обнимает меня.
– А как же... ведь вы оба завтра собирались домой.
– Родители поймут, – отвечает Керри. – Они нас знают. Они знают Эсбена.
– Спасибо. Спасибо вам большое! – восклицаю я, глядя на этих замечательных людей. – Не знаю, что еще сказать. Ребята, вы просто...
– Мы любим тебя, – твердо говорит Керри. – И поможем тебе добраться до Стеффи.
– Обязательно, – подтверждает Эсбен. – Перешли мне фотографию, и поехали.
Эмоции пытаются взять надо мной верх.
– А если...
Блин, как больно.
– А если мы не успеем вовремя? Если...
– Не говори так, – перебивает Эсбен. – Мы успеем. Послушай меня. Мы успеем.
Надеюсь, он прав. Надеюсь.

Глава 27

#Элисон_и_Стеффи

Пост Эсбена произвел фурор. Пришлось разбить его на части, чтобы он влез в Твиттер, но всё равно получилось хорошо.

Друзья, я прошу вас о помощи. У #моядевушкаэлисон есть лучшая подруга Стеффи. Лучшая подруга, с которой они вместе прошли огонь и воду, – что неудивительно, когда растешь в жутком и непрочном мире сиротского приюта. Многие из нас понимают, как это здорово, когда тебе повезло и ты нашел настоящего преданного друга. Стеффи всю жизнь была ангелом-хранителем Элисон.

Мне очень тяжело, но я прошу вашей помощи.

Стеффи умирает от рака (острый миелоцитарный лейкоз). И Элисон обязательно нужно добраться до нее как можно скорее, чтобы Стеффи не покинула этот мир в одиночестве. Нам надо попасть в клинику Сидер-Синай в Лос-Анджелесе. Учитывая забастовку авиалиний и весенние каникулы, мы не обойдемся без вашей помощи. Мы стартуем из Лэндона (штат Мэн). Пожалуйста, ставьте хэштег #элисон_и_стеффи, если можете чем-то помочь. Заранее спасибо. Я вас всех люблю.

Эсбен прикладывает к посту красивую фотографию нас со Стеффи, и я разрываюсь между двумя желаниями: смотреть на нее постоянно или убрать с глаз долой. На этом снимке Стеффи здорова и полна жизни, но я знаю, что, когда мы увидимся, она будет выглядеть совсем иначе. Если мы увидимся.

Проведя в дороге час, я признаю, что не справилась бы без Эсбена, Керри и Джейсона. Они то молчат, то стремительно перекидываются репликами, отслеживая комменты и пытаясь выработать план. Слишком много названий, имен, мест. Поезда, машины напрокат, перевалочные пункты, которые не помогут нам добраться до Лос-Анджелеса, пока еще в моей подруге и героине теплится жизнь. Мне страшно, что я не успею дать Стеффи то, о чем она мечтает в последние часы своей жизни.

Последние часы. От этой мысли меня мутит.

– Перестань заглядывать вперед! – кричит Эсбен. – Я не желаю знать, что, возможно, случится, если мы попадем в Орландо, ясно? И не хочу слышать про того человека из Финикса, который посадит нас в тележку и отвезет на автовокзал. Карты метро в случайных городах нам тоже не нужны! От них никакой пользы! У нас есть билеты на рейс Бангор – Чикаго, это уже лучше, давайте предположим, что мы туда долетим. Из О’Хара нам надо лететь дальше, желательнее прямо в Лос-Анджелес. Два шага за раз, максимум, пожалуйста.

Я перестаю смотреть в окно и кладу руку ему на плечо.

– Эсбен, они и так стараются.

– Знаю, знаю. – Он смотрит в зеркальце заднего вида. – Извините, ребята.

– Чикаго – это отличное начало, – напоминаю я.

Стеффи прислала мне десять сердечек, когда я ей написала.

Две невероятно щедрые сестры из Колби-колледжа, которые собираются домой на каникулы, встретят нас в аэропорту Мэна и отдадут свои билеты. Они уже всё уладили, и я написала им пять раз подряд, чтобы поблагодарить.

Я звоню Саймону, и он немедленно берет трубку.

– Я в курсе. Чем могу помочь? У тебя есть кредитка. Трать, не жалея.

– Спасибо тебе большое.

Услышав его голос, я чуть не расплакалась...

– Сомневаюсь, что это поможет.

– Знаю, – сочувственно отвечает он. – Но карточка в твоём распоряжении. Не думай о расходах. Речь ведь о Стеффи.

– Спасибо. Я должна была позвонить тебе... просто...

– Ничего страшного. Я люблю тебя и Стеффи. Ты сейчас на грани, но все-таки не забывай, что я всегда рядом. Скажи, если что-нибудь понадобится.

– Обязательно. – И я снова принимаюсь смотреть в окно.

– Я пишу Стеффи, и она отвечает, – продолжает Саймон. – Просто чтоб ты знала.

– Саймон, я люблю тебя.

И я обрываю звонок, чтобы не расплакаться.

Переговоры в машине идут так быстро, что я не успеваю вникать. Я захожу в Твиттер и на Фейсбук, чтобы сделать хоть что-то полезное. Но уже через минуту понимаю, что это будет нелегко. Комментариев и перепостов сотни, включая внушительное число ответов от людей, которые просто выражают нам сочувствие. Пишут те, кто оказывался в подобной ситуации,

кто терял близких. Уму непостижимо, сколько поддержки мы получили за такое короткое время, и это очень трогательно. Мучительно, но все-таки трогательно. Впрочем, беда в том, что прямо сейчас мы нуждаемся не в соболезнованиях, а в практической помощи.

– Напиши еще один пост, – говорю я, но остальные так заняты переговорами и планами, что не слышат меня. – Ребята, нам нужен новый пост! – повторяю я громче.

– Зачем? – спрашивает Эсбен.

– Потому что последний уже забит добрыми пожеланиями. Это очень приятно, но нам нужно место, куда люди будут складывать предложения реальной помощи.

– Ты права. Блин, я об этом не подумал. Керри, зайди под моим логином и напиши. Поблагодари всех за добрые слова и попроси, чтоб в эту ветку кидали только практические предложения. Скажи, что на каждом этапе пути мы будем вешать новый пост, чтоб люди знали, где мы и какие у нас планы.

– Ясно.

Джейсон кладет руку мне на плечо.

– Ты держись, ладно?

Я киваю:

– Пока держусь.

– Вот и умница.

Ненадолго наступает тишина, пока ребята пишут. Я выключаю радио, потому что все звуки сейчас кажутся мне похоронным маршем.

– Блин, – вдруг говорит Эсбен.

– Что?

Ответом служит какое-то фырканье в моторе. Эсбен съезжает на обочину и трижды с силой бьет по рулю кулаками.

– С ума сойти...

– Мы так быстро выехали, – говорю я. – Никто даже и не подумал проверить...

Несколько минут мы сидим, не двигаясь и не говоря ни слова. Я знаю, что все думают об одном и том же: мы стоим на однополосном шоссе, по которому мало кто ездит.

Как сказала бы Стеффи – Боже, храни королеву. У нас проблема...

Первым заговаривает Джейсон:

– Вызывать Службу помощи – это слишком долго. Сейчас посмотрим, далеко ли до заправки. Я бегаю быстрее всех.

– Девять миль, – говорит Керри. – Возле аэропорта.

– Напиши пост, – требую я, нервно постукивая пальцами по стеклу. – Эсбен, напиши, где мы находимся.

– Элисон, мы черт знает где. Я не знаю...

– Напиши, – настоятельно прошу я.

– Ладно, ладно. – Эсбен забирает у Керри телефон.

– У тебя есть бумага или что-нибудь, чтоб написать крупными буквами, что нам нужен бензин? – спрашивает Керри, открыв дверцу.

Эсбен открывает багажник.

– Где-то там лежала картонная коробка. Но не факт, что есть ручка.

– Есть помада, – отвечает Керри. – Пять штук на выбор.

Керри и Джейсон стоят на обочине с самодельным плакатом, а мы с Эсбеном смотрим на экраны телефонов. Каждый раз, когда на дороге показывается машина, в животе у меня стягивается узел. После того как десять автомобилей проносятся мимо, не остановившись, я начинаю качать головой.

Ничего не получится...

Вдруг Эсбен улыбается.

– Ура! – Сияя, он смотрит на меня. – Сейчас всё будет.

Он выскакивает из машины, и я следую за ним.

– Серьезно? – Что-то мне не верится. – Кто-то везет нам бензин?

– Красный пикап. Какой-то парнишка и его отец. Едут оттуда. – Он указывает в обратную сторону.

Мы ждем, и у меня бешено колотится сердце. Мы уже совсем близко, и есть шансы успеть в аэропорт вовремя. Из-за пригорка появляется ржавый красный фургон, и мы все начинаем радостно вопить. Пикап едет очень быстро, и я боюсь, что они не остановятся, но водитель лихо тормозит рядом с нами, и в кузове я вижу подростка, который торжествующе потрясает двумя пластмассовыми канистрами.

– Эй! – Он протягивает нам одну. – Этого хватит?

Эсбен берет ее и крепко жмет раскрасневшемуся мальчику руку:

– Здравствуй, Финн. Парень, у меня просто слов нет. Да, этого более чем достаточно, чтобы дотянуть до заправки. Я бы охотно с тобой поболтал, но...

– Заливай, сынок! – кричит из кабины отец.

Эсбен и Керри заливают бензин в бак, а я подхожу, чтобы пожать Финну руку. К моему удивлению, он перегибается из кузова и обнимает меня.

– Я видел твит. С ума сойти, мы были рядом и буквально только что купили бензин для газонокосилки... – Он крепко прижимает меня к себе. –

Моя мама умерла от рака девять лет назад. Надеюсь, ты успеешь доехать до своей подруги. Я даже не представляю, чтобы мы с мамой не смогли попрощаться...

Я тоже обнимаю его.

– Я даже не знаю, как отблагодарить вас.

– Не стоит.

– Очень даже стоит. – Я хлопаю Финна по спине. – Твоему папе тоже надо сказать спасибо.

– Не надо, – серьезно говорит мальчик. – Ему сейчас грустно. Он вспоминает маму... Ты просто... – он пытается улыбнуться, – просто езжай к Стеффи. Тогда мой папа будет очень рад.

Я киваю и касаюсь его руки.

– Сделаю всё, что в моих силах.

– Готово! – кричит Джейсон. – Поехали!

Мы залезаем в машину. Красный пикап издает четыре долгих гудка; водитель высовывает в окно мускулистую руку и воздевает в воздух кулак, желая нам удачи. А затем уносится, и за ним клубятся пыль и дым.

– Жми, Эсбен, – говорит Керри. – Жми. Бензина хватит, чтобы доехать до аэропорта.

Визжа тормозами, машина срывается с места, и я смотрю на часы. Мы не успеем на рейс. Будь у нас пятнадцать минут в запасе, всё было бы хорошо. Эсбен гонит со всей возможной быстротой, но мы не успеем.

– Самолет улетит без нас, – спокойно говорю я.

– Держись, – отвечает Керри, не выпуская телефон из рук. – Я пишу Каролине и Деб, девушкам, которые отдали нам свои места... ага, они связались с агентом, чтобы напечатать новые билеты с вашими именами и всё такое. На контроле вас пропустят без очереди.

– Ни о чем не думай, – бесстрастно говорит Джейсон Эсбену. – Просто гони. Просто гони.

Мы не произносим больше ни слова, пока Эсбен не въезжает в маленький аэропорт. Он бьет по тормозам, и мы все выходим. Эсбен бросает ключи Керри, обегает машину и хватает меня за руку.

– До связи. Я люблю вас, ребята.

Я делаю шаг к Керри и Джейсону, но Эсбен тащит меня за собой.

– Некогда. Пошли. Вылет через четыре минуты.

Мы бежим к стеклянным дверям, и, обернувшись, я вижу, что Джейсон и Керри машут нам. Конечно, я и раньше знала, какие они замечательные, но события сегодняшнего дня окончательно утвердили меня в этом мнении.

Мы оба окидываем взглядом терминал и спешим к стойке контроля.

– Каролина! Деб! – кричит Эсбен.

Две девушки, обе с длинными рыжими волосами, размахивают руками:

– Эсбен! Элисон!

Мы подбегаем к ним, и одна говорит:

– Давайте скорей документы.

Мы так и делаем, и наши билеты распечатывают в рекордное время.

– Пойдемте на контроль, – говорит агент. – Рейс задерживают ради вас.

– Что? – восклицаю я. – Боже мой... спасибо. Я верну вам деньги за билеты. Напишите мне!

– Нет-нет, не надо. Главное, летите.

Девушки вместе с нами подбегают к контролю, и я пытаюсь что-нибудь сказать им, но они ничего не желают слушать.

– Мы сестры, и жили до пяти лет в приюте. Мы всё понимаем, – говорит Каролина.

– Стеффи нуждается в тебе гораздо сильнее, чем мы в этих билетах, – у Деб обрывается голос.

– Я никогда этого не забуду! – кричу я, становясь в сканер.

– Вы просто супер! – подхватывает Эсбен.

Держа обувь в руках, мы бежим к выходу, который, слава богу, расположен неподалеку. Обожаю маленькие аэропорты.

Там стоит стюардесса.

– Эсбен и Элисон?

Мы киваем.

– Добро пожаловать на рейс шестьсот сорок два.

Она просматривает наши билеты и жестом велит нам поскорей идти в самолет. За нами захлопывается дверь, и мы почти бежим.

– Меня зовут Мишель. Скажите, если вам что-нибудь понадобится.

Я боюсь, что другие пассажиры, которых мы задержали, будут с ненавистью смотреть на нас, но, как только мы появляемся в салоне, раздаются аплодисменты. Я недоуменно смотрю на Эсбена и Мишель.

– Мы объяснили пассажирам, в чем дело, – говорит стюардесса. – Они все вас поддерживают. Ну что, взлетаем.

Поверить не могу, но, пока мы идем по проходу, мне пожимают руки и дружески кивают. Аплодисменты продолжаются. У одной женщины слезы на глазах. Как в тумане, я дохожу до своего места и буквально падаю на сиденье, рядом с серьезным мужчиной в деловом костюме. Отчасти я жду, что он обругает нас, но он коротко улыбается и вновь погружается в книгу.

Мы пристегиваемся, и я откидываюсь на спинку. Самолет начинает

выруливать на взлетную полосу.

Эсбен роется в кармане кресла.

– Ты что ищешь?

– Блин, – негромко произносит он, крутя в руках информационную карточку.

– Что?

– Вай-фая нет.

– О боже.

Эсбен быстро отправляет Керри сообщение. «Мы без Сети на два с половиной часа, до пересадки в Детройте. Помоги нам добраться из О’Хара в Лос-Анджелес. Сделай всё возможное, сестренка. Что угодно. Я знаю, ты справишься. Отправь Стеффи эсэмэс и скажи, что мы временно офлайн. Держи с ней связь, хорошо?»

Керри тут же отвечает. Очень приятно знать, что она спокойна. «Я поняла. Помогу вам улететь. Сейчас позвоню Стеффи. Держитесь. И попробуйте поспать, ладно?»

Самолет шумит. Мы быстро набираем скорость. Шасси втягиваются, и я понимаю, что мы наконец в воздухе – и на пути к Стеффи. Я радуюсь, пусть даже конечная цель нашего путешествия далеко не лучезарна. Нужно хоть на время забыть об этом, но я не знаю, как. Я слишком долго ничего не делала, только сидела и думала. Белый шум всегда был моим другом, и теперь я пытаюсь сосредоточиться на звуках, наполняющих салон.

Но эта мысль... Стеффи в больничной постели... в палате, где ей – страшно даже подумать об этом – где ей предстоит умереть.

Меня переполняют воспоминания. От первоначальной неприязни до того дня, когда я спасла ее. Тогда мы стали сестрами. Я помню всё.

Стеффи всегда, каким-то образом, умудрялась потрясающе выглядеть. Ей удавалось наскрести денег на одежду и косметику, когда мы были подростками, и она сверкала вне зависимости от обстоятельств. Стеффи считала, что именно так и должно быть.

Когда она узнала, что никто и никогда не читал мне сказки на ночь, то принялась сама это делать – каждый вечер, неделю за неделей. И неважно, что я была уже слишком взрослой для сказок. Просто Стеффи считала, что кто-то должен мне почитать.

Когда я однажды переодевалась при ней, она увидела мой лифчик, который сочла слишком скучным и мрачным для пятнадцатилетней девушки, тайком взяла у приемных родителей машину, отвезла меня в торговый центр и на те деньги, которые скопила, подрабатывая в кафе, купила мне ни за чем не нужное шикарное белье.

– Нельзя носить это тоскливое полотняное дерьмо! – восклицала она. – Ты имеешь право выглядеть сексуально!

Я до сих пор храню подаренный ею лифчик.

Когда я просыпалась после кошмаров, Стеффи поправляла мне подушку и одеяло, приказывала глубже дышать и представлять что-нибудь приятное. Например, прекрасное, счастливое будущее. Она уверяла, что оно наступит. Что мучения временны, что скоро они окажутся в прошлом.

Я не верила ей, но тем не менее Стеффи удавалось меня успокоить.

Она объяснила мне, что пить стоит только апельсиновый сок без мякоти. Что дезодорант необязательно должен пахнуть спиртом. Он вполне может пахнуть грейпфрутом и лавандой, если найти правильную марку. Что пицца с тонкой корочкой гораздо вкуснее, чем с толстой. Что заучивать скучнейшие теоремы по математике вполне стоит, хотя бы для того, чтобы доказать, что мне это под силу. Что я способна хохотать до рвоты.

Что нужно капельку меньше ненавидеть себя.

Что необязательно быть родственниками, чтобы любить друг друга.

Сидя в кресле, в самолете, я вздрагиваю. Не знаю, затеряться ли в этих воспоминаниях или отогнать их. Возможно, то и другое мне просто не под силу.

Меня охватывает ощущение неизбежной потери. Становится трудно дышать. Это необратимо, я знаю, но реальность наносит мне очередной удар.

Другой Стеффи не будет.

Муки, которые она терпит, скорее всего невыносимы. Я не знаю, насколько ей сейчас больно. Надеюсь, Стеффи принимает разные таблетки и ничего не чувствует...

Я хватаюсь за подлокотники и заставляю себя дышать глубоко и мерно.

Конечно, я обманываю себя. Наверняка Стеффи страдает от дикой боли, и даже думать об этом мучительно. Душевно она тоже терзается, причем, вероятно, намного сильнее. Не знаю, что хуже, физические страдания или душевные. Я ничего не знаю.

Никаких ответов, способных меня успокоить, сейчас нет. И никаких приятных мыслей.

Каждая мысль, которая возникает в голове, кажется неуместной, эгоистичной, бестактной, пустой.

Я не знаю, как это пережить.

Охваченная горем, я инстинктивно содрогаюсь и начинаю рыдать.

Прежде чем Эсбен успевает ко мне прикоснуться, невозмутимый на

вид мужчины, сидящий справа, гладит меня ладонью по спине. От этого я плачу еще сильнее.

– Поплачь, – говорит он, глядя в сторону. – Поплачь, будет легче.

Дрожащей рукой он переворачивает страницу.

И я плачу, потому что больше ничего не могу сделать. Плачу и плачу. Мой сосед сидит неподвижно, когда я сворачиваюсь в уютных объятиях Эсбена.

Мы приземляемся в Детройте, где у нас пересадка, и я совершенно измучена и усыпана использованными бумажными салфетками. Не знаю, как я переживу предстоящие нам бесчисленные, нескончаемые часы. Но я должна это сделать.

Я говорю себе: отныне для меня и моих чувств нет места. Единственное, что важно – добраться до Стеффи и помочь ей, чем только в моих силах.

Глава 28

Байкеры и волны

Боль с каждой секундой усиливается. Когда самолет приземляется, я понимаю, что сделала еще один шаг навстречу смерти Стеффи. Во время посадки в Детройте я вся дрожу.

Я перекусываю в аэропорту. Во всяком случае, мне так кажется. Эсбен уходит за кофе, а я вытираю руки и звоню Стеффи.

Слава богу, она отвечает почти сразу:

– Ты сделала меня знаменитостью.

– Кажется, да. Прости. Но это был единственный способ... мы нуждались в помощи, Стеффи. Сейчас забастовка и...

– Ничего, мне нравится, – отвечает та.

Она улыбается, и сила, звучащая в ее голосе, удивляет меня.

– Это просто нечто. Я читаю посты и комменты. Потрясающе. И на той фотке я отлично выгляжу.

Я искренне смеюсь:

– О да. Ты всегда выглядишь отлично.

– Только не сейчас. Не обращай на это внимания, когда мы увидимся.

– Конечно. – Я смотрю на часы. – Скоро наш рейс в Чикаго. Нам надо сообразить, что дальше. Я напишу тебе, как только мы найдем билеты, ладно?

– Ладно. Знаешь, я страшно голодная. Может, Ребекка принесет мне гамбургер. Большой гамбургер и клубничный коктейль. Надо ее попросить.

– Тебе... хочется есть?

– Не то слово. Я немного поспала и чувствую себя намного лучше. Обязательно съешь здесь гамбургер, когда прилетишь. Они умопомрачительно вкусные. Слушай, ты знаешь, сколько народу упоминает меня на Фейсбуке и в Твиттере? Куча каких-то славных ребят, которые выросли в приютах. И много людей, у которых рак. Они все меня поддерживают. С ума сойти, а? Я лежу и читаю...

– Очень хорошо, – отвечаю я, слегка смутившись. – Милая, Эсбен возвращается с кофе. Мне надо узнать, написала ли ему Керри.

– Ладно. Поблагодари его. И я хочу фотки. И видео. Вывешивайте всё это, ну или, по крайней мере, покажите, когда приедете. Чтобы я ничего не пропустила. Жду не дожусь. Я так тебя люблю и очень скучаю по тебе. Ты

обязательно расскажешь мне, как у тебя дела с Эсбеном. Хотя, очевидно, всё пучком.

Стеффи говорит так быстро, что я едва успеваю вникать.

– Если можно, одна просьба. Пусть попросит Колтона Хейнса твитнуть мне. Он такой сладкий. О-о! Или Нормана Ридуса. Или Дэйва Грола! Ты же знаешь, я предпочитаю мужчин постарше! Если они напишут... ты представляешь? Они меня просто с ума сводят.

Я снова смеюсь:

– Ну ты даешь.

– Попрошу сестру принести пять бургеров. Пока, Элисон, до скорой связи!

Я откладываю телефон и смотрю на Эсбена.

– Ух...

– Что случилось?

– Стеффи какая-то странная. Она... бодрая. Надо позвонить ее сиделкам и спросить...

– Нам скоро на посадку, так что поторопись.

Я звоню сестре Джейми, и она берет трубку почти немедленно.

– А, Элисон, – радушно говорит она. – Стеффи дала мне твой телефон. Я как раз думала, позвонить тебе или нет.

– Я только что говорила со Стеффи. Она... она, кажется, полна энергии. И голодна. Даже как будто счастлива. Это хороший знак? Я знаю, что она не может поправиться, но...

Джейми ненадолго замолкает.

– Это бывает, – объясняет она. – Я часто такое видела. У пациентов случается прилив сил. Почти эйфория. Что-то вроде всплеска адреналина. Это может продолжаться несколько часов, иногда даже день или дольше, но – нет, к сожалению, это плохой знак. Конец близок.

– А... – Помрачнев, я шагаю за Эсбеном.

– Но прямо сейчас Стеффи чувствует себя неплохо. У нее случился этот всплеск, потому что она очень хочет тебя увидеть. Давай будем думать только об этом. Так приятно видеть ее счастливой.

– Хорошо, – говорю я. – Вы последите за ней?

– Да, конечно. Мы с Ребеккой сидим тут всю ночь. Нам очень нравится Стеффи, и мы стараемся создать ей максимум удобств.

– Спасибо, вы очень добры. Джейми, мне пора. У нас самолет. Около десяти мы будем в Чикаго.

– Здесь все следят за вами онлайн. Вы успеете.

Я убираю телефон, и мы с Эсбеном пробираемся на свои места.

– Пожалуйста, пусть здесь будет вай-фай. Пожалуйста, пусть здесь будет вай-фай, – повторяет он.

– Есть новости от Керри или Джейсона? – спрашиваю я, прислонившись головой к окну.

Эсбен достает из кармана на кресле карточку – и улыбается.

– Пока нет. Но тут есть Сеть. Может, попытаешься немного поспать? А когда проснешься, я наверняка уже буду что-то знать.

Я слишком утомлена и издергана, чтобы спорить, поэтому просто отдаю Эсбену свой кофе. Он не будет делать ничего другого – только сидеть в Сети до конца полета, а значит, кофеин ему нужнее, чем мне.

– Поспать – это хорошо. Эсбен... – Я невольно улыбаюсь. – Стеффи очень хочет, чтобы Дэйв Грол и некоторые другие знаменитости ей твитнули.

– Да? – Он смеется. – Ну, посмотрим, что тут можно сделать.

– И еще...

– Что такое, любимая?

Я поворачиваюсь и смотрю ему в глаза.

– Ты необыкновенный.

Эсбен проводит тыльной стороной ладони по моей щеке.

– Нет. Это мир прекрасен. Я же говорил, что добрых людей очень много.

– Я просто не оценила... – У меня не хватает слов. – Даже не представляла себе...

– Знаю, – говорит Эсбен. – Я видел массу замечательных вещей, но сегодня не перестаю удивляться. Наверное, это главное.

– Да, – твердо отвечаю я. – Да.

После того как пассажирам сообщают, что самолет набрал нужную высоту, я отключаюсь и сплю без сновидений. Это очень приятно. Я просыпаюсь оттого, что Эсбен осторожно трясет меня. Мы уже приземлились.

– Слушай, – говорит он. – Стюардесса говорит о тебе и о Стеффи.

Я протираю глаза. В голове салона действительно стоит женщина. Она ловит мой взгляд и повторяет:

– Эта песня посвящается Элисон и Стеффи. Наша авиакомпания и все пассажиры желают вам душевного спокойствия. Мы с вами.

И она начинает негромко и красиво петь «О, благодать»^[1].

Эсбен держит меня за руку. Я прерывисто вздыхаю, когда к пению присоединяются несколько пассажиров... а потом еще раз, когда понимаю, что поет весь самолет. Мое сердце одновременно разрывается и парит.

Невероятное количество добра и заботы от совершенно посторонних людей ошеломляет меня. Но я знаю, что это важно, – и хочу сохранить это на память, – а потому прошу Эсбена включить запись.

Выйдя из самолета, я отправляюсь в ближайший туалет и умываюсь холодной водой. Я не буду плакать. Сейчас не время.

Суша руки, я слышу, как Эсбен кричит снаружи:

– Элисон, нам пора! Скорей!

Я выскакиваю и бегу рядом с ним, не задавая никаких вопросов.

– Нам надо попасть в Мидуэй. Это примерно в сорока минутах отсюда, – говорит Эсбен. – Рейс через пятьдесят пять минут.

– О боже.

– Надо торопиться.

Мы лавируем в толпе, добираемся до движущейся дорожки и продолжаем бежать, огляывая других пассажиров.

– Впрочем, нас подвезут. Думаю, тебе понравится.

Аэропорт, к сожалению, огромный, и уходит целая вечность, чтобы добраться до зоны выдачи багажа. Там Эсбен останавливается и внимательно всматривается в толпу.

– Что мы ищем?

Он улыбается, складывается пополам, чтобы отдышаться и отсмеяться, а затем указывает пальцем:

– Блин, с ума сойти. Ты посмотри.

Какой-то мужчина в костюме и черной шоферской фуражке держит табличку с нашими именами.

– Лимузин? Это водитель лимузина?!

Кто сошел с ума?

– Да, – отвечает Эсбен. – Именно так. Вперед.

Мужчина быстро жмет нам руки.

– Меня зовут Леон. Полицейский позволил мне оставить машину у входа, но только на пять минут. Надо спешить.

Мы выходим из аэропорта за рекордное время. Даже сидя в белом лимузине, я не могу до конца понять, что произошло. Оглушительно играет веселая музыка, и у меня наступает сенсорный перегруз. Я рассматриваю черные кожаные сиденья, разноцветные огоньки на потолке, две бутылки шампанского... с подвязками на горлышках.

– Леон?

– Да, мэм?

– Этот лимузин сегодня был арендован для какого-то мероприятия?

– Для мальчишника, мэм. Но невеста попросила уступить машину вам.

– С ума сойти. Пожалуйста, поблагодарите ее!

Эсбен протягивает мне свой телефон:

– Можешь сама поблагодарить. Она поставила тэг и желает нам счастливого пути.

Я отвечаю на твит великодушной невесты, послав ей селфи в лимузине. Боже, какая прелесть. Потом я отправляю Стеффи видео, в котором лежу на кожаных сиденьях, и пишу:

«Еду в Мидуэй с шиком!»

«Блиин! – отвечает Стеффи. – Я только что прочла об этом в Сети. Едва успеваю следить за комментариями. Выпей там шампанского за меня!»

– Значит, у нас есть билеты в Лос-Анджелес? – спрашиваю я.

Эсбен кивает:

– Да. Какая-то милая молодая пара. Они... взяли и отдали нам свои билеты. Просто потому что они такие замечательные люди. – Он вздыхает, и я понимаю, что Эсбен счастлив. – А пилот встретит нас на контроле и поможет поскорей пройти. Хотя, конечно, ждать долго он не будет. Надо торопиться.

– С ума сойти, это сработало, – говорю я, всё еще в шоке.

– Да. Мне тоже не верится.

Мы едем уже полчаса, когда Леон вдруг говорит:

– У нас проблема.

Машина останавливается. Повсюду загораются красные огоньки.

Прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, Эсбен выходит в Сеть. Он заканчивает писать и смотрит на меня.

– Ну, молись.

А затем открывает люк и высовывает голову.

– Что ты делаешь? Эсбен?

Я тоже встаю и обзираю чудовищную пробку.

– Господи. Нет. Нет, пожалуйста, не сейчас.

– Давай, давай, давай... – Он смотрит на стоящие позади нас машины.

– Что ты делаешь? Мы застряли. Застряли! – Я тру ладонями лицо. –

Может, мы улетим следующим рейсом...

– На сегодня это последний.

– О боже...

– Мы успеем, – упрямо говорит Эсбен. – Подожди... подожди...

Стоящие вокруг машины начинают сливаться у меня перед глазами. Всё кончено. Мы не доберемся до Стеффи. Оглушительно режут гудки, сияние фар действует на нервы. Я вдруг слышу шум мотора, но мне даже не интересно знать, что это.

– Вон они! – радостно восклицает Эсбен. – Вон!

Я удивленно смотрю на четверых суровых байкеров, которые останавливаются рядом с лимузином.

– Вы Элисон и Эсбен? Вас надо подвезти?

Им всем за пятьдесят, у них густые седеющие бороды. Типичные «ангелы ада»: джинсы, кожа, массивные ботинки, банданы, татуировки. И темные очки, пусть даже сейчас ночь.

– О боже, – говорит Эсбен.

– Обязательно напиши об этом, – говорю я со смехом. – Иначе Стеффи нас не простит.

– Ну, вы едете? – спрашивает первый байкер, протягивая шлем.

– Едем! – Я ныряю в машину. – Спасибо, Леон, большое спасибо!

Я вылезая из лимузина и вскакиваю на мотоцикл. Байкер заводит мотор. Я смотрю на Эсбена, который одобрительно качает головой.

– Все готовы? – угрюмо спрашивает мой новый водитель. – Держись крепче, куколка. Поедем по аварийке. Будет стремно.

Я крепче хватаюсь за его необъятную поясницу.

– Хорошо. Как вас зовут?

– Неважно. – Он вновь нажимает на стартер. – Понеслось!

Меня охватывает страх, и на мгновение я закрываю глаза. Мы, конечно, едем очень быстро, проносясь мимо неподвижно стоящих машин, но я понимаю, что мой водитель полностью контролирует свой мотоцикл. Без этих байкеров нам не добраться до Мидуэя. Ни за что.

Когда мы оказываемся в голове пробки – нигде нет никакой аварии, просто чертова, необъяснимая пробка! – за нами раздаются вой сирен.

– Началось! – торжествующе кричит байкер и жмет на газ. – Держись, детка! Держись!

О боже.

За нами гонится полицейский на мотоцикле.

Мы сворачиваем – и видим вход в аэропорт. Мотоциклы с визгом останавливаются; сирена слышна, но где-то в отдалении.

– Слезай! – кричит мне байкер. – Давай, давай, давай!

Я с трудом слезаю, и он срывается с места, прежде чем я успеваю снять шлем.

Эсбен хлопает меня по плечу:

– Элисон! Скорей!

Я поворачиваюсь и бегу вслед за ним к терминалу. Некогда думать о том, что произошло. Мы едва-едва успеваем на рейс в Лос-Анджелес. Когда мы приземляемся, нас встречает таксист, у которого как раз перерыв,

поэтому до Сидер-Синай мы доезжаем за считанные минуты. Слишком быстро, слишком легко. Возможно, я втайне надеялась на очередную проблему, которая оттянула бы неизбежное... но вот мы на месте, и меня охватывает грусть.

Несколько часов хаоса – и мы добрались. Такси останавливается у входа в клинику, и я безмерно растрогана тем, что вижу.

На улице стоит толпа человек в тридцать. Одни держат в руках свечи, другие плакаты, на которых написано: #ЭЛИСОН_И_СТЕФФИ, #ПОБЕДИТЬРАК, #ЛУЧШИЕПОДРУГИ. У третьих цветы, мягкие игрушки, шарик. Они стоят, молчаливые и добрые, и излучают любовь. Я даже не знаю, что сказать. Некоторые обнимают меня, когда мы проходим мимо, говорят ласковые слова. В этом ощущается какая-то умиротворенность.

Они пришли сюда, чтобы по мере сил ограждать мою подругу от страданий.

– Сделаешь фотку для Стеффи? Ей понравится.

Я буквально теряю дар речи. Любовь, которая окружала нас целый день, неизмерима. И никто не ждет благодарности. Никто не хвалится тем, что сделал, чтобы помочь нам добраться до Стеффи. Всё, что я читала сегодня, было полно доброты. Пошатываясь на ходу, я вновь прошу:

– Сфотографируй.

– Обязательно, – говорит Эсбен. – Это прекрасно.

Мы заходим в клинику, и я собираюсь с силами, готовясь к встрече со Стеффи.

Тем не менее я не готова увидеть тех двух людей, которые окликают нас из приемной. Когда они подходят к нам, я тяжело дышу, кипя гневом. Меня переполняют мучительные воспоминания о прошлом, и я не в силах сдерживаться.

– Что вы здесь делаете? – восклицаю я. – Как вы посмели? Как посмели?

– Элисон... – произносит женщина со слезами на глазах.

Она явно собиралась обнять меня, но, услышав мои слова, останавливается как вкопанная.

– Мы прочитали про Стеффи в Сети. Как раз в это время мы были в Сан-Диего. И сразу приехали...

– Мы надеялись... – начинает мужчина.

– На что? На что именно вы надеялись, скажите? – Я почти кричу.

– В чем дело? Кто это? – спрашивает Эсбен, с тревогой коснувшись моей руки.

– Кэл и Джоан Кантор, – говорю я, бросив на них убийственный взгляд.

– Приемные родители Стеффи? – недоверчиво уточняет он.

– Да. Которые выставили ее за дверь, как только ей стукнуло восемнадцать, – холодно отвечаю я.

– Подожди... что? – перебивает Кэл. – Это она сама тебе сказала?

Джоан подносит руку ко лбу. Она так же убита горем, как и я.

– Кэл...

Муж берет ее за руку и собирается с силами, прежде чем заговорить:

– Элисон, дело было не так. Совсем не так.

– В каком смысле?

В моем животе что-то обрывается, когда до меня доходит...

– Мы не выгоняли Стеффи, – говорит он, сдерживая слезы. – Мы бы ни за что этого не сделали.

– Но она мне сказала...

Поверить не могу. Нет, могу.

– Она сказала, что вы не захотели оставить ее у себя. Во всяком случае, насовсем. Что семьи не получилось.

– Господи... – Джоан качает головой.

– Ей было страшно, – говорю я шепотом, когда новое осознание прошлого накрывает меня. – Она слишком боялась кому-то довериться. Ведь так? Ох, Стеффи...

– Мы должны были догадаться, – произносит Джоан душераздирающим тоном. – Господи, мы ведь могли понять. Но Стеффи была так упряма и непоколебима. Она очень вежливо, но недвусмысленно сказала, что не хочет, чтобы мы ее удочеряли. Мы отнеслись с уважением к ее выбору, хотя и пытались переубедить. Мы старались изо всех сил, но...

Я заканчиваю:

– Но невозможно убедить Стеффи, если она чего-то не хочет. И, в первую очередь, она не хотела чувствовать себя зависимой. Она просто не может так...

Я прекрасно это знаю. Надо было догадаться, что на Кэла и Джоан это тоже распространяется.

Кэл кивает:

– Да. Элисон, мы любили ее тогда и любим теперь. Мы считаем Стеффи нашей дочерью.

Он мучительно кривится.

– И она всегда будет нашей...

Я подхожу к нему.

– Да. Я верю вам.

К трагедии прибавились новые действующие лица.

Глава 29

К луне и обратно

Сиделки, Ребекка и Джейми, очень любезны. Они явно и раньше всё это проделывали. Они стараются по максимуму подготовить меня, прежде чем впустить в палату. Они заранее предупреждают, что Стеффи худая и бледная. Что вокруг полно приборов, проводов и экранов. Что ее смерть – вопрос нескольких часов. Ребекка отвечает на все мои вопросы. Она видела достаточно пациентов. Ее предположение: это произойдет скоро. В промежутке от четырех до десяти часов.

Эсбен ждет в коридоре, сидя на пластиковом стуле.

– Я пробуду здесь, сколько тебе нужно.

Я знаю, что он не подведет. Это единственное мое утешение.

Кэл и Джоан остаются рядом с ним. Не знаю, как сказать Стеффи, что они здесь, но я обязательно что-нибудь придумаю.

Джейми открывает дверь и вводит меня в палату.

– Я буду здесь, если понадобится, – негромко произносит она.

– Элисон! – Громкий, радостный голос Стеффи пугает меня.

Она сидит в постели, окруженная пустыми обертками. В палате пахнет гамбургерами и жареной картошкой.

Я изо всех сил стараюсь не выказывать испуг: сидящая передо мной девушка разительно не похожа на ту, которая вошла в мою комнату минувшей осенью. Стеффи очень, очень худая, кожа у нее пепельного цвета, под глазами мешки, которых раньше никогда не было. Пышные светлые волосы стали тусклыми и редкими, они безжизненно висят вдоль черепа.

В ней всё не так, но тем не менее я узнаю свою лучшую подругу. Стеффи при любых обстоятельствах остается собой.

– Иди сюда! – говорит она. – Боже мой, просто не верится, что ты добралась. Безумный был денек, а?

Сейчас глубокая ночь, но она полна энергии и возбуждена.

– Да уж. – Я пытаюсь говорить, как будто всё в порядке. – Но для тебя я готова на что угодно.

– Я знала, что ты прилетишь!

Я пересекаю маленькую палату и наклоняюсь над Стеффи, чтобы обнять ее. Когда я вижу, какая она слабая, мне становится трудно глотать.

Я боюсь прижать ее слишком сильно, но она сама обнимает меня, гораздо крепче, чем я думала, и я отвечаю тем же. Какое счастье – держать Стеффи в объятиях после всех этих месяцев, в течение которых я думала, что больше мы никогда не увидимся.

Она похлопывает меня по спине, и я сажусь на стул у постели.

– А теперь рассказывай. Расскажи о себе. Как у вас дела с Эсбеном?

Трудно не улыбнуться, потому что Стеффи полна энтузиазма. И это так похоже на мою подругу – говорить обо мне, в то время как проблемы именно у нее.

– Что тебе рассказать?

Стеффи поднимает бровь – так, как умеет только она, невероятно высоко – и скабрёзно ухмыляется:

– Ну, это произошло?

– Что?

– Вы переспали? – громко спрашивает она, и я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что ее не слышали в коридоре. Джейми сдерживает смех.

– Ну...

– Подружка, у меня мало времени. Колись.

– Да.

– И-и?

– И это было великолепно. Эсбен крут.

– Именно так, как я подумала, когда впервые его увидела, да? – радостно спрашивает Стеффи. – Я ведь не ошиблась, так?

– Ты была абсолютно права.

Больше часа я рассказываю обо всем, что происходит в моей жизни. Об Эсбене, об учебе, о Саймоне. О посылках. О Кармен, Керри, Джейсоне и Дэнни.

Я рассказываю Стеффи о своем новом мире, о котором она еще не знает. Мне так хочется, чтобы она стала его частью.

Я с трудом сдерживаю слезы. От этого обычного на вид разговора больничная палата кажется еще более унылой. Я смотрю на Джейми, и она ободряюще кивает. Пусть всё идет своим чередом – вот что она имеет в виду.

– Ой, браслет! – восклицает Стеффи. – Дай глянуть!

Она хватает меня за руку и ахает:

– Какая прелесть! Эсбен молодец. Он ведь здесь? Где он?

Она смотрит мне через плечо.

– Я, конечно, выгляжу паршиво, но, блин, это же больница. Эсбен не смутится. А ты, кстати, ничего не сказала про мою футболку. Ее, конечно,

прислал Саймон. Прямо сегодня.

Я смотрю на Стеффи и улыбаюсь. На ней красная футболка с Чудо-женщиной. Просто блеск.

– Мне разрешили снять этот жуткий больничный халат. И вообще, теоретически здесь не больница, а хоспис. Жуть, да?

Я не знаю, что сказать. Что ответить. Но Стеффи продолжает болтать, и я получаю небольшую отсрочку, чтобы собраться с духом.

– Ну, где же Эсбен? Я хочу увидеть все видео и фотки. Почему он больше ничего не выложил? Я следила за вами в Интернете. С этим лимузином просто чума! С ума сойти. Я отрывалась от Сети, только чтобы поесть. Завтра ты ведь попробуешь здешние гамбургеры? Обещай!

– Обещаю.

– Где Эсбен? – повторяет Стеффи. – Я хочу еще.

При виде ее возбуждения я смеюсь:

– Сейчас приведу его.

– Ура!

Осторожно и взволнованно я подхожу к двери.

– Эсбен, Стеффи просит тебя зайти. Покажи ей видео и фотки, которые ты сделал.

– Что? – Он, кажется, удивлен не меньше меня. – Хорошо. Да. Конечно.

Эсбен заходит вслед за мной в палату, и взгляд Стеффи устремляется на него. Она молча ждет, когда он сядет рядом. Откинувшись на подушку, Стеффи смотрит на Эсбена.

– Эсбен... – негромко говорит она и протягивает руку.

– Стеффи...

– Очень приятно тебя видеть.

Она заметно успокаивается.

– Ну, давай. Покажи мне сегодняшние фотки. Я хочу видеть... – она несколько раз судорожно вдыхает, и я пугаюсь, – ...всё. И ты должен это выложить. Настал мой звездный час, понятно?!

Стеффи слабо улыбается.

– Конечно. Всё, что угодно.

Эсбен достает телефон и показывает ей фотографии и видео. Стеффи засыпает его вопросами, а он терпеливо отвечает. Когда на экране появляется поющая стюардесса, Стеффи вдруг тянется куда-то вбок. Я не могу понять, зачем.

– Стеффи, что случилось? – спрашиваю я.

Джейми мгновенно оказывается рядом.

– Ей просто нужен кислород, всё нормально.

Ловко и плавно двигаясь, она надевает на лицо Стеффи кислородную маску.

Я впиваюсь пальцами в бедро Эсбена.

Стеффи приподнимает руку, прося нас подождать минутку. Я киваю и глажу ее по плечу, давая понять, что она может не торопиться. Нервный взгляд, который она бросает на Джейми, пугает меня до чертиков, но я стараюсь сохранять спокойствие. Как будто нет ничего странного, что моя лучшая подруга, мой ангел-хранитель, не в силах дышать без помощи.

Проходит несколько секунд – несколько вдохов и выдохов – и Стеффи кивает.

Она на мгновение приподнимает маску.

– Покажи еще.

Эсбен явно осторожничает, а я говорю:

– Покажи ей видео со стюардессой.

– Да? Ладно. Уверена?

– Конечно. Ей понравится.

Мы со Стеффи обе знаем, что она умирает. Что конец близок. Эта песня не скажет ей ничего такого, чего она бы не знала.

Стеффи снова надевает кислородную маску и смотрит видео. Примерно на середине она тянется ко мне, и я беру ее за руку. Больше не отпущу. Какое бы воодушевление она ни испытывала, какое бы количество адреналина ни струилось по жилам Стеффи совсем недавно, всё закончилось.

Начался спад.

– Очень люблю... эту песню. Какой красивый голос. – Слова Стеффи едва можно разобрать, но я их слышу. – И эти люди...

– Все любят тебя, – говорю я.

Она поворачивает голову, и я вижу на ее лице улыбку.

– Приготовься, – говорю я весело. – Ты просто не поверишь. Эсбен, покажи, что случилось, когда мы добирались из Чикаго в Мидуэй!

Несколько минут Стеффи смотрит видео, хотя глаза у нее затуманиваются. Чуть заметно.

Она приподнимает маску, чтобы спросить:

– Мотоцикл? Ты ехала на мотоцикле?

– Да. Это было круто.

Еще немного фальшивого позитива.

– С ума сойти.

– Элисон держалась гораздо лучше, чем я, – добавляет Эсбен.

Стеффи берет его за руку и делает несколько глубоких вдохов. Потом опускает маску на лицо и говорит:

– Эсбен?

– Что?

– Ты ее любишь?

Эсбен ободрительно улыбается:

– Да.

– Я так и знала. Но всё равно – очень приятно это слышать. Вот и хорошо. – Она снова некоторое время старательно дышит. – Спасибо. Спасибо вам. Мне... мне намного легче. Элисон... – шепотом продолжает Стеффи.

– Да, родная, что?

– Мне больно. Боже, храни королеву. Больно. – Стеффи улыбнулась бы, если бы могла, но она не может.

– Боже, храни королеву, – подтверждаю я. – Боже, храни королеву.

– Я... – Она на мгновение закрывает глаза. – Я готова. Я уже готова.

– Знаю.

– Прости. За то, что я сделала.

– Не надо извиняться. Я люблю тебя.

Она кивает.

Я должна сказать ей еще одну вещь – и не знаю, как это сделать. Но время уходит.

– К тебе кое-кто пришел, – негромко говорю я.

Она медленно поворачивается, но ничего не говорит.

– Эсбен, позови, пожалуйста...

Я не свожу глаз со Стеффи и вижу, как он целует ее в щеку.

Так долго, что я точно знаю: они прощаются. И это очень важно, ведь Стеффи знает, как я привязана к Эсбену и какие чудеса он совершил, чтобы помочь мне добраться сюда. В моем сердце вспыхивает нестерпимая боль, хотя я сдерживаюсь. Дам себе волю потом.

Почти ослепнув, ничего не видя затуманенными глазами, я слышу, как дверь открывается и закрывается. Раздаются шаги. Я знаю, что в палату вошли Кэл и Джоан.

– Вот люди, которые любят тебя, – говорю я, моргая и пытаюсь прогнать слезы. – Пожалуйста, не сердись.

На бледном лице Стеффи отражается масса эмоций. Она поднимает руку, чтобы закрыть глаза.

– Они любят тебя, – повторяю я. – Всё хорошо. Они любят тебя. Они хотят быть здесь с тобой.

Стеффи, испугавшись, шарит руками по постели и срывает маску.

– Они с ума сошли...

Она начинает плакать.

– Они ненормальные, да?

– Нет-нет-нет. – Я возвращаю маску на место. – Послушай меня. Послушай очень внимательно. Нет. Они любят тебя. Ты их дочь. Они твои родители. Они приехали к тебе.

Глаза Стеффи увлажняются, и мое сердце буквально рвется на части. Но она кивает, и за слезами я вижу громадное облегчение. Покой.

– Стеффи... – говорит Джоан, стоя с другой стороны кровати.

– Ты – наше счастье, – произносит Кэл спокойно. Гораздо спокойнее, чем я думала.

Стеффи поворачивается к ним.

Никто не двигается. Но затем, с огромным усилием, она протягивает к ним руку. Оба садятся, привалившись к кровати, чтобы быть как можно ближе к Стеффи.

Джоан улыбается.

– Мы любим тебя. Ты слышишь? Мы тебя любим.

Стеффи начинает протестовать и хватается за постель, что-то ища. Джейми снова подходит к ней и подает какой-то предмет.

– Это морфин, – тихонько объясняет нам сиделка. – Стеффи делает себе укол, чтобы снять боль.

Стеффи нажимает на кнопку трижды. Невозможно за этим наблюдать. Невозможно не сознавать, что мое сердце и душа разрываются.

– Простите меня, – хрипло говорит Стеффи.

– Ты не сделала ничего плохого, – отвечает Кэл, качая головой. – Не извиняйся.

Не сразу, но Стеффи кивает.

Джоан измучена, хотя пытается скрывать это.

– Я знаю, что мысленно ты просишь у нас прощения. Не надо, ладно? Мы сейчас вместе, и это главное. Мы твои родители, и так было всегда. Мы никогда не покидали тебя – и не покинем. Всё очень просто.

Стеффи широко улыбается, насколько это сейчас возможно. Кэл и Джоан наклоняются, чтобы обнять ее. Только тогда я замечаю у нее в руке трубку. Видимо, по ней поступает морфин.

Я думаю, что, наверное, должна выйти из палаты и оставить их наедине. Но времени осталось мало, и мысль об уходе кажется нестерпимой. И потом, Стеффи по-прежнему держит меня за руку, слабо, но уверенно. И я остаюсь.

Долгое время мы просто сидим с ней. Наконец она стаскивает кислородную маску.

– Джоан, помнишь занавески... которые ты повесила в моей комнате?

Ей трудно выговорить даже это.

– Прозрачные. Белые. Со звездочками.

Джоан касается лица Стеффи.

– Конечно, помню.

– Они мне понравились. Ты сделала... такой хороший подарок... мне. – Лицо Стеффи не меняется, но мы все понимаем, что ей приятно об этом вспоминать. – Очень красиво...

– Я рада, что тебе понравилось, – говорит Джоан с такой материнской нежностью, что у меня ноет в груди. – Твои фотографии висят у нас по всему дому. И твоя комната осталась прежней. Мы в ней ничего не меняли.

– Простите... – Стеффи заметно слабеет. – Простите, что я мало старалась. Я должна была понять... – Она явно взволнована, насколько сейчас это возможно. – Я должна была согласиться...

– Нет... – В голосе Кэла звучат только искренность и нежность. – Нет. Ты сделала, что могла. Ты приняла решение, которое в тот момент казалось тебе правильным, и никто тебя не винит. Мы понимаем, почему ты не доверяла нам. Мы с Джоан всё понимаем.

Он проводит пальцем под глазами.

– Неважно. Главное – что мы семья. Так? – Он заставляет себя улыбнуться. – Ты слышишь? Мы обожаем тебя. Ты наша дочь. Навеки.

И я вижу, что Стеффи правда всё понимает. Она впитывает их любовь.

– Спасибо... – Она слегка ерзает, очевидно страдая от боли. – Я вас тоже люблю. Честно.

Она нажимает на кнопку подачи морфина.

Когда Стеффи успокаивается и смотрит на меня, я понимаю, что перехожу в иное эмоциональное состояние. Я оказываюсь в мире, где нет никого, кроме нас. Стерильная, скучная, пугающая больничная палата превращается в ничто.

Скоро конец.

Я забираюсь в постель и ложусь рядом со Стеффи. Я часто засыпала в обнимку с ней, но сегодня она лежит в моих объятиях.

– Элисон...

– Всё хорошо, Стеффи. Всё хорошо.

– Пока не забыла... я хочу сказать тебе кое-что еще. Напоследок.

Мысленно я кричу. Упираюсь. Но Стеффи этого не услышит.

– Говори.

– Мой прах. Я не хочу... – Она с трудом дышит. – Я попросила, чтобы меня кремировали. Но я не хочу лежать в какой-то дурацкой урне. Ясно? Развей мой прах над морем.

– Всё, что хочешь.

Утратив эмоции, я становлюсь деловитой. Ради Стеффи.

– В Калифорнии или где?

Я глажу Стеффи по голове.

– Мы с Саймоном этим летом собираемся на мыс. Или на виноградники. Хочешь?..

Долгое молчание.

– Виноградник. Отлично.

– Так мы и сделаем.

– И...

– Кэл и Джоан поедут с нами.

– Да.

– Обязательно, – подтверждает Кэл.

Стеффи слегка сжимает мою руку.

– И Эсбен, – добавляю я.

– Не... грусти. Ладно? – просит Стеффи и смотрит на меня с надеждой.

Я не нахожу слов.

– Мы не будем грустить, любовь моя, – отвечает Джоан. – Мы будем вспоминать, сколько счастья ты принесла нам. Это будет день радости, а не слез.

Стеффи как будто успокаивается, и веки у нее тяжелеют.

– Потом... когда меня не станет. Ты ведь справишься?

– Да, – говорю я. – Не волнуйся обо мне. Пожалуйста. Я всегда буду по тебе скучать, но я справлюсь. Ты велела мне не трусить, и я это помню.

– Обещаешь?

– Да.

Не хочу ей лгать, но другого выхода нет.

– Я люблю тебя, и это единственное, что сейчас важно. А еще – что ты веришь в мои силы. Пора тебе в них поверить. Ладно? Стеффи, ты – моя душа, и я всегда буду тебя любить. Моя любовь больше, чем расстояние до луны и обратно.

Некоторое время она дышит через маску.

– Я так устала... Элисон, я хочу немножко поспать, – наконец произносит Стеффи из-под маски. – Ничего?

– Конечно, поспи.

Она медленно переводит взгляд на Кэла и Джоан, потом вновь на меня.

– Вы ведь будете здесь, когда я проснусь? Извините... мне просто нужно вздремнуть.

– Мы обязательно будем рядом.

Сейчас я должна быть крепче камня – и я не плачу, говоря это.

– Мы никуда не уйдем. Спи, Стеффи. Крепко спи. Пусть тебе снятся прекрасные сны.

Стеффи улыбается, постукивает по маске и приподнимает ее.

– Мама и папа пришли, – шепотом говорит она.

– Да.

Я прижимаюсь к ней – и понимаю, почему сиделки меня не трогают. Кэл и Джоан нагнулись над кроватью. Их любовь окутывает Стеффи, рекой течет над нею...

Моя подруга стала пугающе слабой.

– И я тебя люблю... до луны и обратно...

Она спит, то и дело просыпаясь и опять впадая в забытие. Но в основном следующие несколько часов Стеффи проводит в полудреме, и это хорошо. Я бы не хотела, чтобы она была в полном сознании. Она и сама предпочла бы не знать, что происходит. Мы с Кэлом и Джоан просто сидим у кровати. Больше мы ничего не в силах сделать.

Когда она не может, я поправляю на ней кислородную маску.

Когда она не может, я нажимаю на кнопку, и Стеффи получает дозу морфина. Максимальную.

Когда она не может, я заговариваю первая и уверяю, что она вправе помолчать. Я говорю, что всё понимаю и чувствую. Что ничего страшного, если она не будет говорить. Что она мой друг навеки. Что она – навеки дочь Кэла и Джоан.

Какое-то время Стеффи просто лежит и дышит. А потом засыпает и больше не просыпается.

Я рада, что она спала в это время. Что она не бодрствовала, когда наступила смерть.

Мы с Джоан и Кэлом держим ее в объятиях, когда приборы начинают пищать. Когда она перестает дышать.

Стеффи покинула этот мир не в одиночестве. Она ушла счастливой.

Глава 30

Мир изменился

В девятом часу вечера я просыпаюсь в номере отеля, совершенно сбитая с толку, с онемевшим телом. Я погрузилась в мучительный сон без сновидений – и лишь через несколько минут после пробуждения вспомнила, где я и что произошло.

Мне следовало бы плакать, чувствовать горе. Однако я совершенно опустошена. И в этом есть какое-то извращенное блаженство. Наверное, это неправильно. Но приятно.

Эсбен, очень усталый на вид, сидит в маленьком кресле и смотрит в телефон. Он поднимает голову, когда я отбрасываю одеяло и сажусь.

– Как ты себя чувствуешь?

Он подходит и садится рядом.

– Глупый вопрос. Извини.

– Нет, всё нормально. – Я тру глаза. – Пойду в душ. Ты хочешь есть? Лично я голодная как волк. Надо перекусить.

– Конечно.

Он пытается коснуться моей ноги, но я отодвигаюсь.

– Пойдем, куда ты хочешь.

– Мы должны поесть здешних бургеров. Я обещала Стеффи, – говорю я.

– Прекрасно. Значит, так и сделаем.

Я плетусь в ванную, закрываю дверь, раздеваюсь и смотрю на лежащую на полу одежду. Я сожгу ее, когда вернусь домой. Моя одежда и тело пахнут смертью, но никаких других вещей я с собой не взяла. Только сумасшедшая решимость заставляет меня стоять прямо и смотреть в зеркало.

Я примерно представляю, как выгляжу. Есть некая базовая черта, от которой нужно исходить. То, что я вижу в зеркале – ужасно. Я совсем не похожа на себя, и не только из-за красных глаз и спутанных волос. Я просто сама на себя не похожа и, возможно, никогда не стану прежней. Исключено. Кафель в душе меня бесит, вода льется слишком сильно, запах шампуня тошнотворен. Всё не так. Всё и всегда будет не так.

Впрочем, я не пугаюсь. Это просто констатация факта. Сухая и честная. Вымывшись, я надеваю свою несвежую одежду – совершенно

спокойно.

Когда я выхожу из ванной, Эсбен устало улыбается.

– Готова? В пределах пешей доступности от отеля есть шесть бургерных.

– Всё равно. Любая подойдет.

Я вытерла волосы кое-как, и мне на спину капает вода.

– Ладно. Посмотрим, в какую сторону нам захочется пойти, – говорит Эсбен и машет мне телефоном. – Парень, который уступил нам этот номер, спрашивает, как дела. Он говорит, мы можем заказать еду в номер. Что угодно. Если утром захочешь позавтракать...

– Эсбен, – перебиваю я. – Это очень любезно с его стороны. Пожалуйста, передай ему спасибо. Но...

Я с трудом перевожу дух. У меня хватит сил, чтобы выйти из комнаты, но для разговора их точно не хватает.

– Я не хочу говорить. Прости. Давай просто пойдём и поедим.

Эсбен кивает:

– Всё в порядке, я понимаю.

Узор на ковре в коридоре режет глаза, и я смотрю прямо перед собой. В лифте есть зеркала, и я вновь убеждаюсь, что выгляжу абсолютно не похожей на себя.

Эсбен тоже кажется незнакомым. Я знаю, что это неправильно, но никаких эмоций при этих откровениях не испытываю. Такова правда, которая открылась мне. И всё.

Мир изменился. «Вот так. Точка».

Короткая прогулка до кафе кажется такой утомительной, как будто я пробежала марафон, а не прошла несколько кварталов. Мы заказываем бургеры и коктейли, и я ем, не чувствуя вкуса. Эсбен молчит, и я благодарна ему за это. Отчасти я понимаю, что веду себя странно и напоминаю зомби, а отчасти мне хочется еще глубже погрузиться в ничто.

Сиденья и стол жесткие, неприятные. Я сминаю обертки, и от шуршания бумаги у меня звенит в ушах. Я так устала, что впору умереть.

– Мне надо лечь.

У Эсбена вид печальный и встревоженный; очевидно, он не понимает, как теперь со мной обращаться. Жаль, я не могу сказать ему, что не надо грустить и волноваться. Что со мной всё в порядке, просто я сама полумертвая и почти ничего не чувствую. Но, чтобы произнести эти слова, нужно очень много сил. Я даже не знаю, удастся ли мне добраться до постели.

Однако каким-то образом это удастся. Я забираюсь в кровать одетой и начинаю нервно разглаживать простыни. «Я ничего не забыла. Я могу закрыться, замолчать, спрятаться от мира, как всегда это делала». Альтернатива – броситься в вихрь скорби.

Со мной всё будет хорошо, потому что за считанные часы я восстановила свои стены. При этой мысли я улыбаюсь.

Мне ничто не грозит.

Я закрываю глаза и немедленно засыпаю.

В пять часов утра, в воскресенье, я просыпаюсь и понимаю, что больше уже не засну. Жаль, ведь сон – такой прекрасный способ укрыться от жизни. Эсбен спит без задних ног, и я надеюсь, что он проспит еще долго. Он шевелится, когда я целую его в щеку, но, к счастью, не просыпается. Умом я знаю, что люблю Эсбена, и мне больно от того, что прямо сейчас я этого не чувствую, но опустевшее сердце – неизбежный побочный эффект.

Нам нужно каким-то образом вернуться обратно. Раз я проснулась, то могу приняться за дело. Я беру телефон и выхожу в Сеть. К моему облегчению, забастовка авиалиний закончилась вчера в полночь. Ну конечно. Днем раньше – и нам было бы намного проще. Всего за несколько минут я нахожу кучу вариантов на сегодняшний вечер.

Хотя нужно поблагодарить очень многих людей в Сети, меня донельзя пугает мысль о том, чтобы выйти в Твиттер или Фейсбук. Я просто кладу телефон в сумку. В полубреду, вчера ночью, я попросила Эсбена сказать нашим друзьям в Интернете, что всё кончено и Стеффи больше не страдает. Но сейчас мне больно читать ответы.

Потом я кое-что вспоминаю.

У меня остался телефон Стеффи.

Кажется, мне отдала его Ребекка. Я машинально роюсь в сумке. Ну да, вот он. Слава богу, он включается не сразу, а через несколько секунд – у меня есть время выдохнуть и подготовиться. Сама не знаю, к чему. Ведь это всего лишь мобильник. Но не простой. Это мобильник Стеффи, и всё очень серьезно. Я выхожу в Интернет, чтобы узнать, где была Стеффи, и невольно смеюсь, увидев страницу «Амазона» с перечнем покупок, которые отправятся на старую квартиру, – пакет маленьких игрушечных динозавриков, охлаждающий гель от геморроя и путеводитель по проселочным дорогам Арканзаса.

В альбоме лежат фотки осенней поездки ко мне в колледж, и я поскорей проматываю их, потому что не хочу погружаться в воспоминания о жизни, которой больше нет. Нет и, возможно, никогда не будет. Затем я

вяло просматриваю последние эсэмэски, в надежде убедиться, что друзья слали Стеффи лучи поддержки. Что она не совсем отрезала себя от мира.

Мои сообщения – на самом верху. Потом я проматываю какие-то извещения из клиники... и вдруг останавливаюсь.

Мой взгляд привлекает имя. Столь знакомое, что поначалу я его даже не замечаю.

«Эсбен Бейлор».

Сердце у меня колотится, когда я просматриваю ветку сообщений.

В последний раз они переписывались всего две недели назад.

«Ты уверен, что с ней всё нормально? – спрашивает Стеффи. – Точно?»

«Да, правда. Еще трудно, конечно, но она держится. После звонка она долго не могла успокоиться, но вообще Элисон молодец».

Я проматываю вверх. Рождество.

«Элисон хорошо провела праздники? – спрашивает Стеффи у Эсбена. – Вы виделись сегодня? Что ты ей подарил? А она тебе? Правда, Саймон лапочка?»

Эсбен присылает в ответ длинный, подробный отчет о моих зимних каникулах. Он рассказал о том, какая я была красивая в красном свитере, который мне подарил Саймон, о неудаче с бисквитом, о танце с Кристианом, о наших планах на Новый год... буквально всё.

Я снова проматываю. Вот фотография браслета, подаренного Эсбеном. Он спрашивает у Стеффи, понравится ли мне эта вещь.

Слова расплываются передо мной, и я на мгновение закрываю глаза. Открыв их, проматываю дальше, в начало разговора.

У меня уходит примерно час, чтобы прочитать всю переписку Эсбена и Стеффи.

И то, что я вижу, разрывает мне сердце.

В начале одиннадцатого Эсбен просыпается, а я всё еще сижу в кресле, не двигаясь. Гнев и печаль уже несколько часов отравляют мою душу.

– Эй, – хрипло говорит Эсбен. – Давно проснулась?

Я медленно поворачиваюсь к нему, не в силах скрывать боль. Да я и не хочу.

– Эсбен, что ты наделал?

Голос у меня обрывается, но я намерена держаться до конца.

Он трет глаза.

– Что случилось?

Я показываю ему мобильник.

– Это.

Эсбен качает головой.

– Твой телефон? Что такое?

– Нет, это не мой телефон.

До Эсбена не сразу доходит. Потом он опускает голову и делает глубокий вдох, прежде чем вновь посмотреть на меня.

– Это телефон Стеффи?

Я киваю:

Он привстает, но я останавливаю его:

– Нет, не подходи.

Мой голос дрожит.

– Элисон, позволь, я объясню.

– Не надо ничего объяснять. Здесь всё написано. Я прочитала вашу переписку. Стеффи виделась с тобой, когда приезжала ко мне в Сент-Эндрюс. В тот вечер, когда она ходила за едой... я помню, ее не было очень долго. Она пошла к тебе, так? И сказала, что смертельно больна.

– Да, – мрачно отвечает Эсбен.

– И попросила тебя позаботиться обо мне. Сойтись со мной поближе.

Он медлит.

– В общем, да. Но это потому что она хотела...

– Я в курсе, чего она хотела. Стеффи знала, что я одинока, и переживала, что у меня никого нет. Она увидела тот ролик и решила нас свести. Стеффи понимала, что ты за человек. Что ты не скажешь «нет» в такой ситуации. Правильно?

Я смотрю в окно на яркое солнце и спокойно завершаю:

– Что ты не откажешь умирающей девушке в ее просьбе.

– Нет, всё было не так, – решительно заявляет Эсбен.

– Стеффи это устроила. Она вынашивала план с той самой минуты, когда увидела ролик. Эти предполагаемые отношения между нами... – Я поворачиваюсь, глядя на него с мукой и невыразимой скорбью. – Всё было не так, как я думала. Совсем не так. Просто ты взял на себя обязательство, которое должен был выполнить. Ты... ты заставил меня поверить в свою любовь, но на самом деле ничего не было, не так ли? Просто... большой, прекрасный, самоотверженный социальный эксперимент. Но нет... я знаю тебя... я наверняка ошибаюсь. Пожалуйста, скажи, что я ошибаюсь.

– Конечно, ошибаешься. – Как бы я ни пыталась жестами остановить Эсбена, он подходит и становится на колени передо мной. – Мы с тобой оба знаем, что полюбили друг друга еще до того, как появилась Стеффи. Ты знаешь это, Элисон. Я растерялся, когда Стеффи пришла ко мне. Э... что я

должен был делать? Я убеждал ее рассказать тебе правду, но она стояла на своем. И я... я просто сказал ей то, что она хотела услышать. Но я имел в виду... – Он качает головой. – Не знаю. Я влюбился в тебя сразу, как только увидел. Всё, чего мы достигли вместе... это сделала не Стеффи, а мы с тобой. Это – настоящее.

– И всё это время... – Я так смущена, что едва слышу слова Эсбена и с трудом могу говорить, – всё это время ты знал. Знал, что она больна – задолго до того, как Стеффи призналась мне. Если бы я только знала, как она страдает, я бы, наверное, что-нибудь сделала. Прилетела бы к ней, пусть даже она отказывалась меня видеть. Может, Саймон смог бы ее убедить. Ты говоришь, что любил меня, но ты не дал мне никакой свободы выбора.

Очень трудно сейчас не заплакать.

– Ты сделал то, что требовала от тебя умирающая девушка.

Эсбен решительно качает головой.

– Я не хотел тебя обижать. Прости, Элисон. Правда, не хотел. Только проявить уважение к Стеффи. Ты же читала переписку. Ты сама видела, сколько раз я просил ее рассказать тебе правду.

– Ты спал со мной и...

Я замолкаю.

О нет.

Вдруг меня охватывает паника. Я встаю и начинаю мерить шагами комнату, пытаюсь сложить два и два.

– Может, Стеффи была права.

– По поводу?

Я останавливаюсь и смотрю на него.

– Есть кто-то один. Она всегда твердила, что у каждого есть только один близкий человек. Помнишь, я тебе рассказывала? И она не ошиблась. У меня была Стеффи... – Я смеюсь от мучительного осознания и глотаю воздух. – У меня была Стеффи, и я сменила ее на тебя. Поэтому она умерла. Жизнь так устроена, что вы оба не могли остаться... Если бы я послушала ее...

Теперь я понимаю, что натворила.

Эсбен энергично качает головой:

– Элисон, не сходи с ума. Ты сама знаешь, что это неправда. Таких законов нет.

– Если бы не мы с тобой, – говорю я, обращаясь в основном к себе, – Стеффи не заболела бы опять. Она осталась бы жива.

– Нет, Элисон, – резко отвечает Эсбен. – Стеффи заболела бы,

невзирая ни на что. Рак невозможно контролировать. С ним нельзя заключить сделку.

Он прав. Или я права. Не знаю. Неважно, потому что Стеффи умерла, и ничто ее не вернет.

Я беру сумку и тупо произношу:

– Мне надо ехать домой.

– Нет, пожалуйста, не уходи. Ты сейчас ничего не соображаешь, честное слово. – Эсбен касается моей руки. – Элисон, я люблю тебя. Люблю всем сердцем. Скажи, что веришь мне.

Я боюсь, что сейчас заплачу и не сумею остановиться, поэтому я подавляю слезы и смотрю на него с невыразимой тоской.

– Я тоже люблю тебя, Эсбен. Но этого сейчас недостаточно.

Мне никогда еще не бывало так больно.

– Или, наоборот, это слишком много. Ты всегда будешь напоминать мне про смерть Стеффи. Я очень тебе благодарна – настолько, что не могу выразить словами – за то, что ты привез меня в Лос-Анджелес. Но я буду смотреть на тебя и думать про Стеффи. Ты всегда... – Я начинаю слабеть, – всегда будешь разбивать мне сердце – из-за того, что мы пережили вместе. Всё остальное, что было между нами, теперь уже не важно.

– Элисон, не надо. Пожалуйста, не говори так.

У Эсбена слезы на глазах. Он пытается обнять меня.

– Нет, нет, пожалуйста, не трогай.

Больше ничего я не могу сделать, чтобы удержаться. Только собрать остатки сил, которые у меня еще остались.

– Мне нужно ехать. Прости. Прости, что я снова всё испортила.

– Я ничего не понимаю. Пожалуйста, сядь. Давай поговорим, – просит Эсбен.

– Не могу. Эсбен, я уже давно предупредила, что сломлена. Возможно, тогда я ошиблась, но сейчас это именно так. В конце концов, тебе не нужны мои проблемы. Я очень люблю тебя, но мне лучше уехать.

Я отступаю от него. Всё очень непонятно, грустно и ужасно. И, прежде чем я успеваю сделать какую-нибудь глупость, например передумать, я поворачиваюсь и выхожу из номера. Это единственный разумный вариант, который остался. Ни для меня, ни для нас нет возможности восстановления.

Я сажусь в такси и еду в аэропорт. По пути звоню Саймону. Я отчаянно хочу расплакаться, услышав его голос, но удерживаюсь.

– Элисон?

Я проезжаю семь кварталов, прежде чем мне удастся что-либо сказать,

но Саймон терпеливо ждет.

– Я хочу домой. Папа, я хочу домой. Пожалуйста, помоги мне.

Пожалуйста, помоги. Пожалуйста.

– Езжай в аэропорт, я куплю тебе билеты.

– Пожалуйста, помоги мне, – повторяю я.

– Обязательно.

Глава 31

Готово

Два дня я только плачу, не выходя из своей комнаты. Брюс Уэйн почти не отходит от меня. Он сворачивается рядом, словно пытается утешить. Во сне он похрапывает, и этот звук отчего-то кажется таким успокаивающим. Во вторник я вылезаю из постели, жутко мучаясь от жажды, но, по крайней мере, перестаю плакать. Саймон взял на неделю отгул; он пытается поговорить со мной, но я отказываюсь. Я готовлю. Пеку печенье, пироги, булочки, пирожные... что угодно.

Мне просто хочется печь. Плевать, что я совсем этого не умею. Мы возьмемся на кухне. Больше ничего не делаем.

В пятницу мы с Саймоном сидим за столом, окруженные таким количеством сладкой выпечки, что впору открывать кондитерскую. Брюс Уэйн громко похрапывает в углу, лежа в затейливой собачьей корзинке, которую купил для него Саймон. Единственное, о чем мне хочется говорить – так это о том, как научиться делать глазурь получше и как правильно держать мешочек, чтобы наполнить кремом профитроли. Саймон терпеливо разбирал со мной рецепт за рецептом. Но теперь, когда я принимаюсь маниакально разглядывать посыпку на печенье, он вдруг бьет скалкой по столу.

– Что? С тестом что-то не то?

Он громко вздыхает и снимает фартук.

– Элисон, детка, ты знаешь, что я люблю тебя и поддерживаю, несмотря ни на что. Во всем. Ты это знаешь? Да?

– Да, – негромко отвечаю я, посыпая очередное печенье.

Он упирается руками в стол и смотрит на меня.

– Но прямо сейчас мне не нравится, как ты живешь, и терпеть это я больше не намерен. Если моя дочь вредит себе, я обязан ее остановить. И именно это я собираюсь сделать.

– Ты читал переписку. Я рассказала тебе, что случилось, и...

– Хватит! – перебивает Саймон. – Помолчи и послушай. Да, я прочел переписку. Да, я выслушал твою бредовую теорию о том, что в жизни у каждого может быть только один близкий человек и что ты якобы настолько могущественна, чтобы убить Стеффи, влюбившись в Эсбена. Это глупо! И я был бы безответственным отцом, если бы поддержал тебя.

Бред какой-то.

– Я не говорила, что настолько могущественна...

– Но, по сути, имела в виду. Это называется магическое мышление.

Саймон придвигает табурет и садится.

– Девочка моя, нужно прийти в себя. Смерть Стеффи – огромная потеря. Я согласен. Твоя лучшая подруга умерла. Человек, с которым тебя многое связывало. Ты имеешь полное право горевать, злиться, грустить и так далее. Я это признаю. Но не собираюсь тебя поддерживать, видя, как ты вновь пытаешься отгородиться от меня. От меня, от Эсбена, от остальных. Не рассчитывай на мою поддержку, если попытаешься забраться глубже, чем раньше. Особенно после всех твоих успехов. Я видел, как ты была счастлива, когда вышла наконец из норы, и я не позволю тебе от этого отказаться. Послушай, милая...

Саймон забирает у меня посыпку и сидит неподвижно, так что я вынуждена взглянуть на него.

– Стеффи во многом была просто чудо. Энергичная, активная, веселая – очень веселая, правда? Красивая, умная, сильная. Возможно, даже слишком сильная... – Он замолкает, давая мне время подумать. – Согласна?

Я некоторое время размышляю, после чего признаю:

– Да, наверное.

– Лично мне так кажется. Она была такая стойкая, что оттолкнула тебя, хотя могла бы воспользоваться твоей помощью. И мне от этого очень грустно. Да, мы уважали решение Стеффи, потому что она проявила силу духа перед лицом смерти, но все-таки это грустно. И я думаю, что, хоть она и была для тебя во многом образцом, Стеффи заодно внушила тебе некоторые очень неверные представления о жизни. О людях. Она считала, что у каждого может быть только один близкий человек, потому что больше ей самой было не под силу. Так она могла оправдать себя в том, что подпустила только тебя, и никого другого. И в том, что отвергла Кэла и Джоан. Очень жаль, что Стеффи так поступила с собой. Но тебе необязательно делать то же самое, Элисон. Необязательно отталкивать всех, чтобы обеспечить себе безопасность.

Я туго смотрю на него, не в силах ответить.

Саймон смягчается.

– Разве совсем недавно ты не была счастлива? Разве тебе не нравилось общаться с людьми? Скажу честно, я радовался, видя, как ты изменилась. Не возвращайся назад, девочка. Не надо. Это будет страшная ошибка. Стеффи поставила Эсбена в заведомо проигрышную ситуацию. Что, черт

возьми, он должен был сделать?! Скажи, что бы сделала на его месте ты! Здесь нет правильного ответа.

– Но... – Конечно, это звучит глупо, но все-таки я должна сказать. – Значит, он не был мне верен. Как будто... он предпочел мне Стеффи.

– Неправда. Ты не понимаешь. Совсем. Эсбен сделал это, потому что ты была верна Стеффи. Она возложила на него огромное бремя, и, в общем, несправедливо. Он не мог предать ее доверие – и поэтому ему пришлось обмануть тебя. Эсбен выбрал меньшее из двух зол. И если ты перестанешь сходить с ума, – добавляет Саймон с улыбкой, – ты это поймешь.

Некоторое время я просто сижу и думаю.

– Я сильно перепугалась, да?

– Да. Очень.

Саймон берет печенье со стоящего передо мной противня и целиком сует в рот.

– Тебя потрясло то, что сделали Стеффи и Эсбен. Но ты сама подумай. Они оба поступили так, как, по их мнению, было лучше для тебя. Они хотели, чтобы ты пострадала как можно меньше. Стеффи уж точно не желала бы, чтобы ты опять залезла в скорлупу. И чтобы вы с Эсбеном расстались. Она хотела совсем другого.

Я замечаю, что лежащее передо мной печенье сыреет. На него падают мои слезы.

– Стеффи любила меня. Очень.

– Да, – отвечает Саймон, прикладывая к моему лицу салфетку. – Ты это знаешь. Слушай свое сердце.

– И Эсбен любит меня. По-настоящему.

Печенье вот-вот совсем размокнет.

– Очень любит.

– Я всё испортила.

– Ты... – Саймон откашливается и, видимо, подбирает тактичные слова. – Это была жесткая реакция. Жесткая, негативная реакция на тяжелую ситуацию. Но ничего непоправимого не случилось.

Я в отчаянии смотрю на него.

– А если я не смогу это исправить? Если уже слишком поздно?

– Моя дорогая дочь, – произносит Саймон с улыбкой, – прошло всего несколько дней. Никакой катастрофы не было. То, что объединяет вас с Эсбеном, не исчезнет от одной истерики. Даже такой колоссальной.

Я не знаю, верить ему или нет. У меня раньше никогда не было серьезных отношений. Или... у нас с Эсбеном всё кончилось? Нет. Я понимаю, что нет.

– А мы с тобой?

– А что мы с тобой? – спрашивает Саймон, принимаясь вновь раскатывать тесто.

– Я повредила нашим отношениям?

– Единственный вред, который ты нанесла – это заставила меня набрать несколько фунтов, и я в отчаянии, потому что на следующей неделе у меня свидание.

– Правда? С кем?

Он небрежно машет рукой.

– С одним человеком, с которым я познакомился в Сети... Он комментировал посты Эсбена.

Я оживляюсь.

– Кто-то из тех, кто ставил тэг «клевый папа»?

Саймон краснеет.

– Э... Ну да. Впрочем, он мой ровесник. Не скажешь, что он непозволительно молод. Очень импозантный мужчина.

Я принимаюсь бессмысленно промокать влажное печенье бумажным полотенцем, но Саймон отбирает его у меня.

– Брось. Эти печеньки ничто не спасет.

Я вытираю глаза.

– Значит, всё нормально? Прости, что обидела тебя. И что отвратительно вела себя с самого приезда.

– У нас всегда всё хорошо, запомни это. И прости меня за то, что накричал. Но, кажется, это был единственный вариант.

– Эсбену тоже, наверное, надо было на меня прикрикнуть.

– А он повел себя исключительно вежливо?

Я пожимаю плечами.

– Да. Кажется, я просто не дала ему шанса...

Я тянусь за лимонным батончиком.

– Он, впрочем, сказал, что я ничего не понимаю. Но в целом Эсбен был слишком деликатен. И, наверное, до чертиков испугался, когда я психанула.

Я наклоняюсь и опускаю голову на стол.

– Я действительно ничего не понимаю. И чувствую себя ужасно. Эсбен не заслуживал такого обращения...

– По большей части да, – соглашается Саймон и гладит меня по спине. – Разве что чуть-чуть. Опять-таки, он оказался между молотом и наковальней, и, скорее всего, никакого правильного решения здесь быть не могло. В конце концов, я думаю, что ты хорошо знаешь Эсбена.

И доверяешь ему.

Саймон прав. Я уже не та, что раньше. Я действительно доверяю Эсбену. И верю в него – и в нас.

– О боже! – вдруг вскрикиваю я. – Папа, как мне всё исправить?

Саймон старательно взбивает сливки для морковных кексов и молчит.

Я постукиваю пальцами по столу, снова плачу, нервничаю, то предаюсь угрызениям совести, то прощаю себя, вспомнив о потере, которую пережила. Ведь я небезупречна. Очень далека от идеала.

В сплошном тумане уныния я вдруг вижу одно яркое пятно.

И выпрямляюсь.

– Я назвала тебя «папа».

Саймон кивает, продолжая увлеченно взбивать смесь в миске.

– Я назвала тебя папой, – повторяю я громче. – Ничего себе.

– Да.

– И когда сидела в такси... – Я, мягко говоря, потрясена. – Я тоже сказала «папа».

– Да. Правда, я не был уверен, что ты это... искренне.

Я радостно улыбаюсь.

– Я говорила серьезно.

– Здорово. – Лицо Саймона делается таким счастливым, что мое волнение и беспокойство немного ослабевают.

– Я просила тебя о помощи.

– Да.

– И ты помог. Ты всегда мне помогаешь.

– И всегда буду.

Я принимаюсь раскладывать посыпки для пирогов, расставляю маленькие коробочки с пудрой и цветным сахаром. Рукава у меня в пятнах, но какая разница?

– Да. Теперь я вижу, что никогда в этом и не сомневалась. Не сомневалась в тебе. Честное слово. Ты мой отец. Мой папа.

– Навсегда.

Хоть я не сомневалась в Саймоне, но, очевидно, сделала колоссальную ошибку, когда речь зашла о доверии к Эсбену. Я наваливаюсь на стол. Эсбен наверняка обиделся...

– Он перестал писать и звонить мне утром во вторник. Это плохой знак. Может, уже поздно. Может, уже всё пропало.

– Вовсе нет, – уверенно заявляет Саймон, вытащив из духовки идеально поднявшийся шоколадный пирог. – Прошло всего несколько дней. Несколько дней с тех пор, как ты потеряла Стеффи и поругалась с Эсбеном.

Соберись и не теряй голову, слышишь? И, кстати... ты довела бисквит до совершенства. После такого достижения вряд ли может случиться что-то плохое.

– Я назвала тебя папой и испекла бисквит, от которого никого не стошнит. Две важные вещи, так? – с надеждой спрашиваю я.

– Да, – отвечает Саймон и сияет, протягивая мне полную ложку сливочной глазури.

– И ты отвезешь меня в колледж завтра, правда?

– Да, а что?

Я наклоняюсь и пробую глазурь. Она, конечно, идеальна.

– Я должна позвонить Керри. Посоветоваться и поговорить как девушка с девушкой, прежде чем вернуться в колледж. Ты не против?

– Нет, конечно. Беги. Побудь нормальной студенткой, которой лень прибираться на кухне. Я уж как-нибудь справлюсь сам. – Саймон изображает крайнее разочарование, такое преувеличенное, что я смеюсь.

Впервые за несколько дней.

– Я вернусь через пять минут и отдраю кухню, честное слово.

– Не волнуйся, – отвечает Саймон с наигранной беспечностью. – Кстати, Элисон... если хочешь, возьми мою старую машину себе. У меня же теперь новая.

– Ах да. Тот маленький «Порше». И... ты оставил старую? Ту, которая тебе не нужна?

Я съедаю еще пять ложек глазури и пытаюсь подавить улыбку. Саймон выхватывает у меня ложку.

– Просто скажи «да».

Теоретически Саймон не покупал мне машину.

– Ладно. Да.

Я вовсе не хочу раздуть из мухи слона, но Саймон подходит к Брюсу и начинает энергично его гладить.

– Ты слышал? Наша Элисон теперь – гордая автовладелица.

Брюс машет хвостом и пыхтит, как будто он действительно рад.

– Лучше скажи, зачем тебе Керри? – спрашивает Саймон и трется носом о нос Брюса. – О чем ты собираешься с ней говорить?

Я подхожу и тоже глажу собаку.

– Я возвращаюсь на исходную.

Очень приятно вновь почувствовать себя собой. Обновленной. Уверенной в своих желаниях. Пусть даже я не знаю, что из этого получится.

– Слушай, Саймон... папа.

– Да, детка?

Я придвигаюсь ближе, тянусь к моему необыкновенному отцу и обнимаю его.

– Спасибо тебе. Большое спасибо. За всё.

– Я всегда с тобой.

– Прости за этот безумный кулинарный марафон.

– Все мы иногда немного сходим с ума. Лучше уж печь пироги, чем, к примеру, сжечь дом дотла.

– Ты прав.

Я так долго держу его в объятиях, что он наконец начинает смеяться и гладить меня по спине.

– Хватит. Иди звони Керри. Я буду здесь, когда закончишь.

Я отступаю и улыбаюсь.

Я знаю, чего хочу, и сделаю всё возможное, чтобы этого добиться.

Брюс Уэйн потягивается и лезет ко мне носом. Я принимаю это как знак одобрения. Сейчас мне нужен максимум позитива.

Глава 32

Снова и снова

Поездка в Эндрюс-колледж казалась бесконечной, и не раз Керри клала руки поверх моих пальцев, выстукивавших дробь на руле. Я ничего не могла с собой поделать.

Наш телефонный разговор был неловким, полным извинений, но Керри на моей стороне. Она сердилась на Эсбена, который ни словом не обмолвился о том, что произошло между нами. Поэтому Керри обрадовалась, когда я позвонила. Сообщив Эсбену, что его молчание ей надоело, она поехала в колледж со мной, а не с братом.

В живописном Лэндоне прекрасный вечер. Мы с Керри – на той же самой скамейке, где я сидела прошлой осенью. Как и тогда, я смотрю на озеро, но на сей раз не пытаюсь сбежать от мира и погрузиться в ничто.

Сегодня я пытаюсь жить.

Керри кладет руку мне на спину, чтобы унять дрожь.

– Всё будет хорошо.

Я рассматриваю рябь на воде. За последнюю неделю случилось слишком много событий; но хотя я потеряла Стеффи и временно утратила завоеванные позиции, я не могу лишиться всего. Озеро прекрасно, просто прекрасно...

Спустя некоторое время я говорю:

– Я так люблю его...

– Знаю, – отвечает Керри. – Дыши, Элисон. Ты справишься.

Шесть часов. Я смотрю на нее:

– Сейчас?

Она кивает:

– Да. Он приехал час назад. И точно получит извещение.

Моя рука дрожит, когда я пишу в Твиттере: *«Я зря убежала. Если можешь простить меня, давай встретимся в 7. 180 секунд вдвоем, как в тот раз. #этот_поцелуй_часть_2»*.

Без помощи Керри я бы не справилась. И она уверена, что это сработает.

– Ему обидно, – говорит Керри, – но в основном Эсбен злится на себя. Я это знаю, хотя он мне ничего не сказал. А еще... я видела, каким он приехал домой из Лос-Анджелеса. Элисон, он безнадежно влюблен. У него

буквально вся футболка в крови, которая течет из разбитого сердца.

– Потрясающая картина.

Она пожимает плечами:

– Сегодня можно немного преувеличить.

– Я бросила его там, Керри. Бросила Эсбена в Лос-Анджелесе. – Я нервно растираю себе плечи. – Он столько для меня сделал, а я психанула. И бросила его. Это плохо.

– Ты сорвалась. Просто на время утратила ясность мысли. Мы все это понимаем. И Эсбен понимает. А как иначе? Он напуган. Как и ты.

В течение сорока пяти минут я нервно проверяю Твиттер, отчаянно надеясь получить ответ. Хоть что-нибудь в знак того, что Эсбен придет. Но ничего нет. Зато я вижу более шестисот перепостов.

– Пошли, – уверенно говорит Керри. – Джейсон, Дэнни и Кармен всё устроили.

Я киваю, но ей приходится буквально стащить меня со скамейки.

Путь до центра города кажется слишком коротким; булыжные мостовые, железные фонарные столбы и милые магазинчики мысленно возвращают меня в минувший сентябрь. Мы с Керри, держась за руки, идем по улице, которая в этот теплый вечер переполнена людьми.

– Готова? – спрашивает она.

– Нет. – Я заставляю себя улыбнуться. – Да.

– Тогда садись.

Керри направляет меня к очень знакомому столику, за которым стоят два стула. Я медленно подхожу и сажусь, потом смотрю по сторонам. Вокруг собралась настоящая толпа. Она больше, чем в тот первый раз, когда мы с Эсбеном сидели друг против друга. Мое сердце начинает колотиться, но все-таки я улыбаюсь. Видимо, пост в Твиттере привлек некоторое количество моих сторонников. Здесь очень много незнакомых людей, но я чуть-чуть расслабляюсь, когда вижу Джейсона и Дэнни, которые корчат дурацкие рожи и одобрительно машут руками. Они оба держат телефоны наготове, и у меня в животе всё стягивается в узел. Краем глаза я вижу, как мне машет Кармен. Она дружески улыбается.

Я вновь окидываю взглядом всех этих людей, которые стали частью моей жизни и которым я так благодарна.

По крайней мере, сейчас я не одна. Пускай мне дико страшно, но я не одна.

Над дверью магазина висят часы. Сейчас без двух минут семь.

Я смотрю на Керри, и она жестом велит мне проявить терпение.

Я усаживаюсь поудобнее, провожу рукой по волосам, делаю глубокий

вдох.

Паниковать рано.

Но время идет, и я постоянно взглядываю на часы. Вот уже десять минут восьмого.

Блин. Я опускаю голову, не в силах смотреть на Керри и остальных.

Люди хлопают в ладоши и выкликают мое имя. Кто-то кричит:

– Всё хорошо, Элисон! Ты правильно сделала! Он придет!

Услышав новый всплеск одобрительных аплодисментов, я поднимаю голову и пытаюсь улыбнуться зрителям, хотя глаза у меня полны слез.

В восемнадцать минут восьмого мое сердце начинает опускаться в пятки.

Он не придет. Эсбен не простил меня.

Я думаю: как будет ужасно никогда больше не обнимать его, не целовать, не смеяться, не жить. Как ужасно, если я больше не смогу дарить ему свою любовь...

Что, если Эсбен уже никогда не притронется ко мне и я не почувствую слабость, как всегда бывало от его прикосновения?

Что, если его янтарные глаза больше никогда не будут весело искриться при виде меня?

Что, если я никогда не проведу пальцами по изгибу его поясницы? Эсбена это всегда сводило с ума. Он хватал воздух ртом, когда я постепенно забиралась рукой ему под ремень и поглаживала живот. Я хочу проделывать это снова и снова...

Что, если наши тела никогда больше не будут двигаться мерно и гладко, так, чтобы мы оба в очередной раз убедились, что магия и романтика – не выдумки?

Что, если больше не будет черничных поцелуев, от которых бросает то в холод, то в жар?

Если больше не будет фениксов, песочных часов, разноцветных носков, макарон из микроволновки?

Если мы больше не будем искать хозяев для собак из приюта, объединять давно расставшихся друзей, устраивать сказочные вечеринки на день рожденья? Мы стали командой, и наша связь – воплощение силы и душевного здоровья. Мы можем изменить мир. Можем творить добро. Я знаю, что можем. Знаю.

И – о боже – вдруг я никогда не сумею доказать, что мои чувства не достигли предела? Что я способна еще сильнее влюбиться в этого искреннего, бескорыстного, заключающего в себе всё на свете человека, который сотряс мой мир до основания?

Что, если нашей любви пришел конец?

Если, если, если...

Мое сердце полно ужаса. Вдруг я всё погубила?

Семь двадцать пять. Наверняка ясно, что я расстроена, потому что стоящие вокруг люди начинают скандировать:

– Этот поцелуй – два! Этот поцелуй – два!

Точка. Я больше не выдержу. Я отодвигаю стул и смотрю на Керри. Она грустно кивает. Надо сдать.

Я уже собираюсь встать и выйти из этого ада, когда толпа вдруг взрывается такими аплодисментами, что страшно даже подумать об их причине. Сердце у меня сжимается: я вижу Эсбена, который, запыхавшись, плюхается на стул напротив.

Сама не знаю, как мне удастся заговорить:

– Ты здесь.

Я даже не пытаюсь скрыть облегчение и прочие чувства, которые звучат в моих словах.

Он медленно кивает, и в его глазах я вижу несомненную любовь.

– Всегда с тобой, – отвечает Эсбен, с трудом переводя дух. – Всегда.

Он раскраснелся, и ему приходится отдышаться, прежде чем продолжить:

– Я увидел твой твит. Но у меня разрядился телефон. И всё. Всё... – Он проводит рукой по волосам и постепенно успокаивается. – Я не смог ответить. Я поехал сюда, и у меня снова сел аккумулятор. Поэтому я побежал...

Эсбен сглатывает и глубоко дышит.

– Я добежал. – Он устремляет взгляд на меня. – Я здесь. Целиком и полностью.

– И это главное. – Я улыбаюсь и делаю глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, которые за последние несколько минут совсем разгулялись. – Ты готов?

Он улыбается в ответ и начинает усаживаться поудобнее.

– Готов.

Эсбен потный, усталый – и невыносимо прекрасный. Он – весь мой мир. И ему больше никогда не придется так мучиться из-за меня.

Когда мы оба немного успокаиваемся и понимаем, что пора, я поднимаю бровь.

– Поехали? Сто восемьдесят секунд.

– Сто восемьдесят секунд, – повторяет он.

Я поворачиваюсь к Керри, которая уже готова взорваться, и киваю. Она

успокаивает толпу и кричит:

– Время пошло!

Десять секунд. Эсбен очень внимателен, он смотрит прямо на меня, и я знаю, что он не моргнет, не отведет взгляда даже на мгновение. В отличие от прошлого раза, сегодня мне это нравится. Тогда, тем сентябрьским вечером, я делала всё возможное, чтобы отгородиться от Эсбена, но сегодня мое сознание и тело расслаблены и открыты, они питаются и подзаряжаются этими ощущениями. Так приятно наслаждаться первыми моментами нашего воссоединения, и, судя по выражению лица, Эсбен чувствует то же самое.

Тридцать шесть секунд. Я так скучала по Эсбену. В последний раз мы виделись всего неделю назад, но мне кажется, что прошла целая вечность. Теперь уже не верится, что я настолько спятила.

Я бросила его в Лос-Анджелесе. После всего, что он сделал для меня. Я извиняюсь взглядом: «Прости, пожалуйста. Мне очень жаль. Я вела себя ужасно. Теперь мне стыдно, что я так поступила. Жаль, что время нельзя повернуть вспять». Я сжимаю губы, и Эсбен слегка подается вбок, а потом чуть заметно качает головой. Он хочет сказать, что всё в порядке, что я была в глубоком горе и имела полное право сорваться.

«Ты слишком добрый, – думаю я. – Слишком щедрый, слишком готовый простить, слишком терпеливый. Я восхищаюсь этими качествами – и учусь у тебя. Медленно, но верно. Больше я тебя не подведу, обещаю. Я принесла больше вреда себе – некоторые фрагменты прошлого до сих пор ранят меня. Но теперь я стала сильнее. Благодаря тебе, Саймону, Стеффи».

Я улыбаюсь – потому что верю в себя и в свое будущее.

Шестьдесят восемь секунд. Выражение лица Эсбена слегка изменилось. Я не сразу понимаю, что он чувствует. Мне трудно это принять, но Эсбен хочет, чтобы я знала: я тоже ему помогла. Наши отношения не такие односторонние, как мне порой кажется. Серьезное лицо и внимательный взгляд Эсбена буквально приковывают нас обоих к месту. Ему очень важно, чтобы я в это поверила. Эсбен нуждается во мне так же сильно, как я в нем. Он напоминает, как долго у него не было девушки, вообще никаких отношений. Я не должна забывать, что он полюбил меня. И Стеффи, пытавшаяся нас соединить, тут ни при чем.

Он прав. Я никогда больше не забуду, какую роль сыграла в наших отношениях.

Девяносто девять секунд. Мы продолжаем переживать это во второй раз, и до меня доходит еще кое-что. Хотя Эсбен во многих смыслах помог

мне преобразиться, есть еще один человек, который заслуживает уважения, во всяком случае не меньшего. Саймон. Мой отец. Папа. Он был рядом со мной задолго до того, как Эсбен вошел в мою жизнь. Саймон медленно и мучительно закладывал фундамент доверия, на котором я могла возвести новое здание. Я смутно сознавала это и испытывала угрызения совести, но теперь чувству вины пришел конец. Пора оценить и принять всё, что совершил Саймон, и превратить его исцеляющую любовь в нечто конструктивное. Я так и сделаю.

Даже когда я пыталась отгородиться, Саймон пробивался сквозь мои стены. Именно из-за него я так нервничала в начале года, даже когда еще ничего не знала об Эсбене Бейлоре. Какая-то часть моей души откликалась на любовь и преданность Саймона, и мне до боли хотелось принять его заботу и попросить еще. Я многим обязана своему отцу. И это кажется не тяжким бременем, а прекрасной перспективой, к которой я стремлюсь всей душой. Сто двадцать две секунды. Близость и уют, которые я ощущаю рядом с Эсбеном, тоже многое дают мне. На сей раз я не стану отстраняться, хотя и чувствую боль. Я скучаю по Стеффи. Я знала, что так будет. Что она умрет. Я не в силах произнести эти слова, но всё равно говорю их мысленно, потому что придется к ним привыкнуть. Стеффи умерла. Соединить в одной фразе мою лучшую подругу и смерть – невероятно, чудовищно; это реальность, которую я до сих пор пытаюсь принять, хотя всё стало ясно уже несколько месяцев назад. И, чтобы утешиться, мне нужна сила Эсбена.

Я вскидываю голову и пытаюсь собраться с силами. «Я уже по ней скучаю. Вряд ли у меня когда-нибудь будет такая подруга, как Стеффи. Никто ее не заменит. Но...» Я чуть не разрываю зрительный контакт, когда на глаза мне опять наворачиваются слезы. «Но я еще найду друзей – новых и удивительных. Они будут не похожи на Стеффи. То, что происходит – нормально. Стеффи и всё, что мы пережили вместе, навсегда сохранится в моем сердце, и это нормально. Это не соревнование за место в моей жизни». Я начинаю плакать открыто, однако не свожу глаз с Эсбена.

Не могу. Он – мое спасение.

Когда Стеффи велела мне не трусить, она имела в виду именно это. Она хотела, чтобы я обрела то, что, по разным причинам, моя подруга не смогла позволить себе. Сильная и напористая, она не сумела принять жизнь, потому что слишком сильно боялась. Потому что обзавелась чересчур толстой броней. И, прежде чем Стеффи нашла для себя способ исцелиться, проклятый рак убил ее.

Она не успела залечить былые раны, но я-то успела – и воспользуюсь

этим. Я буду радоваться каждой возможности пережить второе рождение. Обновиться. Обрести себя.

Сто сорок секунд. Последние две минуты Эсбен следил за каждым моим движением, каждым жестом, каждым крошечным изменением в лице... Я вновь вернулась в мир покоя и любви. Туда, где больше всего мне хочется примирения с человеком, благодаря которому я обрела себя. Я посылаю Эсбену свою любовь, нежность и страсть – это невозможно отрицать. И Эсбен, кажется, чувствует, что я делаю, потому что, к моему удивлению, нарушает собственное правило и на мгновение устремляет взгляд на мою шею, которую он так любит целовать. На лице у него неприкрытое вожделение. Это точно. Я поднимаю брови и посылаю ему игривый взгляд, одновременно усаживаясь поудобнее.

Сто пятьдесят девять секунд. Эсбен по-прежнему смотрит прямо на меня, с упорством и энергией, которые я обожаю. А затем одними губами произносит три волшебных слова. Неважно, когда и как мы говорили их раньше. Главное – что мы имеем в виду сейчас.

«Я люблю тебя».

И я сразу же отвечаю ему беззвучно: «Я люблю тебя».

Люди вокруг кричат:

– Ого-го! Ух ты!

Страстные, полные желания взгляды, которыми мы обмениваемся, очевидно, не остались незамеченными. Все понимают, что между нами происходит, и мне нравится, что публика ликует.

«Уже почти всё, – думаю я. – Держись. Держись ради меня».

Сто семьдесят две секунды. Мы оба вот-вот взорвемся. Зрители начинают обратный отсчет.

– Восемь! Семь! Шесть!

Я встаю. Эсбен тоже. Мы готовы. Мы следуем правилам и не сводим друг с друга глаз, но мы готовы.

Эти последние секунды мучительны и чудесны. Эсбен красив, силен и умопомрачительно прекрасен во всех смыслах. Прежде его красота сокрушала меня, но сегодня она придает мне сил. Она словно гарантирует, что я смогу жить нормальной, здоровой жизнью.

– Время! – кричит Керри.

Мы настолько растворились друг в друге, что не слышим ее. Эсбен расправляет плечи – наши тела идеально гармонируют – и внимательно смотрит на меня. Я не в силах прервать этот момент. Моя любовь к нему так велика, что сердце и разум совершенно вышли из-под контроля.

– Время! Время! – повторяет Керри.

Я возвращаюсь к реальности и бросаю на Эсбена игривый, дразнящий взгляд.

Он ухмыляется в ответ. «Давай, – мысленно говорит он. – Давай, сделай это. Позволь мне снова тебя обнять».

Не чувствуя ничего, кроме абсолютной уверенности, я пинком отбрасываю от себя стул, затем хватаюсь за стол и опрокидываю его набок. Время словно остановилось. Мы смотрим друг на друга и не двигаемся. Я начинаю слабеть, потому что вижу воочию: наша любовь жива.

– Время! Блин, время! – вопит Керри.

Мы бросаемся друг к другу, и сегодня именно я обнимаю Эсбена, потому что он ломается. Он прячет лицо у меня на плече, и его слезы текут мне под футболку. Я обнимаю Эсбена и притягиваю к себе.

– Пожалуйста, не плачь, любовь моя, – прошу я. – Пожалуйста, не надо.

Он обвивает меня рукой, и я наслаждаюсь его объятиями.

– Я правильно тебя понял? Ты со мной? Ты больше не уйдешь? – спрашивает он дрожащим голосом.

– Да, – отвечаю я. – Прости. Прости меня. Господи, я в Лос-Анджелесе совсем сошла с ума. Совершила все возможные ошибки и еще немножко сверх.

– Не надо, – отвечает Эсбен, прижимаясь ко мне. – Всё будет хорошо. Элисон, просто поцелуй меня.

Это так легко. Мы повторяем наш поцелуй, тот, который случился много месяцев назад, но на сей раз он гораздо искреннее и в нем намного больше чувства. К нему не примешиваются обломки моего прошлого. Нет ничего, кроме чистой, безоговорочной любви. Когда Эсбен прикается к моим губам, я привстаю на цыпочки и полностью отдаюсь силе его поцелуя. «Это можно, – напоминаю я себе. – Можно быть по уши влюбленной. Можно наслаждаться этим прекрасным человеком и радоваться будущему».

Нет никаких причин прерываться, и, вероятно, я бы простояла так до конца жизни. Но когда язык Эсбена касается моих губ... затем спускается к шее... я охотно подаюсь ему навстречу – и вдруг вспоминаю, что мы, к сожалению, не одни. Щелкают фотоаппараты, мелькают вспышки, растущая толпа издает радостные возгласы. Это звуки, от которых я бы раньше сбежала. Но сегодня? Сегодня они наполняют меня счастьем.

Когда из толпы доносится особенно громкий свист, мы отстраняемся друг от друга и смеемся.

Я провожу руками по груди Эсбена и чувствую, что радость

захлестывает меня. Как это чудесно. Все ощущения так знакомы и желанны.

– Хочешь кофе? – шепотом спрашиваю я. – А потом, может быть, устриц?

Он ласково касается моей шеи.

– Конечно.

Я несколько раз вздыхаю, чтобы прийти в себя, но не свожу глаз с Эсбена.

– А потом... поговорим о безумных социальных экспериментах, которые мы можем провести вместе и выложить в Сеть? Мне кое-что пришло в голову...

Эсбен неторопливо обводит меня взглядом и вновь ласково касается моих губ.

– Конечно.

– Но сначала... – произношу я без стеснения и колебаний, – но сначала, перед тем как всё это проделать, может быть, зайдешь ко мне, и мы займемся любовью?

– Да. – Губы Эсбена скользят по моей шее, и он берет меня за руку. – Я об этом просто мечтаю...

– А потом... – Я прижимаюсь к нему всем телом. – Может, мы вообще не будем прекращать?

– Согласен. Не будем.

Эсбен хватается меня за талию и кружит. Мы одухотворены радостью и поддержкой стольких людей, которые болели за нас. А затем, одним быстрым движением, Эсбен откидывает меня назад – так красиво и романтично, что дух захватывает.

– Твои подписчики придут в восторг, – говорю я, перекрикивая восторженные вопли толпы.

– О да! – соглашается Эсбен, смеясь. – И я так понимаю, на сей раз ты не против, если я это выложу?

– Не то слово.

– Я так тебя люблю, Элисон. – Он выговаривает эти слова, как будто касаясь моего сердца, а не просто уткнувшись мне в шею.

– И я люблю тебя, Эсбен.

Ни в моей голове, ни в душе больше нет белого шума. Теперь я знаю, что близкий человек необязательно должен быть только один.

Мне выпало гораздо больше. У меня будет столько близких, сколько я захочу. А я хочу много.

Я проживу прекрасную жизнь. Ради Стеффи, ради Саймона, ради всех

этих прекрасных, добрых, заботливых людей – наших подписчиков и поклонников – а главное, ради самой себя.

Я продолжаю обнимать Эсбена. От него пахнет печеньем и любовью.

notes

СНОСКИ

1

«О, благодать» («Amazing Grace») – христианский гимн, написанный английским поэтом и священнослужителем Джоном Ньютоном в 1779 году. Это одна из самых узнаваемых и популярных духовных песен.